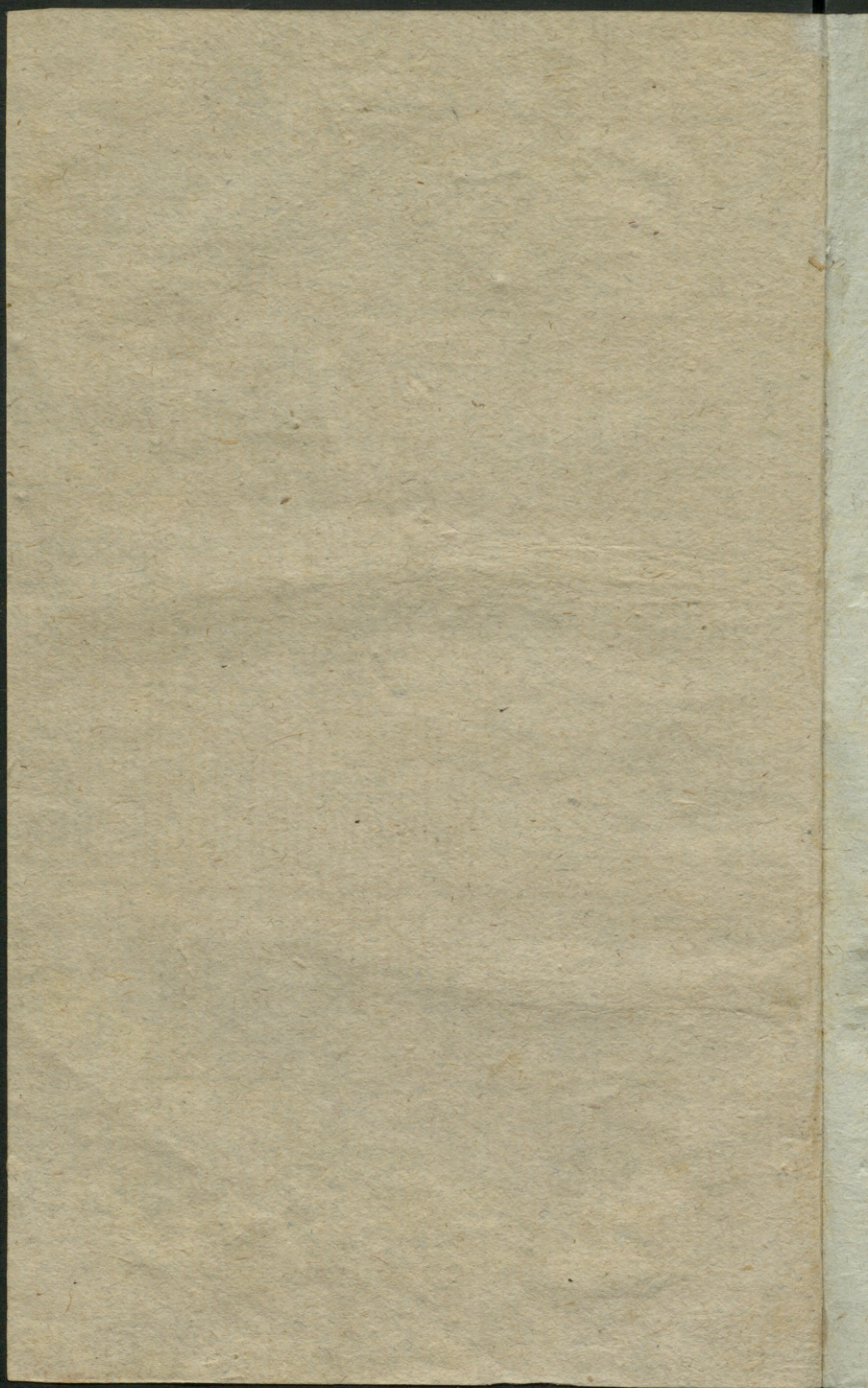

+

433

~~Моя книга Евстафия
Уста Никодимов
№ 202го~~

Регистр Императорского
№ ~~467~~ 468.

ФЕОБАЛЬДЪ,
или
МЕЧТАТЕЛИ.

lit.

5-1733

ОБОБЛАДЪ,

4

Ш 912

или

+

Ш 912

МЕЧТАТЕЛИ,

ИСТИННАЯ ПОВѢСТЬ

Генриха Штудлинга.

СЕРИО

Редкие
книги

По срединѣ дороги иди всего безопаснѣе.

16555

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

кат. Л.

Шифр
Изм.
47996.
ОБЛАСТЬ ПУСКОВ И ПУСКОВИДЯТОВ

М.Л.
БИБЛИОТЕКА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1870.

ХОРОШСКАЯ
И
МУХОМЫНИНА
1873.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1819.

2516

Государственная публичная
библиотека
им. В. Г. Белинского
г. Свердловск

Печаташь дозволяется съ тѣмъ, чтобы
по оппечаташи, до выпуска въ продажу,
представлены были въ Ценсурный Коми-
шетъ: одинъ экземпляръ сей книги для
Ценсурнаго Комитета, другой для Депар-
таментна Минисперсша просвѣщенія, два
экземпляра для Императорской публичной
Библютеки и одинъ для Императорской Ака-
деміи Наукъ. Москва, Ноября 28го дня 1818
года. *Экстраординарный Профессоръ*
Николай Векеловъ.

с 1193308 ✓

Издание Коммисіонера Императорскаго Московскаго Университета А. С. Ширяева,

---

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ,

для читателя нужное.

По заглавію книги я обѣщаю подлинную Исторію: на счещь сей нужно мнѣ объяснитьсь. Иной, читая мою повѣсть, усумнился въ исполненіи моего обѣщанія.

Промысль проводилъ меня опъ юности сквозь многія мечшанія; но я, проходя мимо ихъ, ни къ единому изъ нихъ не прилѣплялся. Иногда я увлекаемъ былъ общимъ пошocomъ. Почтенный отецъ мой имѣлъ шакже многія связи, но никогда не былъ ни фанашикъ, ни мечтатель, хошя былъ знакомъ и въ пріязни съ людьми разнаго рода. Онъ любилъ всѣхъ, кшо любилъ Религію, со всѣми бесѣдовалъ; но я не помню, чтобы онъ когда-либо бывалъ въ собраніяхъ Піемисповъ. Онъ по старинѣ ходилъ со всѣми въ церковь; никогда не былъ

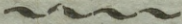
Сепаратиѣтомъ, но не всему слѣпо и вѣриль; читалъ разныя книги миспическія и собѣшвенно былъ нѣчто среднее между Миспикомъ и Протестантомъ. Но жиѣіе его всегда было и еѣть беззазорно и сообразно ученію Христову, исключая обыкновенныя слабости, человекѣу вообще споль свойственныя. Такъ и я былъ воспитанъ, и первоначально еще я болѣе былъ привязанъ къ Миспикѣ, нежели послѣ. Опъ людей разнаго рода, насъ посѣщавшихъ, мы все слышали и вѣдали. Всѣ исторіи о такъ называемыхъ возбужденныхъ намъ были извѣсны. Всѣ, здѣсь достопамятныя мужи, ихъ жизнь и характеры споль часно, споль живо въ нашихъ домашнихъ бесѣдахъ были описываемы, что, кажешся мнѣ, я, возвращаясь мысленно къ тому времени, и нынѣ еще вижу и слышу благочестивыхъ повѣсповашелей, какъ они изображали при сіяніи вечерняго солнца тихія дубравы, священными пѣснопѣвцами наполненныя.

Изъ опчизны моей, богатой мечшашелями, переселился я въ Бергское Герцогство, гдѣ также нашель я множество малыхъ секпъ, копорыхъ происхождение весьма важно для познанія души и для Испоріи рода человѣческаго. Словомъ: собственныя опыты мои доставили мнѣ способы написать Испорію мечшашелей прошедшаго и нынѣшняго ополѣпія. Неоднократно я и приступалъ къ сему сочиненію: но любовь возбраняла мнѣ исполнить мое намѣреніе; ибо до сего времени живы еще нѣкопорые весьма достойные и почтенныя мужи, копорыхъ имена и жизнь я долженъ бы былъ преиши въ молчаніи, а опъ того самаго и повѣствованіе мое было бы недоспапочно.

По сей причинѣ книгъ сей я даль иной оборопъ; — сосшавиль себѣ въ мысляхъ Героя, и жизнь его слилъ изъ разныхъ испинныхъ испорій. Въ жизни сей нѣшъ ничего небывалаго, выдуманнаго, но

происшествія расположены только иначе. Я помѣстилъ тушь нѣкоторыхъ свои собственныя приключенія, перемѣнилъ имена, а, гдѣ можно было, сохранилъ и имена даже истинныя.

Цѣль сего сочиненія состоитъ въ томъ, чтобы показать моимъ соотечественникамъ, что тушь къ истинному временному и вѣчному благополучію проходитъ по срединѣ между невѣріемъ и мечтаніемъ.

~~~~~

БЕОБАЛЪДЪ,
ИЛИ
МЕЧТАТЕЛИ.

~~~~~

КНИГА ПЕРВАЯ.

Ходъ народовъ Германскихъ въ теченіе 15 столѣтія имѣлъ великое сходство съ ходомъ ихъ въ 18 вѣкѣ. Духъ началъ тогда свободно дышати воздухомъ умренимъ по мѣрѣ состоянія, по мѣрѣ возвышенія возрасталъ въ людяхъ свѣтъ, все окрестъ ихъ озарявшій. Одинъ другому вѣщамъ пересказывалъ видимое; свѣтъ такимъ образомъ еще болѣе распространялся. Изобрѣшеніе книгопечатанія, открытіе новаго полушарія земли также много къ тому содѣйствовали. Наконецъ въ 16 столѣтіи совершилась великая перемѣна, которая, не взирая на всѣ сужденія, могущественно способствовала къ общему познанію истины.

Преобразование — реформація — освободило многіе народы отъ ига. Досель непреложный долгъ претовалъ слѣпо вѣрять и повиноваться

ся велѣніямъ Рима. Но тогда о всѣхъ Протестантскихъ народахъ можно было сказать: всякой дѣлалъ, что признавалъ за благо. Духовная власть охраняла неприкосновенность своихъ символовъ, утвержденныхъ Государственными постановленіями и мирными договорами. Свѣтская власть подавала ей въ помощь также руку помощи: но наконецъ каждой могъ чинать, и каждой свободно могъ имѣть книги. Библия, общее основаніе Религіи, переведена была на Нѣмецкій языкъ, и повсюду распространилась. Возникли между нѣмъ многіе умы, и здравомыслящіе, и надмѣнные, мечпашельные, кои или подлинно видѣли, или мнили только видѣть далѣе, лучше другихъ, или же, копорые увлечены были шокмо духомъ новаго образа мыслей. Всѣ они хотѣли воспользоваться новою свободою, явились на зрѣлище, учили, проповѣдывали изустно и писаніями, и по обстоятельствомъ прослыли мечпашелями, начальниками малыхъ, или большихъ сектъ. Была ли сія свобода полезна царствію истины — есть такой вопросъ, на который отвѣщивать нѣмъ, что не рѣдко среди раздѣленій и состязаній истина возсіявала. Когда всякой можетъ мыслить свободно: тысячи началъ произрастаютъ на полѣ ума; каждой можетъ испытывать ихъ, и

испытанія сіи раждають нѣкоторое общее стремленіе, которое болѣе и болѣе просвѣщаетъ и очищаетъ разумъ.

Многіе начальники сектъ 16 столѣтія давно забыты потомками того вѣка. Имена ихъ сохранились только въ Церковной Исторіи. Но два мужа, которые съ того времени до сихъ поръ, а можетъ быть и долго еще будутъ дѣйствовать впайнѣ, достойны особеннаго примѣчанія. Одинъ изъ нихъ есть основатель Анабаптистовъ, перекрещенцевъ, Симонъ Менно; другой извѣстный Яковъ Бемъ. Анабаптисты живутъ вездѣ спокойно и мирно. Ученіе ихъ шакъ мало различуется отъ Протестантской Религіи, что все различіе состоитъ въ нѣкоторыхъ только обрядахъ. Существованіе ихъ не имѣетъ никакого особеннаго вліянія на царство истины; но Бемъ давно впайнѣ даже и между протестантами дѣйствуетъ съ силою и властію. Языкъ его, обильный живописными изображеніями, самою простотою высокій; предметы дивные, имъ предлагаемые; тонкое шайновѣдѣніе, сквозь выраженія, не рѣдко даже несвойственныя, грубыя прокрадывающіяся, производя въ простодушномъ читателѣ столь глубокое впечатлѣніе, что онъ, при нѣкоторомъ воспаленіи воображенія, при стремле-

ни сердца къ совершенству, мгновенно можешъ впастъ въ сѣши ошца лжи и мечпанія, когда благовременно не ошсупишиъ назадъ и не обратишя на просый, правый пущъ вѣры и ученіе Церкви. Но шощъ, кто вкусиль и увидѣль, сколь сладокъ духъ мечпанія, шощъ шолько можешъ сказашъ, сколь шрудно сіе обращеніе.

Естьли однакожь чшеніе Бема возродило и нынѣ еще раждаешъ шполь многихъ мечпашелей: шо вопросъ, былъ ли по шому самъ онъ мечпашель? Надлежишъ прежде всего опредѣлишъ, что ешъ мечпашель? Слово сіе недовольно еще обьяснено. Эншюзіасшъ и фанашикъ называющя равно мечпашелями: но разншвующшъ между собою. Эншюзіасшъ по мнѣнію моему ешъ шакой человекъ, который по крайней мѣрѣ большую часшъ справедливыхъ умозаклученій и истинныхъ поняшій одѣваешъ покровами фаншазіи, и одни сіи свои образы счишя нагою истиною, съ пламеннымъ рвеніемъ высшавляешъ ихъ на позорище. Напрошивъ шого фанашикъ всякое живое предшзавленіе, воображенія приемлешъ за истину и даже выдаешъ его за божешвенное вдохновеніе. Мечпашели сего рода весьма опасны, между шѣмъ какъ первые въ рукѣ Провидѣнія бывающъ добрыми орудіями и вре-

дѣшь рѣдко. Къ сему послѣднему роду должно причислить Якова Бема. Большая часть его ученія согласна съ чистою Религією Христовою. Все прочее въ немъ наполнено философскими невинными предположеніями; наконецъ нѣкопорыя мѣста въ немъ совсѣмъ непонятны и пошому бесполезны.

Не смотря на сіе, творенія Бемовы производили нѣкопорый вредъ, какъ это чистопелели въ послѣдствіи увидѣшь. Творенія его писаны для Философовъ, которые умѣють опдѣлять нечисное отъ числаго, и они могутъ найти въ нихъ много полезнаго. Не я одинъ такого мнѣнія, но многіе великіе и просвѣщенные мужи то же утверждали и утверждаютъ. Я продолжаю.

Седмонадесѣти столѣтіе было вѣкъ войны, почти непрерывной. Разумъ не имѣлъ ни покоя, ни времени къ созерцаніямъ. Предлежалъ тогда ему одинъ трудъ сохранить то, что онъ имѣлъ, дабы никто не похитилъ у него вѣнца его. Что во дни реформаціи было посвящено, то опчаспи тогда пожиналось. Но духъ мечтанія непреставалъ распространять своихъ дѣйствій. Ученіе Парацельсова особенно имѣло много вліянія. Каждой хотѣлъ рыться въ семь хаосъ. Іоаннъ Баптистъ, Францискъ Меркурій Фонъ Гельмоннъ и мно-

гіе другіе составили изъ всего сего родъ нѣкошорой системы. Другіе присоединили къ шому и Бемово ученіе. Со всѣхъ споронъ возвѣщаемы были дивныя предметы. Въ сіе самое время Томасій и Голффридъ Арнольдъ, знаменишыя безмѣрною ученостію, искали и спины въ царствѣ мечпанія; послѣдній особенно служилъ всѣмъ въ назиданіе превосходнымъ примѣромъ: онъ былъ мужъ благочестивый, и дарованіями своими возжигалъ въ мечпашеляхъ огонь, спремленіе къ дѣяшельному усовершенію. Одна Церковная Исторія его доказываешъ неописанную пользу шрудовъ его. Многіе чипали сіи и подобныя сочиненія впайнѣ, спраха ради Іудейскаго, иныя Парацельсизмъ соединяли съ симъ чпеніемъ; возспало множештво благомыслящихъ, но обманушыхъ злашодѣлашелей. Мечпанія шакимъ образомъ разливались среди грома войны; но гдѣ сѣмя падало на добрую землю, шамъ въ пишинѣ образовались великіе мужи. Повсемѣшныя бѣдствія для шаковыхъ были горниломъ очищенія; они связаны въ снопы и блюдушя въ вѣчной жишницѣ.

Миръ наконецъ послѣдовалъ брани. Лудовикъ 14 былъ въ шо время вседвижушяя сила всей Европы. Дворъ его былъ училище образованности и шонкаго вкуса; дворянштво Нѣмец-

кое, дошолъ грубое, непросвѣщенное, успремилось къ сему источнику: но вмѣсто просвѣщенія взыскуемаго, оно принесло съ собою обратню въ отечество самую Францію, водворило ее въ нѣдрѣ Германіи. Бышь прямымъ Нѣмцемъ въ послѣдствіи времени спало спыдно; достоинство сіе предоспавлено черни; дворяне всѣ сдѣлались Французами. Познакомились мы и съ Французскою Липшерапурою; она также имѣла много вліянія на Нѣмцевъ.

Въ то время во Франціи Іанзенизмъ производилъ много шуму. Должно признашь, что въ числѣ послѣдовашихъ сего ученія были мужи опличные. Они особенно держались миспической Религіи, копорая до тѣхъ поръ въ Германіи, по крайней мѣрѣ между Пропешанпами, мало была извѣсна. Нужно предсавившь при семъ крацкое поняшіе о Миспикѣ, копорая столь часпо въ продолженіе сей Испоріи будещъ являшься на сценѣ, какъ нѣкое Божество рукошворное.

Житіе монашпырское, искони установленное съ тѣмъ намѣреніемъ, чшобы люди могли безъ заботъ, препяпспвій и попеченій, предаванься единспвенно исполненію правилъ Религіи, и по любви къ Богу и ближнему содѣйствовашъ усовершенспвованію рода чловѣческаго, не составляло собспвенно принад-

лажности, части Религіи, но послѣдствіе
 оной; никто по крайней мѣрѣ первоначально
 не думалъ, что житіе сіе необходимо нужно
 для чего, дабы болѣе уподобиться Богу. Въ-
 сшо того каждый избиралъ себѣ нѣкоторыя
 внутреннія и внѣшнія средства усовершенія.
 Набожныя усановленія и подаянія милосыни
 сославляли весь кругъ любви къ ближнему
 между Христіанами, мысленно опъ міра оп-
 рицавшимися. Въ пощеніяхъ, въ учрежденныхъ
 въ опредѣленные часы дня моливахъ и въ
 церковныхъ обрядахъ прошекала вся жизнь
 монашескую, и на спрогомъ исполне-
 ніи сихъ обязанностей основывалась свяность
 Христіанина: но въ монастыряхъ, равно какъ
 и во всѣхъ состояніяхъ, являлись люди, опли-
 чные разумомъ и благочестіемъ, обоого пола,
 которые усмапривали, что все сіе внѣшнее
 прудничесво мало способствовало къ нрав-
 стванному усовершенствованію духа челове-
 ского, и что основаніе всего совершенства
 есть образъ Божій въ человекѣ, уподобленіе
 Богу. Чтобы достигнуть сей степени, сіи
 просвѣщенные учителя представили нѣकोпо-
 рья правила, окрестъ которыхъ, шакъ ска-
 зать, обращается вся сфера Миспики. Пра-
 вила сіи крашко соспоятъ въ слѣдующемъ:
 „Богъ есть существо, исполненное вѣчной и

безпредѣльной любви, естъ высочайшая кро-
поспѣ, высочайшая благоспѣ, высочайшая
премудроспѣ: въ Немъ единомъ естъ испоч-
никъ всего блаженспва и всякой испинной ра-
доспи.“

„Человѣкъ естъ совершенная всему сему
прошвиоволожностпѣ; онъ любипѣ полько од-
ного себя, любипѣ ближняго покмо по мѣрѣ
шого, какъ онъ нуженъ для цѣли его само-
любия; все, что на сему пупи ему прошивубор-
спвуешпѣ, онъ ненавишипѣ и гонипѣ. Онъ
есть игралице спраспей своихъ; необузданъ
въ желаніяхъ, слѣпъ, немощенъ въ разумѣ, и
онъ шого въ еспештвенномъ своемъ соспояннѣ
нещаспливъ и гореспенъ.“

„Хриспосъ Испушпелъ даровалъ человѣку
способностпѣ быти образомъ и подобиемъ Божи-
имъ, еспли онъ напряшетпѣ къ шому свои
силы, исполнитпѣ заповѣданное и воспользуетпѣ
ся шуне изливаемой помощію. Кто преидетпѣ
сей шрудный пупъ, шотъ находитпѣ спасеніе
въ заслугахъ поспрадавшаго Испушпеля.“

„Такимъ образомъ пупъ Хриспїянина на-
чинаешпѣ шѣмъ, чтобы человѣкъ предпринялъ
швердое, непоколебимое намѣреніе не грѣшипѣ,
но входипѣ всегда къ вящшему совершенспву.
Къ сему пошребно слѣдующее:

Часть I

В

Б

Л

И

Ш

7996

Сибирская публичная
библиотека
им. В. Г. Боллнекого
г. Свердловск

1. „Непрестанное бдѣніе надъ мыслями и воображеніемъ, всѣ помышленія, всѣ въ душѣ образы должны низлагаться, падать долу. Душа въ тишинѣ должна погружаться въ невозмущаемое безмолвіе. И сіе называется внутреннимъ возвращеніемъ.“

2. „Непрестанно предзрѣшь предъ собою Бога вездѣсущаго, и всею силою ума и всѣмъ помышленіемъ неуклонно къ Нему обращаешься. Съ симъ взираніемъ на Бога соединяется непрерывное стремленіе къ соединенію съ Нимъ, совершенная преданность Его волѣ, словомъ совершенная отъ Него зависимость: и сіе называется, ходишь въ присутствіи Божіемъ; глубокое же вождѣніе души уподобилось Богу есть внутренняя непрестанная молитва.“

3. „Поелику въ обращеніи съ людьми встрѣчаются безпрестанныя искушенія и препятствія, то должно предпочитать жизнь уединенную, и по возможности отъ людей удаляться. По сему самому, равно и по тому, что побужденіе къ распространенію рода человѣческаго заражаетъ душу мірскими и отъ Бога отвращающими помыслами, безбрачная жизнь предпочтительнѣе.“

Всякой разумный читатель согласится, что сіе мистическое ученіе въ монастыряхъ должно было произвести весьма полезное влія-

ніе надъ благомыслящими, и по испинѣ оно образовало многихъ оплично добродѣшельныхъ и благочестивыхъ мужей. Въ числѣ ихъ особливо достопамятны три особы, всею Капюлическою Церковію чшимья: Св. Екашерина Сиенская, Св. Екашерина Генуезская и Иоаннъ а Стисе. Молинось сюда же принадлежить, хопя въ его системѣ находятся нѣкопорья, опъ ученія первыхъ шрехъ различныя вещи. Всѣ они были превосходные люди.

Всеобщее просвѣщеніе и распроспраненіе наукъ имѣли шакже вліяніе на Религію. Карпезій опкрываль новый пупь въ Философіи, и умъ челювѣческой шакимъ образомъ приближался къ шакюй эпохѣ, опъ кошорой могла произойши народная, шакъ сказашь, перемѣна во образѣ мыслей.

Въ сіе самое время возникла во Франціи одна чрезвычайная женщина, именемъ Іоанна Марія Бавіерь де ла Мопъ, коей родители были спрогіе Каполики. Она опъ самой колыбели восчувствовала непреодолимое желаніе бышь свяшою. Не рѣдко вспрѣчаются дѣши, опкрывающія съ самаго младенчества рѣшительную способность къ шому, къ чему они предназначены. То самое было и съ симъ младенцемъ. Бесѣды, Жизни Свяшыхъ воспламеняли ее до шакюй спепени, чшо она не хопѣла ни-

чего другаго видѣшь, ни о чемъ иномъ слышашь, какъ только о Религи и объ упражненіяхъ благочестія. Какъ же въ Римской Церкви общее мнѣніе поставляло правиломъ, что высочайшая степень святости можетъ быть достигнута въ монастырѣ: по Іоанна такъ же съ самаго начала изъявляла желаніе къ жизни монастырскаго. Родители дозволили ей пребыть въ монастырѣ нѣсколько времени; тамъ, посредствомъ сиротаго трудолюбства, она нѣмъ скорѣе опленила себя всѣми подвигами миспической Религи, что сама настоятельница была весьма привязана къ сему ученію. Насилованіе воли, съ которыми сія молодая и нѣжная дѣвушка побѣждала всѣ свои склонности, превосходила всю имовѣрность. На прим.: Она была чрезвычайно брезглива, и по тому самому болѣе всего прислуживала такимъ больнымъ, которые были въ смрадныхъ ранахъ, и какъ она думала, что всякая склонность должна быть умерщвляема, то до того времени въ семь упражнялась, пока наконецъ изъ ранъ шаковыхъ гной могла высасывать языкомъ и губами безъ опшраченія. Такимъ образомъ она смиряла всѣ свои желанія, и наконецъ имѣла такую власть надъ своею душою, что была совершенно безъ всякой воли; въ ней владычествов-

вали одни шѣ правила, копорыя она признавала за божественныя и праведныя. Чшо шаковое преодолѣніе самаго себя возможно, ни кшо не воспрекословишь, кому испорія Браминовь извѣсна; ибо они подвергаютъ себя разному подобному шрудничеству еще гораздо болѣе. Иоанна дѣлала все сіе въ шомъ шолько намѣреніи, чшобы доспигнушь совершенства, и шѣло свое изнуряла шолько въ шой мѣрѣ, сколько сіе нужно было для оной цѣли. Подводный камень, о копорый всѣ шаковые люди легко могушь прешыкаться, ш. е. духовная гордосшь, не была для нея опасна; ибо она основаніе совершенства находила въ примѣрѣ уничиженія Иисуса Христа, и для шого скрывала въ глубочайшей шайнѣ все то, чшо сколько нибудь могло льспить ея честолюбію, словомъ: чшобы кшо ни говорилъ о ея сочиненіяхъ, испинная, мужеспвенная добродѣтель, кротосшь, неописанная благосшь сердца и всеобъемлющая любовь къ ближнему, соспавляющъ опличительныя черщы сей женщины во всей ея жизни.

Какъ она ни желала оспашься въ монашырѣ, родишели ей шого не дозволили. Она была прекрасна, и пошому имѣла много обожашелей. Нѣжностъ и кротосшь души ея и умъ пронцашельный шоль ясно были видны

въ возвышенныхъ и правильныхъ чертахъ лица ея, что никто не можешь бышь привлечьельнѣе хорошаго порпрета ея; но къ сердцу ея никто не находилъ опкрытаго входа. Въ вышней степени цѣломудренная и непорочная, она ревностно спрегла свое сердце; по правиламъ своимъ почти не говорила съ мущинами; вмѣняла въ обязанность повиноваться родителемъ, и не выбирашь того, кто ей нравился; съ полною же волею въ выборѣ, она безъ сомнѣнiя избрала бы почно того, ошъ кого бы надѣялась претерпѣшь болѣе гоненiй и скорбей. Сiе она доказала въ печенiе всей своей жизни; и паковъ вообще ешь духъ Миспицизма.

Наконецъ нѣкто Г. Гийонъ полюбился ея родителемъ. Они обѣщали ему дочь свою безъ ея вѣдома. Она покорилась ихъ волѣ, и совершенно вопреки своей склонности вышла за него замужъ. Спраданиа ея въ продолженiи сего супружества были неописанны; мужъ ея почиталъ ее сумасшедшею; согласно съ своими правилами, она исправляла самыя низкiя по хозяйству работы и сносила все безъ роптанiя. Служанка ея господствовала: она терпѣла все съ невѣроятною кротостiю. Опъ оспы она потеряла красоту свою. Любовь мужа къ ней опъ того умалилась, однимъ

словомъ: надобно чипашь ея жизнь, чшобы удосповѣришься въ бѣдспвіяхъ, кои сія во всѣхъ опношеніяхъ добродѣтельная и великодушная женщина переносила. Наконецъ мужъ ея умеръ, и Г-жа Гийонъ на нѣсколько времени опдохнула. Она одѣвалась, какъ монашенка, и во всю жизнь оспалась вдовою. Вскорѣ за пѣмъ она явилась на сцену, какъ учительница, сдѣлалась извѣсною, и многими знашными особами была уважаема. Между прочими Фенелонъ искалъ ея знакомства. Фенелонъ былъ тогда юноша благочеспивый, въ званіи учителя Французскаго Принца крови. Вся Европа знаетъ его по Телемаку, а друзья Религіи по духовнымъ его сочиненіямъ. Г-жа Гийонъ спала его духовною пушеводительницею; онъ принялъ ея правила и ей одной былъ обязанъ духовнымъ своимъ образованіемъ. Въ послѣдспвіи онъ былъ Архіепископомъ Камбрейскимъ и продолжалъ съ нею дружескую связь до самой ея смерти.

Вѣчный спыдъ для пѣхъ, кои думали, что Г-жа Гийонъ была любовницею Фенелона. Кшо связь ихъ порицаешь такимъ образомъ, щопъ не чипалъ жизни ея, а еще менѣе ея сочиненій. Такіе поносители обыкновенно суданъ о другихъ по себѣ, и не вѣрашъ, чшобы люди различнаго пола могли бышь друзьями

безгрѣшно. Чшо кажешся имъ невозможнымъ , шо по ихъ мнѣнію прошивно нашурѣ : хошя впрочемъ въ самомъ семъ сочиненіи будущъ важныя исторіи , гдѣ шаковое соображеніе дѣйствительшо имѣло недобрыя послѣдствія. Въ своемъ мѣспѣ я изъясню о семъ свой мысли. Я даже полагаю , что въ самыхъ непорочныхъ , скажу свяшыхъ особахъ , каковы были Г-жа Гийонъ и Фенелонъ , можешъ вкраспѣся шонкій и шайный Платонизмъ , шакъ , что они сами шого не примѣшяпъ , и въ сердцахъ несовершеншо искушенныхъ и очищенныхъ принеспи плоды пагубные. Но доколѣ еіе соображеніе находися въ границахъ невинности , оно не шолько дозволено , но даже полезно ; особливо , когда чрезъ шо не нарушашется согласіе супружества , и не подаешся другимъ никакого соблазна. Многообразныя сочиненія Г-жи Гийонъ: Письма , Духовныя пошюки , Пѣсни , Книга о внушренной молишвѣ , Изъясненіе Библии , Жизнь ея и проч. въ концѣ 17 и въ началѣ 18 столѣшя обратили вниманіе всей Европы , и особенно Германіи. Самый чистый Мисницизмъ , копорый на каждомъ лиспѣ ея сочиненій проповѣдуешся языкомъ крошкимъ , языкомъ сердца , просто , безъ всякихъ мечпаній , соопвѣшпенно съ разумомъ здравымъ , но склоннымъ къ шайно-

вѣдѣнію, Мистицизмъ, коимъ все въ ея твореніяхъ дышетъ, увлекъ за собою высокихъ и низкихъ, ученыхъ и неученыхъ. Удивительно, сколько сія женщина вездѣ имѣла, и нынѣ еще имѣетъ послѣдователей. Между тѣмъ она пребыла вѣрною Римской Церкви; во всѣхъ ея сочиненіяхъ не лѣзя ничего найши, что самое строгое судилище, самая даже спрашная Инквизиція могли бы изъ нихъ изгладить. Не взирая на то, злобное коварство ввергло ее въ продолжительное и шягоспное зашоченіе. Іанзенизмъ былъ единственною пому виною; ибо какъ между людьми, по сему ученію извѣспными, большая часть держалась образа мыслей Г-жи Гийонъ; по она обвиняема была и въ Іанзенизмѣ и по вліянію своему на умы почиталась опасною. Надлежитъ присовокупить къ сему зависть и наконецъ любовь ея къ спраданію, шакъ, что она ни въ чемъ почти не оправдывалась, но лучше желала жизни лишиться. Наконецъ знаменишая Г-жа Меншенонъ обратила вниманіе на ея жребій, спаралась получить объ ней свѣдѣнія, и по счастью встрѣшила людей преданныхъ Г-жѣ Гийонъ. Скоро ей подана рука помощи; она съ честію вышла изъ шемницы и, ешьли я не ошибаюсь, сконча-

лась въ мирѣ и славѣ въ 1717 году на 70 году своей жизни.

Я упомянулъ о шѣхъ только мужахъ, копорые на общее образованіе умовъ въ Германіи, относительнo до мечпаній разнаго рода, имѣли наиболѣе вліянія. Ибо не должно думать, что сверхъ описанныхъ мною лицъ нѣтъ уже ни кого достопримѣчательнаго по сей части; въ послѣдствіи увидимъ, что многіе иные не безплодно на семь же пути дѣйствовали. Здѣсь я ограничусь наименованіемъ еще двухъ Англинскихъ писателей, кои также бросили весьма примѣшную нѣнь на картину, намъ подлежащую.

Іоаннъ Пордечъ и Іоаннъ Лиде издали книги, копорыя, естли онѣ суть и одно произведеніе воспламененнаго воображенія, наполнены высокими предметами и изображеніями, словомъ въ своемъ родѣ дышуть Англинскимъ духомъ. Они переведены на Нѣмецкій языкъ, и такимъ образомъ дошли до рукъ любительей чтенія въ Германіи. Прочія Англинскія секшы, Квакуеры, Методисты и шому подобныя, не переходили въ Германію, и не имѣли шамъ никакого вліянія.

И шакъ со времени преобразованія до сей эпохи Германія не имѣла времени, шакъ сказать, опомнишься, раскрышь и образовашь

свой собственный духъ народный. Въ 16мъ столѣтїи познанїя едва только еще возраспашь начинали; выключая немногихъ мыслившихъ, всѣ вообще вѣрили еще слѣпо духовнымъ, признавали ихъ Дикшапорами. Въ 17мъ столѣтїи войны и бѣдствїя воспящали общее просвѣщенїе, или по крайней мѣрѣ затрудняли его. Не взирая на то, здравая, правильная Философія отражала отъ себя лучи свѣта: мы здѣсь не опредѣляемъ достоинства сего свѣта, былъ ли то свѣтъ истинный, или ложный, или былъ смѣшенїе лжи и истины. Выше упомянутые учители сдѣлались извѣстными; писанїя ихъ каждый читалъ при своемъ свѣтѣ; и такимъ образомъ нечувствительнo произошло общее расположенїе націи Нѣмецкой; посяно сѣмя, кошораго произраспѣнїя до сего времени возникали, и впредь возникать не престануть. Ко всему сему присоединилось послановленїе, во Франціи принятое, по коему тысячи изгнанниковъ рассѣялись по Германїи, и принесли съ собою Французскїя искусства, роскошь, вкусъ утонченный, прїятность общежитїя, набожность, Мистицизмъ, мудрость, безумїе, свѣтъ и тьму. Все сіе распроспраняло повсюду свои дѣйствїя, все прїугошляло умы къ нѣкоей общей перемѣнѣ.

Хотя въ семь сполѣтій война также продолжалась: но сіи, въ сравненіи съ прежними, малыя часшныя брани, гораздо менѣе шягоспныя, не полагали уже непреодолимыхъ общихъ преградъ въ развитіи умовъ. Умозрѣнія распроспранялись. Французскіе выходцы принесли съ собою писанія Г-жи Гийонъ и другія миспическія сочиненія. Мало помалу умы приугошвлены были къ послѣдующимъ явленіямъ.

Въ Нидерландахъ жилъ Пепръ Поарешъ, весьма ученый и благочеспивый челоѣкъ, преданный сверхъ того совершенно миспической Религіи. Онъ былъ ученикъ Фенелоновъ и образовалъ себя во всемъ по его примѣру. Если не ошибаюсь, онъ былъ также въ дружеской связи и съ знаменишою по набожности Аншоанешою Бургиньонъ: по крайней мѣрѣ она въ его время жила еще въ Нидерландахъ. Онъ перевелъ на Нѣмецкій языкъ сочиненія Г-жи Гийонъ, Бургиньонъ, Іоанна *a Cruce*, и многихъ другихъ миспическихъ писателей. У каждаго въ рукахъ они находились: изящное швореніе Оомы Кемпійскаго онъ также перевелъ на Нѣмецкій языкъ. Поарешъ какъ сими шрудами своими, такъ и жизнью спрого нравспвенною и благошворною обрашилъ на себя во всѣхъ Нидерландахъ великое вниманіе.

Сіе было въ первыхъ двадцати годахъ 18 столѣтія. Ошселѣ распространилась сила энтузіазма на всю Германію. Умы здѣсь до сихъ поръ пишались духомъ Бемовымъ и Парацельсовымъ : умы, разумѣю я, шѣ, кошо-рые не довольсшвуются обыкновенными символами вѣры, для коихъ они недоспащочны, коихъ они не успокоиваютъ ; и сія часть людей по испинѣ гораздо многочисленнѣе, нежели какъ по воображаютъ.

Къ сему миешико - Бемову духу присо-единилось предположеніе, споль сильныя дѣй-ствія произведшее, или ученіе о возсшанов-леніи всѣхъ вещей. Нѣкто Пешерсенъ напи-салъ пракпанъ о божесшвенномъ домосстрои-тельсшвѣ пламеннымъ восшочнымъ слогомъ, споль сходсшвеннымъ съ Библиєю, что всѣ, сколько нибудь къ шакowymъ понашіямъ рас-положенны умы, успремилась, шакъ сказашъ, въ слѣдъ за нимъ, всѣ вѣровали Пешерсену. Ученіе его основалось на сихъ главныхъ нача-лахъ, что человекъ въ сей жизни не можетъ досшигнушь высочайшей степени чисшопы для созерцанія Бога и для блаженсшва пошреб-ной, и что пошому очищеніе нужно по смер-ши. Доселѣ Пешерсенъ былъ согласенъ съ Мисшиками. Далѣ онъ заключалъ, что без-законныя и даже злыя души находятся

огнь очищенія , такъ , что все шворенія , по большей или меньшей мѣрѣ зла , должны переходить большія или меньшія муки ; но наконецъ все къ первому началу возвратится и Богъ будетъ всяческая во всемъ . Къ сему не новому , но для разума человѣческаго споль пріяшнему ученію присовокупилося пысящелѣшнее Царство Хрисово на землѣ , съ понятіями о первомъ и вшоромъ Воскресеніи , возвѣщенномъ въ Апокалипсисѣ . Въ семъ собшвенно соспоаяль крикъ ученія Пеперсенова ; онъ говорилъ возвышенно и чисто , безъ плошской и чувшвенной примѣси , какъ въ помъ несправедливо онъ былъ обвиняемъ . Пеперсень , жившій въ Сѣверной Германіи , склонилъ большую часть людей на свою спорону и къ общей каршинѣ придалъ новую оппѣнку .

Іоаннъ Тенгардъ , ремесленникъ , родомъ изъ Франконіи , и Іоаннъ Георгъ Розенбахъ , подмасперье , жившій въ Гейльброннѣ , были въ спрогомъ смыслѣ мечшашели , хошя и благонамѣренныя ; но умы ихъ , какъ нѣкошорымъ недугомъ , заражены были шонкимъ квасомъ необузданнаго рвенія къ обращенію другихъ ; они увлечены были въ нѣкія хипрря сѣши , были нещасшны . Еспшли бы съ ними посшуплено было съ большимъ благоразуміемъ , не сполько бы они надѣлали шума . Но какъ

они приняты были за явленія важныя и заключены въ пемницу; какъ они припомъ не проповѣдовали никакого ложнаго ученія, а только покаяніе и обращеніе, то все сіе вмѣстѣ привлекало къ нимъ еще болѣе послѣдователей. Вся чернь пошекла къ нимъ. Подобныя явленія возникали не рѣдко въ Германіи.

Здѣсь я долженъ сказать примѣчаніе, заслуживающее бытъ провозглашеннымъ по всѣмъ странамъ Христіанскимъ, на спогнахъ и на распушіяхъ, примѣчаніе несказанно важное. Непонятное небреженіе и усыпленіе духовенства погдашняго вѣка, невѣдѣніе и неопытность ихъ въ пушевожденіи душъ, и при всемъ томъ упорное ихъ власполюбіе, были погда болѣе причиною мечпаній, нежели сами мечпанели. Проповѣди, копорыхъ никто не разумѣлъ, и виѣшніе обряды, сосставляли погда вообще всю Религію; люди шѣсными были по произволу, и не взирая на то, мыслили и посшупали иначе. Были въ шѣ времена и досшопочщенные учители Церкви, ясные свѣшильники во мракѣ: но я говорю вообще о погдашнемъ духовенствѣ. Тенгардъ и Розенбахъ гонимы были не за ложныя заблужденія, но за то, что они взялись не за свое дѣло, и что такіе просшые люди, невѣжды, уничтожали въ глазахъ народа званіе духовныхъ.

Естественное слѣдствіе сего было негодованіе сего самаго народа, который возраспалъ въ просвѣщеніи, между шѣмъ, какъ Пасторы его далеко назади оставались. Такимъ образомъ мало по малу люди, начинавшіе видѣть яснѣе, восспавали противъ духовенства, и шѣмъ самымъ положено основаніе мечпаній и невѣрія.

Въ такомъ положеніи находилось духовенство Протестантской Церкви въ началѣ 17 столѣтія; но власть его тогда еще болѣе дѣйствовала, нежели нынѣ. Просвѣщенные Богословы давно о шомъ сѣшовали, возобновляли свои жалобы: прочитайше Шнепера, Гошфрида Арнольда, Іоанна Каспара Шадена, Хриспіяна Гобурга и иныя сочиненія: найдеша, что мною не много сказано.

Въ сіе время явились на сцену два человека, характеромъ одинъ оный другаго совѣмъ отличные: извѣстный во всей Германіи Гохманъ, и извѣстный всему свѣту Диппель, или, какъ оный самъ себя называетъ въ своихъ сочиненіяхъ, Хриспіянъ Демокрипъ. Сіи два человека въ Германіи были, шакъ сказано, камень краеугольный и главныя пружины мечпательства, Пиепизма, Сепаратизма, а между шѣмъ весьма способствовали и истинному Хриспіянству.

Происхожденіе Гохмана обстоятельно мнѣ не извѣстно: но я думаю, что онъ былъ промышленникъ, который по мастерству своему переселился въ Нидерланды, и тамъ обрѣвалъ себя по духу Поареша. Онъ говорилъ прекрасно по Нѣмецки, хотя былъ человѣкъ простой и неученый, видъ имѣлъ почтенный, одѣвался скромно, но число, характера былъ во всемъ самаго лучшаго, какой только можно себя предсавить. Оставивъ Голландію, когда ему было около тридцати лѣтъ, онъ спрасивъ по Герцогствамъ Юликскому, Бергскому, Клевскому и по всѣмъ окрестнымъ мѣстамъ; вездѣ искалъ случая проповѣдовать; спекалось къ нему большее или меньшее множество народа, гдѣ какъ удавалось; онъ училъ чиспо-му Миспицизму, совершенному обращенію къ Богу, совершенному исправленію сердца по образу Иисуса Христа, безкорыстной любви къ Богу и къ ближнему и проч.: изъяснялся на народномъ языкѣ съ удивительнымъ энтузіазмомъ, съ неописаннымъ жаромъ, но безъ всякаго школьнаго вишійства и безъ фанапизма; все, чему онъ училъ, оживлялъ своимъ примѣромъ. Владѣя самъ своимъ сердцемъ и спрасями, смиренный и преданный во всемъ волѣ Божіей, онъ плѣнялъ каждого, кто съ нимъ ни обходился. Куда ни былъ приглашенъ, вездѣ бывалъ; са-

дился на послѣднее мѣсто и даже между служителями; молчалъ всегда до пѣхъ поръ, пока не удосповѣрялся въ пользѣ бесѣды; словомъ, былъ во всемъ человѣкъ превосходный.

Чишашели мои, можешъ спашься, подумаюшъ, не мечшашель ли уже и Шпиллингъ? Любезные братья и сестры! ради Бога не увлекайшесь спремленіемъ общаго пошюка, и ешъли услышише слово о Религійи и поклонникахъ Божіихъ, сказанное съ жаромъ, не приписуйше сего шючасъ мечшашельности. Не осуждайше меня, не прочишавъ моей книги. Ешъли я и шюгда въ глазахъ вашихъ все буду мечшашель: шю я не для васъ писаль: мы разшанемся.

Сколь ни невинно и ни полезно было проповѣдованіе Гохмана, шѣмъ не менѣе оно ему воспрещено. И какъ сіе запрещеніе не послужило ему преградою, шю онъ заключенъ въ шемницу: эшо былъ дѣйшвишельнѣйшій способъ, какъ я и выше сказалъ, къ расшросшраненію его ученія. Просшой народъ, преданный Религійи, находилъ въ церквахъ мало пиши; многіе не могли приобрѣшашь себѣ Мисшическихъ книгъ; многіе объ нихъ ничего почши не слыхивали. Являлся человѣкъ, говорившій ишшину съ силою и власшю: вездѣ былъ прииваемъ, какъ посланникъ ошъ Бога. Всѣ

взоры къ нему устремлялись, все усматривали въ немъ черты такого посланника, а по тому, что онъ былъ гонимъ и преслѣдуемъ, все шѣмъ еще болѣе къ нему прилѣплялись. Не только шѣ, кто знакомъ уже былъ съ сочиненіями Бема и Г-жи Гийонъ, но многіе, кои до сихъ поръ и не думали объ исправленіи самихъ себя, начали шунъ помышлять о душѣ; возбужденіе сдѣлалось общимъ; одинъ передавалъ духъ сей другому. Гохманъ иногда довольно долго былъ въ заключеніи, потомъ снова получалъ свободу, и какъ только выходилъ изъ темницы, возобновлялъ съ прежнимъ рвеніемъ свои проповѣди и наставленія.

Правительство и духовенство, скажутъ мнѣ, имѣли право преслѣдовать Гохмана, или по крайней мѣрѣ запрешить ему ученіе, потому что полиція не должна терпѣть скрытнаго проповѣдованія. На сіе я отвѣчаю: скрытныя проповѣди по справедливости не должны быть шерпимы въ такихъ случаяхъ, когда кто учить вътайнѣ; когда извѣстныя только лица собираются слушать сіе ученіе, и всякому входъ не позволенъ. Но когда человекъ говоритъ явно; люди явно къ нему стекаются; всякой можетъ свободно приходить и слушать: тогда лучше всего, кажется, предварительно испышивать, полез-

ныли, или вредны могутъ быть пакія общества: ибо въ пакихъ случаяхъ нужна большая оспорожностъ; всякой мечшатель, сколько бы онъ ни былъ виновенъ, преслѣдуемый, воображаетъ себѣ, что онъ спираждетъ за Бога; привязанностъ къ нему опъ того сама го всегда возрастаетъ.

Наконецъ Гохманъ основался въ Милгеймѣ на Рурѣ, недалеко опъ Дуйсбурга. Въ окрестностяхъ тамошнихъ находился рыцарскій замокъ Б.; въ немъ жилъ какой-то Т..., бывшій Кандидатомъ Богословіи и человекъ весьма ученый. Бемъ, Парацельсъ и другія подобныя книги сославляли съ молодости его любимое чтеніе; система Миспиковъ давно была извѣстна ему; онъ познакомился съ нею, находясь наставникомъ дѣшей въ нѣкоемъ знашномъ домѣ. Въ семь же домѣ влюбилась въ него одна молодая Графиня, и ушла съ нимъ: онъ женился на ней; наослѣдокъ они помирились съ родителами; все кончилось тѣмъ, что на содержаніе ихъ и дѣшей ихъ предославлено было небольшое имѣніе. Т... и жена его жили спокойно, и оба по силамъ и понашіямъ упражнялись въ Христіанскомъ благочестіи. Т... занимался также сочиненіями Бемовыми, исправлялъ въ нихъ нѣкоторыя несвойственныя выраженія, исключалъ изъ

нихъ многое неудобопонятное, изъяснялъ мѣста темныя, вообще спарался сочиненія Бема сдѣлать способнѣйшими къ общему употребленію. Впрочемъ они жили въ уединеніи, и ни съ кѣмъ почти не имѣли знакомства, ни связи. Гохманъ опыскалъ ихъ и живаль у нихъ по нѣскольку времени; ибо шамъ онъ былъ въ безопасности. Часно ходилъ онъ опъ нихъ въ Милгеймъ, гдѣ искалъ и нашель случай бышь училемъ. Въ Милгеймѣ находился въ по время Кандидатъ Богословія Іоаннъ Вилгельмъ Гофманъ, юноша, кошорый имѣлъ всѣ способности къ истинному и дѣятельному Христіянству. Онъ нѣсколько разъ слышалъ Гохмана, и былъ имъ пронушь до такой спецени, что пламенно и твердо рѣшилъ посвяпиль всю жизнь свою Богу. Но прошедши Богословскія науки, онъ привыкъ смопрѣшь на вещи и заключашь гораздо правильнѣе другихъ, правильнѣе самаго Гохмана. Посредствомъ сего онъ, такъ сказашь, очищаль и образъ ученія и самое ученіе сего послѣдняго. Гохманъ охотно принималь его наспавленія; и наконецъ уѣхаль изъ Милгейма. Кандидатъ Гофманъ по его образу мыслей и по тогдашнему состоянію не могъ надѣяшься получить мѣсно приходскаго священника; потому употребиль скудное свое имущество на выспрой-

ку себѣ хижины, и по возможности въ уединеніи снискивать хлѣбъ свой шрудами. Жизнь его была во всемъ примѣрна; онъ служилъ всякому, сколько и гдѣ могъ; вообще былъ образецъ честнаго человѣка. Въ сей самой хижинѣ онъ состарѣлся и скончался. Какъ онъ не занимался ни проповѣдованіемъ, ни сочиненіями; но и не былъ преслѣдуемъ: жилъ и умеръ въ покоѣ. Хижина его спойнѣ еще до сего времени при Терсегенѣ; когда шуда со всѣхъ сторонъ спекался народъ, въ ней помѣщались обыкновенно приходящіе, и она по тому прослыла спраннопріимною хижиною.

Гохманъ переселился въ Герцогство Бергское. Тамъ ни гдѣ не было у него столько послѣдователей, какъ въ Эльберфельдѣ и въ Солингенѣ. Въ сихъ мѣстахъ шорговля и мануфактуры въ цвѣтущемъ сосояніи; они многочисленны, и духъ народа просвѣщенный и дѣятельный. Толпы спекались къ Гохману; возбужденіе было общее и превосходитъ всякое описаніе. Одинъ шпарикъ рассказывалъ мнѣ, что Гохманъ однажды проповѣдовалъ на большомъ лугу недалеко отъ Эльберфельда съ такою силою и краснорѣчіемъ, что всѣ слушатели его, въ томъ числѣ и онъ, мечтали возноситься отъ земли на небо;

всѣмъ имъ казалось, что упрю вѣчности по-
длинно наспуало.

Проповѣди Гохмановы обрали множе-
ство ко исправленію сердца и мыслей; онъ не
производилъ фанатизма, но производилъ фана-
тическихъ ревнителей истины. Во всѣхъ сихъ
дѣйствіяхъ доспойно порицанія было только
то, что всѣ послѣдователи Гохмановы были вра-
ги духовенства и вообще наружныхъ обрядовъ
Богослуженія. Удивляясь ему не должно;
но истинный Христіанинъ сообразуется съ
принятыми обрядами и обычаями своего вре-
мени, и вѣншимъ даже соблюденіемъ ихъ
показываетъ, что онъ Христіанинъ. Доколѣ
въ наружныхъ обрядахъ нѣтъ ничего пропив-
наго Богу и Христу, какъ то и есть во всѣхъ
Христіанскихъ исповѣданіяхъ; доколѣ сохра-
няется въ нихъ хотя нѣчто назидательное:
дополѣ нарушеніе ихъ есть Фарисейская гор-
досшь, своесловіе, тяжкій грѣхъ отдѣляющій
отъ общества церкви; почиташъ себя луч-
ше бѣднаго своего сосѣда, не рѣдко гораздо
добродѣтельнѣйшаго; вмѣняшъ себѣ въ осквер-
неніе прислушашъ вмѣстѣ съ нимъ къ таин-
ствамъ Того, Который споль охотно садил-
ся за одинъ споль съ грѣшниками и мышарями.

Гохманъ и послѣдователи его не имѣли
злыхъ намѣреній. Какъ человекъ, они пре-

спунали предѣлы, зашли слишкомъ далеко; но гдѣ въ мірѣ найдемъ совершенство? То вѣрно, что они послужили Провидѣнію орудіемъ къ возбужденію усыпленныхъ; проповѣди Гохмана и въ Бергскомъ Герцогствѣ имѣли прекрасныя слѣдствія. Наконецъ онъ и шамъ не могъ долѣе оспаваться; начали вновь его преслѣдовать: но онъ нашелъ наконецъ городъ, гдѣ могъ спокойно окончить жизнь свою.

Графъ Казиміръ Фонъ Випгенштейнъ въ Берленбургѣ любилъ науки и искусства, былъ страстно привязанъ къ Религіи; вообще былъ челоѣкъ необыкновенный. Онъ огласилъ подъ рукою и даже явно, что всѣ, за Религію или за образъ мыслей гонимые, могутъ имѣть въ его владѣніи тихое и вѣрное убѣжище. Молва сія привлекла въ Берленбургъ людей всякаго рода; Гохманъ одинъ изъ первыхъ шуда прибылъ и продолжалъ проповѣдовать. Графъ слышалъ его ученіе вмѣстѣ съ домашнимъ своимъ проповѣдникомъ, челоѣкомъ честнымъ и благоразумнымъ, и какъ они оба не нашли въ его ученіи ничего прошивнаго Религіи: по Графъ позволилъ Гохману проповѣдовать, когда и гдѣ пожелаешь. Въ деревнѣ Шварценау, въ Берленбургскомъ Графствѣ, онъ встрѣшилъ наибольшее число ревнишелей; здѣсь расположился на жишье и соспавилъ, такъ сказашь,

особенную церковь. Наконецъ онъ скончался. Общества, энтузіазмомъ одушевляемая, при всей своей численности выпадаютъ въ фанатическое мечпаніе, кошорое въ послѣдствіи всегда ихъ губитъ. Какъ на семь свѣтѣ духъ безъ плѣла не можетъ быть человѣкомъ, такъ и Религія, какъ бы она ни была числа и возвышенна, не можетъ существовать безъ наружныхъ обрядовъ. Сіе есть истина неопровержимая, и отъ того самаго Сепаратизмъ и прочія секты, какъ бы чисто съ начала ни было намѣреніе учрежденія ихъ, рѣдко приносятъ пользу. Въ продолженіе сей книги мы увидимъ сильныя тому доказательства.

Гохманъ такимъ образомъ умеръ и погребенъ въ Шварценау. Покойный Герардъ Терсегенъ сочинилъ слѣдующую надпись, на надгробномъ его памятникѣ находящуюся: „Сколь высокъ нынѣ шопъ мужъ (*Hochmann* буквально значить высокій человѣкъ), кошорый нѣкогда простиною подобенъ былъ опроку, былъ исполненъ любви и вѣры; за Царствіе Царя своего онъ воинствовалъ и спрдалъ. Духъ его наконецъ вознесся горѣ; брениная храмина духа его здѣсь плѣшетъ.“

Я описалъ одного основателя Сепаратизма. Слѣдуетъ другой вышеупомянутый

Диппель. Сей родомъ былъ, ежли я не ошибаюсь, изъ Эльзаса, учился въ Спразбургѣ, прилѣпился также къ сочиненіямъ Парацельсовымъ, Вемовымъ и иныхъ Миспиковъ, и занимшвовалъ опъ нихъ многія правила. Намѣреніе его получишь вышшую спепенъ въ Богословскихъ наукахъ опъ того самаго оспалось щещнымъ. Диппель былъ человѣкъ большаго ума, но упрямъ, гордъ, высокомѣренъ, колкій порицашель; ничего въ свѣшѣ не боялся, желалъ, кажешся, вступишь въ духовное званіе, и ежли бы шо удалось ему: шо онъ вѣрояпно все поставилъ бы вверхъ дномъ: спрасшь его была бышь преобразилемъ. Безъ умолку говоря о паденіи духовенства, онъ навлекъ на себя его ненавистшь; лишась надежды получишь мѣсто, обрапился къ врачебной наукѣ, и оказалъ въ ней значительные успѣхи. Пешръ Великій въ шо время путешествовалъ по Германіи; гдѣ онъ встрѣшилъ Диппеля, мнѣ не извѣстно; я того и не изыскиваю, такъ, какъ намѣреніе мое при семъ есть единшвенно шо, чшобы показашъ, въ какой мѣрѣ Диппель содѣйствовалъ образованію духа народнаго. Диппель онсправился съ Имперашоромъ Пешромъ I въ Россію, былъ при немъ въ силѣ, и наконецъ его Лейбъ-Медикомъ. Извѣстно, чшо Пешръ I, при всѣхъ

великихъ качествъхъ, бывалъ иногда спрогъ. Диппель не рѣдко мѣшался не въ свое дѣло; Императоръ уволилъ его опъ службы. Диппель изъ Москвы или изъ Пешербурга опсправился въ Спокгольмъ, пребылъ тамъ нѣсколь-ко времени, вылѣчилъ и весьма важныхъ боль-ныхъ; онъ былъ врачъ искусный. До предме-ша моего сіе искусство его не опносится; но я крашко расскажу одинъ случай, яко чершу характера Диппелева.

Одинъ Спокгольмскій гражданинъ спра-далъ сильною ипохондрією. Безпрестанно ви-дѣлъ какой-шо призракъ ужасный, кошо-рый ни днемъ, ни ночью не давалъ ему по-коя, и какъ скоро онъ открывалъ глаза, мгно-венно всегда ему предспавлялся. Бѣдный че-ловѣкъ находился въ самомъ жалкомъ положе-ніи: всѣ спаранія врачей были бесполезны; никто не могъ пособить ему; большая часть жипелей думала, что онъ былъ околдованъ.

Диппель, самъ ли узналъ, или чрезъ своихъ знакомыхъ, о семъ бѣдномъ спрадальцѣ; по-шелъ къ нему, и важными шагами прошедши нѣсколь-ко разъ по комнашѣ, взглянувъ нѣ-сколь-ко разъ величеспвеннымъ взоромъ, сѣлъ возлѣ больного. Надобно сказашь, что Дип-пель имѣлъ рѣдко-важную наружность;

на лицѣ его написано было величество, которое надобно было видѣть; перомъ изобразить его не возможно. Сходственно съ симъ онъ и одѣвался, приспойно, но и не безъ пышности.

„Я слышу, сказалъ онъ больному, что какой-то призракъ тебя мучить.“

Ахъ! господинъ Докторъ! ошвѣчалъ больной: онъ будетъ мучить меня даже до смерти; Богъ вѣсть, что будетъ еще и послѣ со мною.

„Эпо ни куда негодится; но гдѣ же онъ? я не вижу его.“

Вошь, вошь онъ вдоль по стѣнѣ движется! Ахъ! ешьли бы кто могъ его увидѣть! Посмотрише, какое спрашное лице; какъ онъ кажетъ свои зубы; одѣшь въ сѣрое плашь, и прячется.

Диппель непримѣтно разспрашивалъ больного о всѣхъ чертахъ ужаснаго призрака; наконецъ сказалъ: шеперь и я ошкрою себѣ глаза и погляжу на это чудо; — потеръ себѣ глаза, и послѣ нѣкошорыхъ пригошвлений, сказалъ, что видишь призракъ. Въ самомъ дѣлѣ, говорилъ, спрашное чудовище! Но я такъ хорошо загоню его въ шаршаръ, что оно никогда уже ногою не спунишь на землю. Иди къ ч. ! закричалъ онъ мнимому призраку; шамъ швое мѣсто! Пошомъ онъ описалъ боль-

ному сего нечистаго духа, показывалъ ему мѣсто, гдѣ онъ споялъ и ходилъ, съ такою почностію, что сей въ радости воскликнулъ: видите ли, что моя правда! Вошь человѣкъ, который можетъ быть моимъ избавителемъ! Диппель возвратился домой и одѣлъ слугу своего почно такъ, какъ мнимое привидѣніе больному предсказывалось; въ вечеру пошелъ онъ съ симъ слугою къ больному и пославилъ его за занавѣсою возлѣ его кровати, такъ однакоже, что больной не могъ сего примѣнить; началъ произносить заклинанія; слуга медленно двигался вдоль стѣны; больной долженъ былъ опкрыть глаза, и шуръ увидѣлъ призракъ гораздо яснѣе, нежели прежде. Диппель съ бичемъ бросился на привидѣніе, заклиналъ его, толкалъ до стѣхъ поръ, пока не получилъ отъ него обѣщанія, что оно уже никогда не возвратится къ больному. Съ шѣмъ оно ушло отъ него. Диппель послѣ посредствомъ другихъ лѣкарствъ совершенно вылѣчилъ больного.

Независть его къ духовенству въ Швеціи имѣла обильную пищу. Тамашнее духовенство того времени было еще хуже, нежели въ Германіи. Диппель говорилъ и писалъ противъ лицъ духовнаго сана колкимъ, язвительнымъ языкомъ, такъ, что онъ взялъ былъ

подъ спражу и опвезенъ на островъ Вориголтъ. Сколь долго онъ тамъ былъ въ заключеніи, и какимъ образомъ оншолъ выщель, мнѣ не извѣстно. Наконецъ онъ возвратился въ Германію, и послѣ многихъ спранныхъ приключеній и послѣ различныхъ гоненій, которыя всѣ онъ навлекъ на себя гордымъ и язвительнымъ своимъ нравомъ, онъ напослѣдокъ нашель прищанище въ Берленбургъ, а по временамъ живаль въ Ласфѣ у Графа Випгеншпейна. Въ сей спранѣ и въ сосѣдственныхъ онъ имѣлъ чрезвычайно много послѣдователей, распрощранялъ между ими самый спрогій Сепаратизмъ. Всѣ его сочиненія показывающъ надменную и необузданную насмѣшку; послѣдователи же его были вообще всѣ высокоумные и несносные люди. Ученіе Диппеля приближалось съ одной спороны къ Социніанизму, а съ другой къ Натурализму; такимъ образомъ онъ соединялъ Мистическую нравственность съ ученіемъ нашихъ новыхъ Богослововъ, наполнявъ ее сверхъ того всѣми возможными мечшамы. Изъ всего сего выщла дѣйствительна преспранная смѣсь. Умеръ онъ скоропоспивно.

Я могу увѣришь въ истинѣ всего сказаннаго мною о Диппелѣ; онъ жилъ въ моемъ

сосѣдствѣ; я все или самъ видѣлъ, или слышалъ опъ очевидцевъ.

Гохманъ образовалъ набожныхъ Сепаратистовъ, а Диппель Нашуралистовъ - Сапириковъ. Не взирая на сію противоположность, они жили мирно между собою, бывъ одинъ съ другимъ въ нравственности согласны.

Хотя сіи два человекъ, мною описанные, особливо Гохманъ, не имѣли непосредственно явнаго вліянія на Германію; тѣмъ не мене и тѣмъ еще съ большею силою они дѣйствовали втайнѣ въ Протестантскихъ церквяхъ. Мы обыкновенно мало заботимся объ образѣ мыслей простаго народа; оставляемъ всякаго на своей дорогѣ, доколѣ выгоды или спокойствіе наше тѣмъ не нарушается. Но сіи самыя по видимому маловажныя вещи суть обыкновенно почти орудія, кои Провидѣніе употребляетъ для народнаго образованія. Сочиненія Бема, Г-жи Гийонъ, Шпенера и Арнольда возбудили во многихъ рвеніе къ чистому, а въ нѣкоторыхъ и къ мечтательному Пиепизму. Славный Гальскій Богословъ Августъ Германъ Франке, и друзья его Христіанъ Фридрикъ Рихперъ и Карль Генрихъ Богацкій черпали всѣ изъ сего источника, и сколь много пользы сіи достойные мужи принесли Церкви Протестантской, сколько доб-

рыхъ учителей они образовали! Церковь сія обязана имъ своимъ исправленіемъ. Извѣстный Графъ Николай Лудовикъ Цинцендорфъ питался ошъ сего же источника, и кругъ его дѣйствія впайнѣ и явно распроспраняется до опдаленнѣйшихъ предѣловъ земли, и вездѣ приноситъ плодъ благошворный, не взирая на всѣ пересуды. Въ системѣ Цинцендорфа много порядка, мудроспи, благоразумія. Жаль шолько, что его ученіе вѣры не показуешь истиннаго пуши Библейскаго ко нравшвенному усовершенію.

Я долженъ упомянуть еще объ одномъ человекѣ, имѣвшемъ великое вліяніе на умы народа, до сего времени еще продолжающееся, и именно объ Іоаннѣ Фридерикѣ Рокѣ. Сей проспый, не ученый, но честный и набожный человекъ, по промыслу башмачникъ, жилъ недалеко ошъ Биндингена въ Изенбургскомъ Княжеспвѣ, и содержалъ жену и дѣшей своихъ порядочно. Мисшическія и Піешическія сочиненія, свободно уже доходившія до рукъ просполудиновъ, Рокъ читалъ по же съ большимъ прилѣжаніемъ. Они бѣ него вселили швердое намѣреніе бышь инымъ человекомъ. Непреспаннымъ въ шакговомъ чпеніи упражненіемъ и сильнымъ спремленіемъ къ предназначенной цѣли, онъ воспламенилъ свое вообра-

женіе до такой степени, что съ нимъ напослѣдокъ бывали необыкновенные припадки. Онъ выходилъ изъ себя, впадалъ въ восторгъ, и въ семь состояніи изъ успѣ его выпійшво, какъ пошокъ, изливалось съ такою силою, что въ такихъ случаяхъ даже Гохманъ ничего предъ нимъ не значилъ. Приходя въ себя, онъ ничего того не зналъ и не помнилъ, что говорилъ. Все сіе совершенно справедливо. Рокъ, когда я былъ еще въ малолѣтствѣ, проповѣдовалъ въ моей опчизнѣ такъ, что все сіе мнѣ подлинно извѣстно. Проповѣди его имѣли связь; онъ говорилъ языкомъ Библейскихъ Пророковъ. На примѣръ: когда восторгъ его проходилъ; онъ принималъ на себя важный видъ и проспираль правую руку обыкновенно съ сими словами: Тако глаголетъ Господь; или: Господь глаголетъ устами раба своего Рока. Все его ученіе, по правиламъ Миспиковъ, относилось къ покаянію и обращенію; порицалъ онъ также духовенство, званію своему дѣлами не соотвѣтствовавшее, и предсказывалъ наказанія. Проспый народъ и даже нѣкоторыя просвѣщенные люди съ изумленіемъ смотрѣли на сего чрезвычайнаго учителя; ибо, какъ немногіе имѣли сколько познанія о душѣ человеческой, чтобы сіе явленіе изъяснить по Физическимъ дѣйствіямъ; по считали его

посланникомъ Божіимъ, пѣвъ болѣе, что онъ былъ человѣкъ набожный и беззазорный, и ученіе его ничего въ себѣ не содержало, что бы Библии было прошивно.

Рокъ обращалъ на себя вниманіе прежде на своей родинѣ; но скоро возмѣлъ побужденіе идти проповѣдовашь въ инья страны, самъ себя почиая посланникомъ Божіимъ; и какъ одинъ помѣщикъ по сосѣдству взялъ къ себѣ въ домъ жену и дѣшей его; по онъ свободно пошелъ въ путь свой. Спеченіе народа къ нему было удивительное. Нѣкоторыя особенно къ нему прилѣпились и писали его проповѣди въ то самое время, какъ онъ говорилъ ихъ; они вездѣ за нимъ слѣдовали и служили ему. Множество проповѣдей его напечатано, а еще большее число ихъ переходить отъ одного къ другому въ рукописяхъ. Я видѣлъ ихъ цѣлыя кучи. Всѣ его сочиненія означены лишперами Ф. Р. Вездѣ, гдѣ ни былъ, онъ прибрѣталъ многихъ послѣдователей, извѣстныхъ вообще подъ именемъ Вдохновенныхъ. Всѣ они спроеіе Сепаратисты; въ собраніяхъ своихъ поюшъ, моляшя, читаюшъ, ожидая Божественнаго вдохновенія къ проповѣданію слова Божія, подобно Англискимъ Квакерамъ; впрочемъ они люди тихіе, набожные, честные.

Напослѣдокъ Рокъ съ своими послѣдователями пришелъ въ Княжество Нассау Зигенъ. Какъ спрана сія многолюдна; посредствомъ торговли и промышленности заведены въ ней благоустроенныя училища; она благоденствуетъ и достигла нѣкоторой степени просвѣщенія; но здѣсь пошчасъ бѣгають за всякимъ добрымъ и даже злонамѣреннымъ мечшашелемъ. Гохманъ и Диппель открыли уже прежде себѣ путь въ сію землю: всѣ тамъ уже читали Миспическія сочиненія. Къ тому присоединилась еще сильная ненависть противъ духовенства и церковныхъ уставовъ, такъ, что Рокъ принявъ былъ какъ Ангель, или какъ Аносполь, спшедшій съ неба. И онъ опвѣчалъ тамошнимъ жителямъ взаимною любовію, жилъ у нихъ долго и опъ нихъ намѣревался посѣпить своихъ друзей въ Берленбургъ и Шварценау.

Въ то время въ деревнѣ Гаинхенъ въ Княжествѣ Нассау - Зигенъ жилъ Французскій выходець, именемъ Марсей: опшолъ ѣздиль иногда въ Берленбургъ и скоро опашь возвращался въ свое уединеніе. Марсей былъ ученикъ Г-жи Гийонъ, и лично еще зналъ ее. Онъ былъ превосходный человекъ по уму и по сердцу; всѣми любимъ и уважаемъ; съ величественною важностію Пиеписпа соединялъ онъ

людокопсть, челоѣколюбіе, терпимоспъ, весьма рѣдкія въ людяхъ сего рода. Онъ написаль сочиненіе въ шрехъ Часняхъ подь заглавіемъ: Свидѣшельство младенца о испинѣ души духовныхъ. Въ сей книгѣ онъ мечпаль, что неподвижныя звѣзды сущь многія обитали въ дому Ошца небеснаго; и что каждая звѣзда или и многія вмѣспѣ съ ихъ жителыи соспавляющь царсшва, копорыя благочестыиымъ Христіянамъ по смерти преданы будущь во обладаніе. Еспьли бы Марсей не выдаваль сего ученія за Божеспвенное вдохновеніе, шо было бы оно пріятнымъ предположеніемъ, доспойнымъ по крайней мѣрѣ размышленія. Впрочемъ все его ученіе было совершенная Мисника.

Къ сему знаменитому мужу пришелъ Рокъ съ своими послѣдователыи. Толпа народа спеклась за нимъ; многіе и изъ окреспноспей явились предь жилищемъ Марсея; но онъ зналь дѣло лучше сей шолны, и сказалъ собравшемуся народу, что ученіе Рока благо и назидашельно, но не еспь Божеспвенное вдохновеніе; что весьма несправедливо народъ шакимъ образомъ едаешь въ обманъ; что успами Рока говорипш ложный духъ, и онъ несомѣнно шо докажешь. Всѣ любопышспивовали видѣшпъ, что изъ всего сего выйдешь, и

каждый съ неперывнѣемъ ожидалъ развязки. Время разрѣшенія сего узла приближилось. Народъ собрался въ обширный домъ, гдѣ Рокъ и писатель его уже находились; Марсей вскорѣ также явился. Когда Рокъ пришелъ въ жаръ, и слова, какъ рѣка, испекали изъ устъ его; Марсей вдругъ вылилъ на него вѣдро холодной воды. Рокъ испугался, пришелъ въ себя, и съ тѣхъ поръ обыкновенный параксизмъ его не возвращался: онъ пересталъ учить и проповѣдовать. Тогда Марсей говорилъ проповѣднику и народу, что они должны искать пути праваго, пользоваться средствами благоразумными, учиться и жить по правиламъ Библии. Самъ Рокъ внявъ сему соѣзшу, возвратился во свояси, и уже не надѣясь на самого себя, оспорожнѣе продолжалъ свои наставленія, посѣщая иногда своихъ единомышленниковъ, кошорые или опровергають выше сказанное приключеніе, или обвиняють Марсея въ томъ, что онъ такимъ образомъ посупилъ съ Рокомъ.

Всѣ упомянутыя лица произвели во всей Германіи въ умѣхъ проснаго народа общее броженіе; вездѣ возникали люди, усмапривавшіе, что, слѣдуя обыкновенному образу жизни, не можно достигнуть верховнаго блаженства; но что поспребно къ тому совершенное

измѣненіе сердца и мыслей. Всякой пошелъ по дорогѣ, какую кому указывалъ любимый его руководитель. Сии послѣдователи въ различныхъ мѣстахъ, каждый въ своемъ кругу, сдѣлались также предшественниками, учителями, и хотя немногіе изъ нихъ возводили другихъ на прямой путь обращенія; пѣнь не менѣе повсюду распространялись свѣтъ, рвеніе, жаръ къ Религіи.

Высокоумные, ученые люди совѣтъ не примѣчали сего общаго движенія въ Германіи; но крайней мѣрѣ они не считали его столь важнымъ, сколько оно того заслуживало въ отношеніи къ Исторіи рода человѣческаго. Но пророзливѣйшіе изъ числа самыхъ Писемствова предугадывали по оному нѣкопорую великую перемену: всѣ начали гораздо болѣе и прилѣжнѣе читать опроверженіе Св. Іоанна; всѣ воображали, что счастливое тысячелѣтнее царствіе предшояло; словомъ: всѣ мешались во всѣ споры до того, что наконецъ возникли явленія и странныя и горесныя, какъ то читашели въ послѣдствіи сей книги увидяшь. Воспоргъ погдашняго времени ни гдѣ такъ не оказывается, какъ въ пѣсняхъ погдашнихъ; ни о чемъ болѣе въ нихъ не говорится и не поется, какъ только о Филадельфійскомъ Обществѣ, о семи свѣпильникахъ.

и поому подобныхъ предметахъ, къ священнымъ іероглифамъ относящихся.

Сколько одна часть народа въ Германіи дышала симъ духомъ, сполько же другая поспавляла все Хрисіянство въ буквахъ, или же по единому упорному невѣжеству опшвергала Бога. Вольнодумцы совсѣмъ почти еще не были дошолѣ извѣсны; ибо сочиненія Англинскія, плоды Деизма, не переходили еще въ Германію. Не взирая на то, два великіе Апостолы невѣрствія вшайнѣ начинали уже дѣйствовать. Въ Германіи жилъ тогда Германъ Эдельманъ. Сей, съ начала спрогій Миспикъ, въ послѣдствіи просперъ далѣе бысприя свои испышанія. Полюбилась ему сшсшема Диппелева; онъ началъ чшпашъ сочиненія Бенедикша Спинозы, Балшазара Беккера, а напослѣдокъ и Англинскихъ Деисповъ; кшдался изъ одной крайности въ другую, и изъ пламеннаго Миспика сдѣлался поносшпелемъ Релігій. Сочиненія его были напечатаны, и произвели волненіе не меньшее, какъ и Миспическія. Люди, кошорымъ нравшвенность и ученіе Иисуса Христа казались малозначущими, или сшшкомъ суровыми, находили и нынѣ еще находяшъ разумъ и мудросш въ ученіи Эдельмана. Онъ былъ въ Берлинѣ; тамъ имѣлъ

много послѣдователей; шамъ же, сколько мнѣ извѣстно, и умеръ.

Другой училель невѣрствія есть извѣстный Вольперъ. О немъ ничего болѣе не могу я сказать, какъ только то, что онъ духомъ своимъ объѣлъ всю Европу, вскружилъ головы всѣмъ знашнымъ и незнашнымъ, ученымъ и неученымъ.

Теперь я могу съ точностію означить мѣсто, съ котораго можно видѣть въ истинныхъ опшѣнкахъ послѣдующую мою картину и сославивъ о ней основательное заключеніе:

Въ Германіи дѣйствующъ нынѣ двѣ противуположныя силы, и производящъ, или уже произвели, въ ней сильное броженіе: съ одной стороны любовь и рвеніе къ Религіи; съ другой злоба и ненависть противъ Религіи. Лейбницова и Волфова Философія возбудила сіи силы и дала имъ направленіе. Опаснѣйшее правило: не вѣрь ничему, чего не лзя доказать очевидно! — хотя впрочемъ для благомыслящаго Христіянина оно можетъ служить пособіемъ въ его испытаніяхъ, способствующимъ ему въ различеніи чистаго, яснаго, пряснаго свѣта истины отъ всякаго мрака мечтаний. Споза средняя есть наилучшая спеза.

КНИГА ВТОРАЯ.

Въ весьма близкомъ разстояніи отъ Берленбурга лежишь Графство Лейзенбургъ. На самой границѣ сей обласпи, между высокими горами, извиаеися къ востоку долина, покрывшая лѣсомъ, далеко вокругъ распространяющимся, гдѣ пшеницы спокойно висающъ и угольщики имѣющъ мирное приспанище. При самомъ входѣ въ сію долину на скапѣ горы стоишь небольшое селеніе Рулгеймъ, кошораго чеспные и добрые жипели знающъ угнѣшенія и бѣдствія шолько по слухамъ и по названію. Священникъ ихъ живешъ отъ нихъ мила за полшоры; явленіе его среди ихъ шоже, что явленіе Царя въ ближнихъ отъ шплицы селеніяхъ. Живущій между ними лѣсничій играешъ у нихъ знаменитѣйшую ролю; жена его въ своемъ кругу съ шакимъ же владычешвеннымъ видомъ управляетъ деревенскими замыслами, какъ при дворѣ могущешвенная любовница. Лѣсничій дѣлай, что угодно; не мѣшайся онъ шолько не въ свое дѣло.

Здѣсь въ началѣ сего шполѣшя жилъ крештянинъ, именовъ Іоаннъ Оеобальдъ. Домъ его шпоялъ выше всѣхъ домовъ на горѣ, возлѣ самой деревни, у самой почши вершины

рѣчки, всѣ памощніе луга омывающей. Въ полишикѣ онъ былъ свѣтъ особнякъ, совершенный Сепарашисть; ни самъ онъ, ни жена его не забопились объ общественномъ благосостояніи, ни о достоинствѣ и происшествіяхъ своей родины; никогда почти изъ дому не выходили и никому не мѣшали идти по дорогѣ, какая ему нравилась. Снисходительны, услужливы всякому, но ни съ кѣмъ не откровенны, они шѣмъ самымъ избѣгали многихъ непріятностей, копорыя въ деревняхъ, равно какъ и по городамъ, сѣюшъ между семействами сѣмь раздора. Дѣшей своихъ они ежедневно посылали въ училище; каждое Воскресеніе опецъ со всѣмъ своимъ домомъ ходилъ въ церковь, а послѣ обѣда, снявъ колпакъ съ головы, чипалъ своимъ домашнимъ проповѣди Докшора Конрада Мельса, называемыя *Сіонскія ученіе и чудеса*; попомъ особо съ женою чипывалъ еще что-либо изъ Библии; въ вечеру же лѣномъ въ хорошую погоду хаживалъ гуляшъ по полю со всѣмъ своимъ причомъ, и шѣмъ же порядкомъ опяшъ возвращался къ сельскому ужину.

Такъ проходила жизнь Іоанна Феобальда и жены его до самой смерти. Онъ воздавалъ Кесарю Кесарева, а Богови Божія, и ни о чемъ не забопился; спарался имѣль конѣйку на

необходимыя издержки, — другую для бѣдныхъ, и за шѣмъ вовсе не думаль о богашствѣ; имѣль пяшерыхъ дѣшей, сыновъ и дочерей: спаршій былъ сынъ, юноша видный, прекрасный и, судя по образу жизни и мыслей его родителей, изрядно воспитанный. По законамъ опшечественнымъ домъ и имѣнїе опцовское принадлежали ему, какъ спаршему. Онъ назывался Дидрихъ Феобальдъ. Когда Гохманъ появился въ ихъ окрестностяхъ, ему было 24 года. Родители желали, чшобы онъ женился; но онъ о шомъ еще и не мыслить. Однажды Иоаннъ съ женою и съ дѣшми пошелъ въ деревню Гохборнъ къ обѣдни. Тамъ весь народъ былъ въ восхищенїи опъ новаго Апостола, посланнаго Богомъ для возбужденїя спящихъ, для обращенїя грѣшниковъ ко Христу. Всѣ смолрѣли на него, какъ на нѣкопоре чудо; всѣ глядѣли другъ на друга; всѣ тошовы были сего новаго Апостола Гохмана приняшь не за челошѣвка, но за Ангела, съ неба сошедшаго, пошому особенно, чшо самая черная зависть не находила въ немъ ничего порицательнаго. Множесшво людей выходило къ нему далеко на вспрѣчу, чшобы скорѣе услышашъ его проповѣдь; другїе съ нѣкопорымъ ужасомъ ожидали ихъ и любопышшвовали знаншь, чшо они скажущъ по возвращенїи.

Иоаннъ нашъ слушалъ все со вниманіемъ, но
 шакъ былъ спокоенъ, шакъ самъ собою дово-
 лень, что хотя и удивлялся молвъ, не пока-
 зывалъ однакожь при всемъ помъ никакого
 желанія слышать ученіе Гохмана; и какъ о
 семъ происшествіи много говорено было въ
 гостинницѣ, то и онъ молвилъ словечко,
 скромнымъ и важнымъ голосомъ сказалъ:
 (*и муть Моисея и Пророки — Лк. 16, 29*).
 Еслили ихъ не послушаютъ, то хотя бы Ан-
 гель сошелъ съ неба и началъ проповѣдовать,
 не принесетъ никакой пользы. При сихъ сло-
 вахъ каждой осмашривалъ его съ ногъ до го-
 ловы съ презрѣніемъ, каждой считалъ его
 ожеспощеннымъ ко всякому добру. Но въ сынѣ
 его Дидрихѣ сей случай произвелъ глубокое
 впечатлѣніе. Онъ думалъ, что такой чело-
 вѣкъ послакъ отъ Бога; то долгъ всякаго
 еспшъ внимать и послѣдовать его гласу. Въ
 сихъ мысляхъ онъ просилъ въ слѣдующую
 суббошу отца своего позволить ему пойти
 еще однажды къ новому Апостолю. Иоаннъ по-
 качалъ головою и опвѣншпвовалъ: сокровище
 Слова Божія еспшъ у шебл дома. Еслили новый
 Апостоль скажетъ шебѣ что-ли то иное; то онъ
 обманщикъ. Еслили же будешь говоришь по
 же самое; то не для чего и ходишь слушать
 его: ты можешь самъ все чинать. — По этому,

сказаль Дидрихъ, не нужны намъ и Священники! — Сохрани Богъ! опивчалъ спарикъ: скажи лучше: когда мы имѣемъ законныхъ Священниковъ, то не нужны намъ новые Апостолы. Ты впрочемъ пожалуй иди; вопшь шебѣ нѣсколько денегъ! Спунай съ Богомъ; молодымъ людямъ не мѣшаетъ поглядѣшь и послушашь. Дидрихъ былъ въ восхищеніи; въ Воскресенье въ чепыре часа упра вспаль и пустился въ дорогу.

Не доходя до мѣсна споль вожделѣннаго, онъ вспрѣшилъ другаго молодца, изъ одного съ нимъ селенія, именемъ Кольба. Кольбъ былъ юноша скромный и весьма порядочный; отецъ и машь его скончались; онъ жилъ у спаршаго своего брапа на хлѣбахъ, и ремесломъ доспаваль себѣ деньги. Сопедшись, изъ взаимныхъ разговоровъ они увидѣли, что цѣль ихъ спранспшования была одно и то же любопынспво.

Часа ярезъ чепыре они пришли въ селеніе, гдѣ Гохманъ находился. Вся сія деревня наполнена была пріѣзжими; особенно домъ, гдѣ Гохманъ имѣлъ пребываніе, былъ набишь полною народа. Феобальдъ и Кольбъ съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ спомрѣли на все сіе спеченіе. Благоговѣніе ихъ увеличилось, когда они увидѣли споявшаго у окна, весьма

сановитого и важнаго человека, о которомъ имъ сказывали, что онъ былъ одинъ изъ со-
 снушниковъ Гохмановыхъ. Толпа нѣснилась
 около дома; всѣ одинъ въ другомъ разгово-
 рами умножали воспоргъ и благочестивое по-
 чпеніе, шакъ, что ни мало не лъзя было
 удивляться глубокому впечатлѣнію, которое
 послѣ Гохманъ своею проповѣдью производилъ
 въ умахъ, до шакой степени къ тому приго-
 шовленныхъ. Гохманъ въ шакихъ случаяхъ не
 показывался; онъ цѣлѣносно любилъ сми-
 реніе, и не рѣдко даже сѣшовалъ, что Богъ
 избралъ его въ шакое званіе. Но рвеніе свое къ
 проповѣди счишая за Божественное вдохно-
 веніе, онъ повиновался и вмѣнялъ въ грѣхъ
 всякое прошивуборство шаковому внушенію.
 Никогда однакожь онъ не проповѣдовалъ во
 время Богослуженія, избѣгая всякаго дѣла со
 властію; проповѣдовалъ всегда послѣ обѣда.

Оеобальдъ и Кольбъ, устранивъ ошъ шол-
 ны, шшли на дворъ, наблюдали, шопрѣли
 въ окна, шшарались увидѣшь новаго Пророка.
 Нѣкшо, человекъ весьма видный, образован-
 ный, примѣшивъ изъ дому ихъ любопытство,
 подошелъ къ окну, и дружески спросилъ ихъ:
 ошкуда они?

Изъ деревни Рулгеймъ, они ошвѣщшво-
 вали. — Не уже ли вы пришли сюда слушать

Гохмана? — Болѣе ни для чего. — Желаете ли вы его видѣть? — Это наше сердечное желаніе. —

Слезы по лицу у него покашились. Онъ одѣшъ былъ въ шемное, тонкое плашье; бѣлье на немъ было чистое; волосы приспшойно причесаны. Онъ чрезвычайно понравился нашимъ молодымъ людямъ; лице его сдѣлало на нихъ большое впечатлѣніе. Онъ продолжалъ:

„Друзья мои! Гохманъ такой же бѣдный человекъ, какъ и вы; не имѣешь въ себѣ ничего добраго, ничего опимѣннаго; но Богъ именно изъ устъ младенцевъ и ссущихъ совершаетъ хвалу (Мѡ. XXI, 16); презрѣнный въ мірѣ умеетъ воздвигаетъ орудіемъ своей славы, да воздастся честь Ему единому. Но для чего вы сполько желаете видѣть Гохмана?“

Намъ хотѣлось бы посмошрѣть, какъ глядишь человекъ, котораго Богъ послалъ на землю Апосполомъ и Пророкомъ.

„Гохманъ не Апосполь и не Пророкъ; берегитесь шакъ о немъ думашъ. Апосполь есть шолько шопъ, кшо проповѣдуетъ новую Религію; а Пророкъ, кшо предсказываетъ будущее. Гохманъ не говоритъ ни шого, ни другаго; но онъ шолько есть Божій рабъ, долженсшвуюющій возеъщать народу истину,

возбуждашь его ко обращенію ; ибо всѣ почти наславники и проповѣдники дремлющъ, не помышляя о овцахъ своихъ.“

Не взирая на все сіе , Гохманъ челоѣкъ чудесный : намъ очень хошѣлось бы его видѣшь.

„Пошерните ! Пойдите къ вдовѣ Биргеранъ : въ домѣ ея сего дня послѣ обѣда Гохманъ будетъ проповѣдовать ; не говорите о семъ никому ни слова ; вы такимъ образомъ можете спастъ къ нему поближе.

Дидрихъ и Кольбъ удалились, восхищаясь, что между столь великимъ множествомъ они одни имѣли щасіе бышь замѣчены нѣкопорымъ изъ сопутниковъ Гохмановыхъ ; узнали означенный домъ , вошли и прижались въ смиренномъ молчаніи.

Въ два часа по полудни явился Гохманъ среди безчисленнаго спеченія народа. Наши юноши въ шоднѣ съ великимъ шрудомъ взошли на лѣшницу и послѣ въ залу собранія. Она въ одну минушу наполнилась. Гахманъ спалъ у окна почти возлѣ Дидриха и Кольба, улыбнулся къ нимъ, и они увидѣли, что это былъ шощъ самый челоѣкъ , который говорилъ съ ними по упру. Гохманъ началъ свою проповѣдь : просшерп правую руку, привялъ на себя важный , шоржесшвенный видъ , и голо-

сомъ швердымъ, но пріятнымъ, сказала: умолкни, умолкни, народъ Божій! — самъ Богъ присуствуетъ тамъ, гдѣ слово Его возвѣщается. Да преклонись все предъ лицемъ величества Его! ибо для всякой мысли нечистой Онъ есть огонь пожирающій. Тако глаголетъ Господь.

Если бы проповѣдникъ, посланный Церковію, соединялъ въ себѣ силу, власнь, огонь, шѣлодвиженія, голосъ Гохмановъ съ его ученостію, съ его знаніемъ свѣща: то какое онъ могъ бы произвести дѣйствіе въ слушающихъ? Но сколь рѣдки таковыя явленія! Гохманъ былъ гений краснорѣчія. Кольбъ часто говаривалъ мнѣ о шогдашнемъ дни. Сказывалъ (надобно разумѣть сіи слова въ смыслѣ Кольбовомъ), что Гохманъ шакъ былъ проникнутъ духомъ Божиимъ, что казалось, будто бы лучи огненные выходили изъ ушь его; что весь народъ раздиралъ на себѣ одѣяніе и съ рыданіемъ восклицалъ: Господи! что сотворимъ, да спасемся?

Дидрихъ и Кольбъ часто взирали другъ на друга со слезами и въздыханіями; горестнымъ голосомъ говорили: какія слова! какая сила! Гохманъ проповѣдовалъ два часа съ рядомъ, и въ продолженіе сего времени всѣ были неподвижны; никому время долгимъ не ка-

залось; онъ заключилъ свою проповѣдь крайнюю молибною, и возвратился въ свое уединеніе. Дидрихъ и Кольбъ также пошли обратно въ свое селеніе. Кольбъ такъ переѣмѣнился, до того сжалъ инымъ челоѣкомъ, что во весь шопъ день плакалъ, падалъ на колѣна, воздѣвалъ руки къ небу и говорилъ: нѣтъ намъ надежды ко спасенію. Дидрихъ молчалъ, но глаза его были равнымъ образомъ наполнены слезами. Пришедши домой, Теообальдъ рассказывалъ опцу все, что видѣлъ и слышалъ, съ такимъ жаромъ, что спарый Іоаннъ самъ не зналъ, что подумашъ, качалъ головою, проспиралъ нѣсколько разъ руку и говорилъ: я ничего шупъ не понимаю; не уже ли ошибаюсь? Впрочемъ все осталось по спарому. Дидрихъ и Кольбъ сходились всякой вечеръ, просиживали по цѣлымъ ночамъ, и вспоминали одинъ другому слышанное. Они сдѣлались безмолвными, удалялись опъ общесшва, исполняя впрочемъ прилѣжно и вѣрно каждый свое дѣло. Гохманъ наконецъ, переходя изъ мѣсна въ мѣсно, поселился на нѣкоторое время ближе къ ихъ селенію. Священникъ шого мѣсна не опровергалъ его ученія, но возгремѣлъ на него громомъ опрѣшенія опъ церкви, или лучше сказать, избралъ наилучшій способъ обратишь всѣ умы опъ цер-

кви къ Гохману. Есшьли бы онъ возвѣщаль Религію Хрисову съ кропоспїю и смиренїемъ, и доказываль, что чрезвычайные училищели вовсе не нужны, когда они никакой новой истины не проповѣдуютъ; то имѣлъ бы болѣе успѣха. Напрошивъ того рвенїе его приписано къ зависти, можетъ быть и безобщибно.

Дидрихъ и Кольбъ имѣли случай еще нѣсколько разъ слышать Гохмана и бесѣдовашъ съ нимъ; онъ совѣщоваль имъ чїпашъ Мисшїческія книги, и Кольбъ, который могъ располагашъ собою и своимъ имуществомъ, купилъ себѣ разныя Мисшїческія сочиненїя. Сїе подавало поводъ и Дидриху къ такому же чїпенїю; словомъ, оба они сдѣлались совершенными Мисшїками, и какъ Паспоръ ихъ не прешаваль возставашъ противъ сего новаго ученїя, ни чѣмъ впрочемъ его не опровергая и не замѣняя ни чѣмъ лучшимъ: то они были въ строгомъ смыслѣ Сепаратїсты.

Вскорѣ послѣ того Гохманъ основался въ Шварценау, а какъ сїе мѣсто въ двухъ миляхъ только отъ Рулгейма, то Кольбъ и Дидрихъ по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ двѣ недѣли шуда хаживали, и время отъ времени болѣе удословѣрялись и утверждаемы были въ ихъ образѣ мыслей. Старый Іоаннъ часто

журилъ своего сына, но не могъ ничего возражать на ошвѣщаніе его; и какъ сей послѣдній не упускалъ никакой работы и вель себя припомъ гораздо еще лучше прежняго, по ошець въ послѣдствіи осшавилъ его въ покоѣ. Однажды Кольбъ и Теообальдъ лѣшомъ рано въ прекрасное утро пустились въ Шварценнау; весело шли по долинь и бесѣдовали о блаженствѣ будущаго вѣка. Предметъ сей привель ихъ въ шакое восхищеніе, что Теообальдъ, шедши впереди, вдругъ обрапился и сказалъ: Другъ! я никогда не женюсь, чтобы шѣмъ свободнѣе служишь Богу. Ты видишь, что самые благочеспивые мужи, о которыхъ мы читаемъ въ книгахъ, шакже не были женашны; для меня нѣшъ удовольствія сладоснѣе того, какъ уединяшся съ шобою въ мѣспа пустынные, самая дикія! Кольбъ ошвѣчалъ: Обѣща противъ супружества давашь не надобно; шы не знаешь, будешь ли имѣшь столько силы, чтобы противуборствовашь плони.

„О Кольбъ! клянусь тебѣ предъ Богомъ, что я во всю мою жизнь не женюсь!“

Переспань, другъ! къ чему шакая кляшва? Предайся вожденію Божию; Богъ можешь бышь скоро покажетъ тебѣ, что безъ Него шичего шы не можешь.

„Послушай, другъ! пѣмъ - шо и долженъ Хриспіанинь доказати, что онъ Хриспіанинь, когда побѣждаетъ свою похоть. Еслии я не могу одержати сей побѣды, шо не доспити и называшься послѣдсвателемъ Исуса Христа.“

Хорошо! но ты увидишь, что не удержишь своего обѣща.

Среди сихъ разговоровъ достигли они въ Шварценау; пошли прямо въ домъ къ Гохману, гдѣ вспрѣтали много знашныхъ и просполудиновъ. Всѣ они бесѣдовали съ Гохманомъ, всѣ исполнены были умиленія до такой степени, что духъ и радость на лицахъ ихъ живописались, изъ глазъ блиспали. Гохманъ съ обыкновеннымъ своимъ добродушіемъ и съ веселымъ видомъ привѣтсвовалъ нашихъ новыхъ госпей, пожалъ у нихъ руки, назвалъ ихъ братьями, и всѣ приеушсвующіе, знашные и просполудины, послѣдовали его примѣру. Въ числѣ ихъ находилась молодая дѣвушка, по фамиліи Виршенъ, которая съ прекраснымъ лицомъ и роспомъ соединяла нравъ кропкій и шихій, будучи впрочемъ, можешъ спашься и слишкомъ, чувсшвипельна. Она также съ улыбкою пожалла руку у Тео-бальда и назвала его братомъ; улыбка и названіе сіе прошли ему въ душу; онъ распялъ

отъ удовольствія, и со слезами обращаясь къ Кольбу, сказалъ : Видишь ли, брашь! благочестіе есть нѣчто великое, дивное; всѣхъ дѣлаешь равными. Но что это за дѣвушка? — Мы это узнаемъ, отвѣщивалъ Кольбъ. Потомъ они сѣли и внимали бесѣдѣ. Спустия нѣсколько, красавица подошла къ Феобальду и Кольбу, сѣла возлѣ нихъ, начала дружескій разговоръ съ Феобальдомъ, спрашивала о душевномъ его состояніи, съ котораго времени онъ чувствовалъ себя возбужденнымъ, и проч. Феобальдъ удовлетворилъ во всемъ ея любопытству, и ее взаимно разспрашивалъ.

Она открыла ему все свое сердце; обою увидѣли, сколь они сходны другъ съ другомъ въ душевномъ расположеніи; признали, что Богъ ведетъ ихъ однимъ путемъ; что они пошюму одинъ съ другимъ въ связи ближайшей, нежели прочіе между собою. Въ послѣдствіи они толковали взаимно силу сообщенія сродства духовнаго; описывали, сколь оно возвышеннѣе всякаго сродства плотскаго, и въ ночь самый часъ, какъ міръ весь и всѣ соотношенія попирали ногами, обою вмѣстѣ пламеннымъ вздохомъ изъ глубины сердець заключили между собою союзъ вѣчнаго братства, которое должно было пишаться и подкрѣпляться непреспанною перепискою.

Въ такихъ собраніяхъ обыкновенно одинъ о другомъ никшо не мыслишь ничего злаго и подозрительнаго; и какая хула говоришь, что Пиеписшы въ своихъ собраніяхъ совершаютъ дѣла позорныя? Совсѣмъ иной вопросъ: не можешь ли бышь опть ихъ зла на будущее время? Въ насъпоящемъ случаѣ никому изъ присущспзвующихъ равнымъ образомъ ниже мысль худая не приходила о красавицѣ и о Феобальдѣ; никшо и не могъ имѣшь такой мысли. Испушенный шолько въ познаніи сердца челоѳъческаго могъ бы примѣпипшь, наблюдашь ихъ движенія и разлучишь ихъ благо-временно; но изъ шакowychъ никого въ шомъ собраніи не было. Въ вечеру они съ гореспію разстались другъ съ другомъ; сердца ихъ спѣснялись шайною скорбію, но ни шомъ, ни другая не воображали, что сокровенный источникъ сей груспи была любовь. Нѣшь! они были швердо увѣрены, что согласное душевное расположеіе и одинаковый образъ мыслей были единспвеннымъ основаніемъ любви ихъ. Вѣчная брашская любовь! — повпорили они при прощаньи. — Какія сладоспныя слова: брашь! сеспра! — Слова сіи Феобальда исполняли восторгомъ; въ глазахъ его духовная сеспра была для его сердца драгоцѣннѣе, выше, милѣ невѣспы. Возвращаясь, онъ не

говорилъ съ Кольбомъ ни о чемъ иномъ, какъ только о духовномъ сродствѣ и о своей новой сестрѣ, превозносилъ ее до небесъ, находилъ, что она свѣтлѣе всѣхъ свѣтлыхъ. Кольбъ не прошиворѣчилъ; и ему въ глаза она бросилась, но не болѣе и не сильнѣе, какъ и другіе.

Спокойствіе оплошло опъ Теообальда; въ спраданиі любви восемь дней показались ему годами. Часно онъ испытывалъ въ себѣ, опъ чего въ немъ смущеніе, горестъ; и всякой разъ заключалъ свои испытанія тѣмъ, что одна только бѣда съ духовною его сестрою могла успокоить, насавить его сердце; ее одну онъ шокмо и видѣлъ и слышалъ. Въ слѣдующее Воскресенье не лзя ему было ийти въ Шварценау; онъ надѣялся однакожъ получить опполѣ вѣсши, и не ошибся. Въ вечеру пришелъ къ нему сосѣдъ изъ ближней деревни; онъ былъ въ Шварценау и принесъ ему письмо. Теообальдъ раскрылъ его, и съ радостію увидѣлъ, что оно было опъ духовной сестры его.

Чипашель! я пишу истину во страхѣ Божіемъ. Я знаю, сколь пагубны порицанія самыхъ даже невинныхъ недоумѣній въ Религіи. Не должно смѣяться надъ вѣнцемъ, кпо бы ни носилъ его; вѣнецъ всегда вѣнецъ. Ни порокъ,

ни добродѣтель не должны бытъ предметомъ сатиры; предметомъ ея должно бытъ только то, что не у мѣста, смѣшное. Если порокъ, достойный всегда сожалѣнія и наказанія, высмѣивается, какъ нѣчто достойное смѣха; то тѣмъ самымъ уменьшается важность порока, пресупленія. То, что Богу прошивно и человѣка безславиль, ошнюдь не смѣшно. Обращаясь въ смѣхъ добродѣтель есть сатанинская похѣха. Но для чего не смѣяться надъ лицемѣремъ? Потому что оно имѣетъ наружность, сходственную съ истинною добродѣтелію, коюрая при томъ равнымъ образомъ можешь подвергнуться посмѣянію. Сія самая причина удерживаетъ меня помѣстивъ здѣсь переписку нашихъ любовниковъ. Письма ихъ писаны языкомъ Библейскимъ; но содержаніе ихъ весьма нелѣпо: не унижили я тѣмъ самымъ языкъ Библии? По этому не должно бы мнѣ было приниматься и за сіе сочиненіе? Но мнѣ показалось сіе необходимымъ. Многіе мечпаніями ввергли себя въ несчастіе, и возглашаютъ зло о Религіи. Рвеніе къ ученію Христову и вѣра не рѣдко почишаются мечшою.

Сеобальдъ, прочитавъ письмо дѣвицы Виршенъ, чувствовалъ, что оно въ его положеніи для него назидательнѣе всѣхъ сочиненій

самой Г-жи Гийонъ: побѣжалъ къ другу своему Кольбу и прочелъ ему сіе письмо; онъ находилъ его также прекраснымъ, хотя и не въ столь высокой степени, какъ оно предшавлялось Теобальду. Можно подумать, что и не Кольбъ, а всякой, гораздо еще менѣе знающій сердце человеческое, могъ легко догадаться, что любовь плотская была единственнѣмъ основаніемъ и пружиною сей огненной дружбы; но большая часть возбужденныхъ и не воображаетъ ничего подобнаго; сама быспрыя между ими очи ни зги не видятъ, по тому единственнѣмъ, что всѣ они обыкновенно всякое движеніе сердца счишаютъ непосредственнѣмъ дѣйствіемъ божественной Благодати, и не могутъ сообразить съ своими понятіями, чтобы столь низкая похоть могла здѣсь вмѣшаться. Но какъ многіе люди сего рода, по единому шаковому заблужденію, вступаютъ въ супружество, а потомъ и опъ Религии оппадають, и бывають несчастны въ семейственнѣмъ сосояніи; по показанію неискuschenнѣмъ и начинающимъ опасность сего прешикновенія живыми примѣрами будеть, кажеться, доброе дѣло любви ко ближнему.

И Кольбъ искренно думалъ, что единство чувствъ и образа мыслей между двѣицею Виршенъ и его другомъ было единственнѣмъ

причиною того, что Теобальдъ для сердца своего находилъ въ письмѣ ея споль сладкую нищу: не шолько не осуждалъ, не осперегалъ его, но изъяснялъ все по своимъ понятіямъ, шакъ, что Теобальдъ еще болѣе ушвердился въ своемъ заблужденіи. Виршенъ убѣдительно просила его прійти въ слѣдующее Воскресенье въ Шварценау. Каждое слово швое, писала она Теобальду, шполь для меня важно и поучительно, что безъ сомнѣнія никто лучше себя не можешь руководшвовашъ меня къ Богу. Точно шакъ думалъ и Теобальдъ, и вмѣнялъ себя въ долгъ непреложный вести самую онкровенную переписку съ дѣвицею Виршенъ, увѣряя себя, что шѣмъ самымъ и онъ и она равно преуспѣють въ Христіаншвѣ. Ешлы бы ои добрыя души имѣли болѣе опышности, ешлы бы они уразумѣли прекрасную пѣснь Гоцфрида Арнольда, то безъ сомнѣнія угасили бы въ себя первую искру пагубнаго пламени, и шѣмъ спасли бы себя и самую Религію отъ многихъ оклеветаній и поношенія. Пѣснь оная ешть слѣдующая: „Ешлы ны не испоргнешь самага глубокаго корня язвы врожденной; она не прешанешъ преливашся въ себя во мракъ и можешь сокрышся даже за сіяніемъ свѣша, Невинѣйшее, божешвенное побужденіе люб-

и непримѣтно осквернишься похотію плоти, когда крѣпкая сила духа не подвигнешь себя къ молиствѣ и къ бдѣнію.⁴⁴

Въ слѣдующее Воскресенье Кольбъ и Теообальдъ пошли вновь въ Шварценау. Дѣвица Виршенъ ожидала послѣдняго въ особенномъ домѣ; она хотѣла наединѣ излишь предъ нимъ все свое сердце. Теообальдъ сей поступокъ ея счелъ весьма основательнымъ и спѣшилъ къ ней. Они одни бесѣдовали нѣсколько часовъ сряду; сердца ихъ споль шѣсно соединились, что послѣ обѣда разлука была для нихъ мучительнымъ терзаніемъ. Они условились видѣться въ слѣдующее Воскресенье: двѣ недѣли бышь въ разлукѣ было уже для нихъ невозможною вещью, и одна надежда скоро увидѣшь друга друга могла еще нѣсколько усладить отсутствіе.

Теообальдъ, возвращаясь, во всю дорогу молчалъ. Кольбъ любопытствовалъ знать, въ чемъ состояла бесѣда его съ молодою Виршенъ; всѣ вопросы его были щещны: съ большимъ чистосердечіемъ и удовольствіемъ они могли возобновить разговоръ свой о сообщеніи сердець, о радости въ будущемъ вѣкѣ, нежели говоришь объ исправленіи сердца. Скоро Теообальдъ началъ открывать въ себѣ тайную склонность, желаніе женишься на

Вирпень , и сполько былъ прямодушень , что вопрошалъ собственное свое сердце: ошь чего и для чего въ немъ сіе желаніе? Но сердце не говорило ему правды; представляло ему все въ бѣломъ цѣпѣ; увѣряло его, что единственная причина онаго глубокаго желанія есть лучшая удобность къ преуспѣянію въ Христіанствѣ. Едва можно повѣрить такому ухищренію сердца человѣческаго; но оно весьма справедливо. О! сколь часно древній змій своимъ шипѣніемъ насъ обольщаетъ! Мы мнимъ чинашь все въ своемъ сердцѣ, и знаемъ его сполько же, сколько знаемъ уединеннѣйшую храмину духовнаго Императора Японскаго. То же самое бываетъ и со всѣми мудрыми законоучителями. Они твердо увѣрены въ своемъ вѣдѣніи, и не видяшь, что разумъ ихъ еще большій обольститель, нежели сердце. Но о семъ просираніе въ послѣдствіи.

Оеобальдъ однакожъ колебался сказать что нибудь о семъ другу своему Кольбу; не ошь спыда, совсѣмъ нѣшь! за чѣмъ спыдись хорошаго? но онъ думалъ, что Кольбъ не проникнетъ всѣхъ его причинъ такъ, какъ самъ онъ, и намѣреніе его припишетъ неблагочестивому вождельнію, ошь чего онъ считалъ себя весьма опдаденнымъ. Даже добро-

му опцу своему онъ не опкрывался, полагая, что сей послѣдній можетъ еще менѣе понять его; молчалъ и все шайлъ въ сердцѣ. Цѣлую недѣлю онъ сильно боролся съ самимъ собою. Здравый разумъ говорилъ ему: бѣдному молодому крещянину безумно замышлять женишься на дворянкѣ и къ тому еще богатой. Приходило ему и по на мысль, что брань его невѣсны, доспапчной помѣщикъ, у котораго жила она, при всей своей набожности (ибо и онъ принадлежалъ къ Гохмановымъ послѣдователямъ), можетъ разломить ему голову за такую дерзость; и на послѣдокъ колеблющійся умъ вопрошалъ его, что же онъ будетъ дѣлать съ благородною дѣвушкою въ домѣ опца своего? Куда посадить ее за споломъ его? Все сіе сердце его низпровергало симъ однимъ приговоромъ: Умъ долженъ быть покоренъ вѣрѣ. Феобальдъ такъ искренно мыслилъ во глубинѣ души; но ожиданіе будущаго исполненія его желанія и неизвѣстный отвѣтъ на вопросъ: захочетъ ли еще она за него выйти? мучили его чрезъ всю недѣлю. Въ слѣдующее Воскресенье онъ не пошелъ, а пошелъ въ Шварценау, и нашелъ мамъ свою милую въ томъ самомъ домѣ, гдѣ она въ послѣдній разъ съ нимъ бесѣдовала. Увидѣвъ его, она, казалось, хопѣла броситься ему на шею,

въ объятія ; но остановилась : по обыкновенію они подали другъ другу правую руку, и уединились съ особою комнатою насладились назидательными разговорами. Тупъ взаимныя шайныя желанія и спремленіе сердець ихъ начали изливашься на языкъ и успа ; скоро они изъяснили свои чувства споль вразумительно, шакъ ясно по обоюдному желанію , что оставалось одно шолько уже исполненіе. Дворянство въ глазахъ возлюбленной было не что иное , какъ грѣховная гордость , кошорой Христіянинъ долженъ совершенно опвергнушься ; почему она и вмѣняла себѣ въ непремѣнный долгъ выйши замужъ не за дворянина , а именно за человекъ самаго низкаго сосноянія. Теобальдъ видѣлъ истину сего заключенія въ ясномъ свѣтѣ. Она съ своей стороны сверхъ шого почипала себя обязанною имѣніемъ своимъ соспавишь шасніе Теобальду , бышь его благодѣшельницею ; ему сіе шакже казалось весьма справедливымъ , казалось высочайшею добродѣшелію. Они дали другъ другу руки , поклялись всшупишь въ бракъ , пали на колѣна , пламенно просили опъ Бога благословенія , и швердо были увѣрены , что посшупокъ ихъ былъ благоразумный и Богу угодный ; они мнили , что какъ они одинъ для другаго будущъ примѣромъ назидатель-

нымъ, по въ послѣдствіи должны чрезвычай-
но преуспѣшь въ Христіанствѣ, и какъ сверхъ
того они были во всемъ однихъ мыслей, по
миръ, благословеніе, согласіе и воспішаніе
дѣшей въ чувствахъ Христіанскихъ даруюшъ
имъ въ щасливомъ супружествѣ рай на зем-
лѣ. Такими розами воображеніе успило
путь, предлежавшій нашимъ молодымъ лю-
дямъ; пакъ оно обольщаешъ еще и нынѣ мно-
гихъ иныхъ, находящихся въ шакомъ же со-
спояніи.

Надлежало наконецъ приняшь мѣры къ
исполненію ихъ намѣренія. Дѣвица Виршенъ
рѣшилась оставишь все свое богатое платье
и одѣваться, какъ порядочная крестьянская
дѣвка; рѣшилась пакже спвергнушь пре-
жняго своего образа жизни, привыкашь къ ра-
бошѣ, къ крестьянской пищѣ и прочее. Она
обѣщала въ будущее Воскресеніе прийти въ
Шварценау, и между тѣмъ приготоновишь для
себя новую одежду и все вообще необходимое;
потомъ всѣ свои драгоцѣнности продать нѣ-
которому Еврею и вырученныя за шо деньги
имѣшь въ рукахъ, дабы тайно съ Феобаль-
домъ ийти въ пунь, который укажешъ имъ
Провидѣніе. Феобальдъ возложилъ на себя въ
продолженіе сего времени устройшь мѣсто,

гдѣ они могли бы жить скрытно и безопасно, доколѣ пройдешь гнѣвъ ея Брата, и они могутъ спокойно переселиться къ старому опцу его Іоанну. Такимъ образомъ все было сказано, все рѣшено, и предъ разлукою принесена еще однажды молитва къ Богу о помощи съ теплыми слезами.

Никшо въ свѣстѣ не можетъ быть болѣе увѣренъ въ незлобіи своихъ намѣреній и въ благословеніи Божиемъ, какъ они себя въ помѣ убѣждали. Наконецъ каждый изъ нихъ пошелъ во своя-си. Само по себѣ разумѣется, что молодая Виршенъ ни кому ничего не говорила о своемъ предпріятіи. Сеобальдъ не зналъ, какъ лучше ему присупить къ дѣлу: опкрыться ли опцу своему и другу Кольбу, или только опцу своему, или же одному Кольбу, или ни пому, ни другому. Тутъ онъ припомнилъ себѣ прекрасное наставленіе, которое слышалъ отъ Гохмана: Когда мы не знаемъ воли Божіей и не видимъ, что есть лучшее въ какомъ-либо дѣлѣ; и когда ни умъ, ни опкровеніе не подають намъ вѣрнаго совѣща: тогда не надобно ничего дѣлать, но молчать и спокойно ожидать, пока опкроется воля Божія, или что иначе окажется лучшимъ. Основываясь на семъ правилѣ, онъ рѣшился не говорить ни кому ни единого слова. Онъ и

Виршенъ во всю недѣлю приготавливались къ важному шагу, который предсоялъ имъ. Оеобальдъ знакомъ былъ съ нѣкоторымъ набожнымъ Священникомъ въ уединенной деревнѣ; на немъ онъ основилъ выборъ и рѣшилъ просить его обвинять ихъ, надѣясь, что онъ лучше всякаго инаго увидитъ въ семь ихъ поступкѣ волю Божественную, и не затруднится сочтаться ихъ бракомъ. Подъ его покровительствомъ они также предполагали жить втайнѣ до тѣхъ поръ, пока пройдетъ туча, надъ ихъ головами собирающаяся.

Кольбъ въ слѣдующее Воскресенье пошелъ съ Оеобальдомъ въ Шварценау; дорогою первый спалъ говоритъ одѣвицѣ Амаліи: что ты, братъ Оеобальдъ! такъ давно ничего не говоришь мнѣ о Амаліи? Развѣ ты съ нею шемеръ не въ такой уже дружбѣ, какъ прежде?

„Все между нами по прежнему; но мы въ послѣдній разъ ни о чемъ другомъ не говорили, какъ только о нашемъ душевномъ со-
спояніи: объ этомъ я не могу сказать тебѣ ничего новаго; тебѣ все извѣстно.“

Пришедши въ Шварценау, они нашли уже тамъ молодую Виршенъ. Крестьянское свое одѣяніе она оставила въ уединенной хижинѣ въ лѣсу, куда хотѣла пойти за нимъ послѣ обѣда. Оеобальдъ долженъ былъ за нею

слѣдовать; опшолѣ они предполагали отпра-
 виться къ Священнику въ Толбергъ. Оеобальдъ
 рѣшился на дорогѣ нанять лошадь, Амалію
 посадить за собою, и ускорить такимъ обра-
 зомъ путь безъ упомленія. Все исполнилось
 по ихъ желанію, и въ вечеру въ сумракъ они
 были уже въ Толбергѣ. Тамъ остановились въ
 домѣ одного крещянина, извѣстнаго по на-
 божности, опкрыли ему всю свою тайну,
 и умоляли его сохранить оную въ молчаніи.
 Честному старику дѣло не нравилось; но онъ
 молчалъ, и попому, что былъ боязливъ, и
 за шѣмъ, что самъ не довѣрялъ своимъ суж-
 деніямъ. Позволилъ гостямъ пробыть у него
 въ домѣ; Оеобальдъ провелъ ночь съ его сы-
 новьями, а Амалія съ дочерьми.

На другой день рано поушру Оеобальдъ
 пошелъ къ Священнику Рейнцу, представилъ
 ему свое положеніе, и просилъ его о брако-
 сочетаніи съ Амалією. Не знаю, каково при-
 семъ ему было, но сердце его крѣпко билось;
 онъ удостовѣренъ былъ въ волю Божіей, со-
 вѣсть покуда не осуждала его во злѣ, не
 смотря на то, онъ чувствовалъ, будто бы
 нѣчто дѣлало ему тайные упреки; приписы-
 валь сіе спраху плотскому, человѣческому,
 и всѣми силами противуборствовалъ сему чув-
 ству. Я съ своей стороны почишаю сіе вну-

преннимъ гласомъ правды и совѣсти, копорья насшавляли его, что пошупокъ и пушь его не правы. Между шѣиъ онъ разсказаль все Г-ну Рейнцу, не обинуясь, какъ было. Выслушавъ его съ шерпѣніемъ, онъ спросиль: „Естьли бы, чеспный впрочемъ работникъ, низкій ремесленникъ, не имѣющій въ мірѣ ничего собшвеннаго, или же нищій, захопѣль женишься на сеспрѣ швоей, хоня бы даже она сама соглашалась выйши за него за-мужъ и раздѣляшь съ нимъ попъ его лица, или просиль милоспыню, переходя въ рубищахъ опъ двери къ двери; естьли бы пакже они оба увѣряли, что такъ Богу угодно: не уже ли повѣрили бы имъ швои родные?“

Нѣшь!

„Естьли бы однакожъ она съ нимъ шайно ушла; не огорчились ли бы шѣмъ швоей старый опецъ и всѣ вы?“

Конечно такъ! Но мы всѣ въ шакоемъ случаѣ должны бы были покориться. Ибо, естьли бы сіе пакъ дѣйспвишельно случилось; то не случилось бы безъ воли Божіей. Безъ воли сей ни что не бываетъ.

„Все правда! Богъ и зло попускаетъ. Но естьли я дѣлаю зло; то сіе дѣло мое не есть воля Божія, Богу угодная. Что я сказаль о сеспрѣ швоей и о нищемъ, то са-

мое можно сказать о себѣ и о швоей невѣстѣ. Богъ предусавиль различіе между людьми, различіе, которое въ семь мѣрѣ весьма полезно и необходимо. Но положимъ, что оно и совсѣмъ бесполезно, не нужно; поступокъ безъ всякой надобности соблазнъ подающій, все естъ поступокъ грѣховный, и доспойный наказанія, особенно, когда ошъ него болѣе вреда, нежели пользы. Размысли: естъ много добрыхъ дѣвушекъ равнаго съ побою соспоанія, которыя и по душѣ вѣрно сполько же, а по домашнимъ швоимъ обстоятельспвамъ для хозяйспва и гораздо еще болѣе шебѣ кспаша. То же самое должно заключить и о невѣстѣ швоей. Между дворянами естъ безъ сомнѣнія доспойные молодые люди, которые могутъ и ее сдѣлать гораздо щаспливѣе, и сами бытъ съ нею также щаспливѣе, нежели ты. Все сіе Богу было бы благоугодно; но не исполняешся. Вы полагаете преграду въ шомъ своимъ своевольспвомъ, и поступаете весьма неправильно.“

Г-нъ Паспоръ! и я и невѣста моя въ разсужденіи предпріяшя нашего совершенно увѣрены въ Божіей волѣ; слѣдспвенно мы дѣлаемъ шо, что Богу угодно, и не заботимся о послѣдспвіяхъ. Иногда вещь кажется спранною, несообразною; а подѣ конецъ видимъ,

что Богъ все благословенно и премудро устроилъ.

„Ты дѣлаешь мнѣ два вопроса, на которые также я долженъ и ошвѣщивовашь. Во первыхъ: ты говоришь, что вы обое увѣрены въ волю Божіей; чѣмъ ты мнѣ сіе докажешь?“

Тѣмъ, что сердца наши въ одно время одно къ другому влеклись и прилѣпились; что мы оба въ одно мгновеніе согласились въ образѣ мыслей; что потому и сотворены одинъ для другаго. Мы глубоко въ душахъ своихъ чувствуемъ, что Богъ положилъ намъ на сердце самъ духомъ своимъ сочешаться бракомъ.

„Дружокъ! вы, Піепишты, вообще впадаете въ великую ошибку; вы наблюдаете сокровеннѣйшія внутреннія ваши движенія, и когда чувствуете въ себѣ склонность, которая не противуборствуетъ прямо слову Божіему; то пощасъ воображаете, что сія склонность есть вдохновеніе Божія Духа. Вы много вѣруете Гохману. Я вовсе не врагъ его; онъ человекъ добрый; но и онъ вѣрно не одобритъ вашего поступка. Помнишь ли, что онъ обыкновенно говаривалъ? „Когда человекъ ощущаетъ въ себѣ какую-либо склонность, и желаетъ знать, ошъ Духа ли Божія она; то

долженъ испытывать сіе свое движеніе. Если ли находишь, что оно прошивно его похощамъ и желаніямъ; но безгрѣшно заключаешь можешь, что оно отъ Бога. Но еслили оно льстивъ его похощамъ, то безъ сомнѣнія происходишь отъ его собсвенной воли.“ Я почишаю сіе правило истиннымъ. Наши похощи и желанія ввергають насъ всегда въ несчастія. Когда мы имъ прошивуборсывуемъ, мы идемъ путемъ гораздо безопаснѣйшимъ, нежели пошь, по которому мы имъ слѣдуемъ. Испытайте и вы себя по сему самому правилу.“

Это не всегда справедливо. Часто мы имѣемъ сердечную радость, благопворное побужденіе къ какому-либо доброму дѣлу. Сопршивленіе шаковому движенію было бы весьма неправильно.

„Справедливо; но испытай себя внимательно; желаніе швое женишься на Амаліи имѣешь ли основаніемъ чистое желаніе шворить добро? И что это за добро? Ты хочешь женишься на прекрасной, богатой дѣвушкѣ прошивъ воли ея семейшва, вопреки принятому всѣми порядку: сіе ли есть невинное, благое побужденіе? Вы думаете, что другъ другомъ будете шаспливы: во первыхъ это еще большой вопросъ; во вторыхъ, если-

ли бы вы подлинно были щасливы; все будетъ весьма сомнительно, хорошо ли, справедливо ли достигать щасія путемъ столь соблазнительнымъ ?“

Виноваты ли мы, что вы соблазняесть ? Есльи бы сія мысль на каждомъ шагу оспавливала Христіянина; упускаемо было бы многое доброе.

„Когда кто чѣмъ нибудь и неправильно соблазняесть, что совѣмъ не опносися до настоящаго случая; то, не взирая на то, долгъ Христіянина есть сообразоваться съ общими обычаями и не подавать никому безъ нужды соблазна. Когда онъ не можетъ совершить ничего особеннаго, великаго, ко славу Божіей, или необходимости не предписываетъ ему закона; то лучше оспавить и доброе по видимому дѣлу, нежели соблазнъ подавать. Вы почто въ семъ положеніи. Великій вопросъ, будетъ ли супружество ваше дѣйствительно столь полезно, какъ вы думаете ? При всемъ томъ по одному сему, столь еще сомнительному предположенію, вы уже подаете великій соблазнъ, большій, нежели воображаете; вы заспавляете даже міръ порицать Христіанство. Міръ конечно скажетъ: вотъ плоды вашихъ собратствъ и собраній! — и будетъ шакъ говорить не безъ основанія.“

„Но ты прежде сказалъ мнѣ, что часто вещь кажешся сначала спранию, несообразною, а послѣдствіе показываешь, что Богъ успроилъ все во благо, и что въ помѣ была Его воля. На семъ основываясь, многіе позволяють себѣ несообразныя дѣйствія. Если зло, содѣваемое человѣкомъ, Богъ наконецъ славно обращаетъ во благо; то изъ сего еще не слѣдуетъ, что надлежитъ дѣлать зло, дабы изъ него послѣ вышло что-либо доброе. И еслили мужъ добродѣтельный шворитъ что нибудь по видимому несообразное, но сходственное съ волею Божіею; то безъ сомнѣнія Промыслъ вводитъ его въ такое состояніе, что онъ не можетъ дѣлать иначе: онъ долженъ такъ послушать вопреки собственной волѣ; по доброй же своей волѣ истинный Христіанинъ не шворитъ ничего спранныго и несообразнаго. На примѣръ: я получилъ однажды извѣстіе, что нѣкошорая богатая Графиня мимоѣздомъ посѣтитъ меня, и имѣетъ надобность говорить со мною о важномъ предметѣ. Назначенъ былъ мнѣ день и часъ свиданія; писали мнѣ, что она будетъ въ такой-то день къ обѣду. Я ожидалъ ее; жена моя изгопвила споль, по возможности лучшей: мы радовались споль пріятному посѣщенію. Что же случилось? Въ помѣ са-

мый день въ одиннадцать часовъ утра прибжалъ ко мнѣ крестьянинъ, съ плачемъ и горестію рассказывалъ, что жена его при смерти; убѣждалъ меня пойди къ ней, говоря, что она не умретъ спокойно, ежли я къ смерти ее не пригошовлю. Все это было весьма не кшаши; я зналъ, что свиданіе съ Графинею для меня было бы весьма полезно. Обѣщалъ я крестьянину прійти къ женѣ его послѣ обѣда. Нѣтъ! отвѣчалъ онъ: Богъ вѣсть, жива ли еще она будетъ; не лзя перяшь ми минушы. Какъ ни прискорбно мнѣ было, но я по неволѣ потчасъ отправился. Это не совсѣмъ соотвѣтствовало правиламъ общежитія; тѣмъ не менѣе должно мнѣ было исполнить свою обязанность. Пошелъ я съ крестьяниномъ весьма неохотно. Онъ жилъ онъ меня верстъ за семь. На половинѣ сего нашего пѣшешествія надобно намъ было переходить чрезъ большую дорогу; я встрѣчаю карешу: въ самую шу минушу, какъ я вошелъ на дорогу, она мимо меня проѣзжала. Графиня взглянула, узнала меня, и удивлялась. Я не зналъ, что сказать ей. Она вышла изъ карешы и рассказывала, что нѣкоторое особенное приключеніе привело ее на эту дорогу; но она, не взирая на присланное мнѣ извѣстіе, крайне сожалѣла, что

не могла бытъ у меня въ домѣ, а Богъ неожиданно меня ей посылаетъ. Я съ своей спороны описалъ ей свой случай съ крестьяниномъ, и мы оба возблагодарили Бога за Его милоспивый промысль. Графиня исполнила при семъ благое свое въ пользу мою намѣреніе: я получилъ то, чего ожидалъ. По видимому все шупъ было не сообразно; но Богъ успроилъ все во благо. Но кто дѣйствуешь такимъ образомъ съ намѣреніемъ; шопъ конечно не всегда имѣетъ добрый конецъ.“

Извините меня, Г-нъ Паспоръ! Все, что вы ни говорили, есть одно умствование; а разумъ всегда дѣйствуешь вопреки вѣрѣ и волѣ Божіей. Мы должны плѣнять разумъ въ послушаніе вѣры; кто всегда слѣдуешь одному разуму, шопъ обманывается.

„Ты и этому уже выучился? Это ученіе исполнено прешкновеній, хотя многіе подлинно добрые люди ушверждаютъ его. Скажи ради Бога, кому вы хошите слѣдовать? кто покажетъ тебѣ въ жизни, что благо и справедливо?“

Слово Божіе!

„Хорошо! Какъ же ты узнаешь, что все, шобою дѣлаемое, согласно съ словомъ Божіимъ?“

Я испытываю, повелѣно ли, заповѣдано ли словомъ Божіимъ то, что я хочу дѣлать.

„Какимъ образомъ ты сіе испытываешь?“

Этого я не могу описатьъ ; я неученый.

„Такъ я изъясню тебѣ : ты соображаешь свою волю съ волею Божіею , и когда находишь , что твоя воля съ волею Божіею согласна , тогда думаешь , что желаніе твое справедливо , и исполняешь его : не правда ли ?“

Точно такъ.

„Могущь ли такъ поступать несмысленныя животныя ?“

Какъ это возможно ?

„Почему же нѣтъ ?“

Потому — теперь я понимаю , къ чему ты клонишь — потому что они не имѣють разума.

„Справедливо! Благодарю же Бога за то , что Онъ одарилъ тебя разумомъ , и спарайся употреблять его во благо.“

Я и не считаю разума столь бесполезнымъ , а думаю только , что онъ всегда хочеть владычествовать въ вещахъ божественныхъ , гдѣ онъ однако ни зги не видить. Естественный человекъ не можетъ понять того , что есть Духа Божіаго.

„Точно такъ ; это значить , когда разумъ хочеть понять такія вещи , которыхъ онъ не можетъ постигнуть , не имѣя всѣхъ къ такому пониманію принадлежащихъ спо-

собою; тогда онъ долженъ вѣровать, еслии ни что непротивно ему, а только силы его превышаетъ. Но предметы, къ Христiянскому нашеу житiю относящiеся, соображая должны мы разумомъ. На пр.: для чего ты хочешь женишься на своей Амалiи? "

Я сказалъ уже, что мы другъ для друга созданы, и я вѣрую, что такъ Богу угодно.

„Изъ чего же ты можешь се заключить, какъ не изъ того, что разумъ твой се тебѣ такъ представляешь? По твоему сужденiю, ты считаешь бракъ сей благоразумнымъ.“

Такъ точно!

„Но я уже сказалъ тебѣ, что ты поступаешь тушь неблагоразумно. Докажу тебѣ се сверхъ того изъ Библии: читай перваго Посланiя Петра Гл. II стихъ 13; тамъ сказано: *Повинитесь всякому человеку созданию Господа ради.* Установленiе человеческое и то есть, чтобы въ мiрѣ были знатнѣйшiе и низшiе люди; и то, чтобы дѣши противъ воли родителей бракомъ не сочетались, когда родители какимъ-либо явнымъ и несправедливымъ образомъ не препятствуютъ щастiю дѣшей своихъ; но и таковаго случая ни что не долженъ разрѣшать, кромѣ того, кого Богъ доставилъ опцемъ народа, ни что

кромѣ правительсва. Ты же хочешь женишься на дѣвущкѣ совсѣмъ не по своему состоянію, противъ воли родителей ея и твоихъ, безъ вѣдома старѣйшихъ; это значишь хотѣшь женишься противъ всѣхъ чловѣческихъ установленій, слѣдственно противъ заповѣди, весьма ясно сказанной въ Библии: это ли есть разумъ, вѣрѣ противуборствующій? "

Я неученый, и не могу съ вами спорить. Слѣдую внушенному своему убѣжденію, и предавъ себя во всемъ совершенно вожденію Божию, спускаю, какъ оно меня движетъ.

„Я знаю, что всѣ мои увѣщанія не могутъ обратиться на правый путь ни тебя, ни подобныхъ тебѣ; но я исполнилъ долгъ свой: иди съ Богомъ! “

И такъ вы не обвиняете насъ?

„Нѣтъ, я не могу сего сдѣлать. Священникъ не долженъ никого вѣнчать безъ законнаго дозволенія начальниковъ. Я же для сего не спущаю и шагу, почитая намѣреніе ваше совершенно противоположнымъ волѣ Божіей. “

Обоидь вышелъ опъ Пастора безъ сомнѣнія не такъ спокойно, какъ пришелъ къ нему, хотя и тогда сердце у него билось. Но скоро онъ подавилъ въ себѣ всякое угры-

зене; все еще былъ увѣренъ, что намѣреніе его свыше отъ Бога.

Въ семь-то и состоиптъ особенная черпа характера мечшашелей! Когда они мнптъ чувствовашъ въ душѣ своей глубокое убѣжденіе въ томъ, что та или другая мысль отъ Бога; пусть тогда говорятъ прошивъ нихъ и Библія и разумъ со всею властію: все бесполезно. Они или думаютъ, что никто, кромѣ ихъ, не разумѣетъ Священнаго Писанія; или перевертываютъ листы въ немъ до шѣхъ поръ, пока встрѣшатъ слово по сердцу. Разумъ у нихъ вовсе молчитъ; объ немъ и не вспоминаютъ. И сія естъ настоящая причина всѣхъ несчастныхъ заблужденій, изъясненныхъ въ сей испири.

Мечшаніе естъ какой-то навмкъ души. Съ мечшашелемъ бываетъ то же, что съ человекомъ, привыкшимъ употреблять крѣпкіе напитки. Когда онъ перестанетъ пить и ему дурно: онъ думаетъ, что крѣпкій напитокъ ему полезенъ, и вновь къ нему прибѣгаетъ, что бы ни твердили ему прошивъ сего умъ и природа. Точно такъ бываетъ и съ мечшашелемъ. Въ заблужденіи, съ сими ложными чувствами хорошо ему; внѣ сего круга онъ самъ не свой. О! сколь пошому несказанно нужно и важно привыкать съ малолѣтства къ чув-

спованіямъ правильнымъ! Ибо опытъ несомнѣнно доказыааетъ, что самый разумный человекъ тысячекратно рѣшается слѣдовать единому разуму и истинѣ, и тысячекратно же слѣдуетъ однимъ чувствованіямъ. Совѣспь совершенно беззасорная, просвѣщенная истинною Религією, съ чувствами сердца согласная, раждаетъ глубокой миръ Божій, всякой разумъ превосходящій.

Оеобальдъ не сказалъ ни слова своей Амаліи о разговорѣ съ Паспоромъ, стповали только, что онъ не можетъ и не согласился вѣнчаться ихъ. Тупиъ-по добрый совѣтъ былъ для нихъ дорогъ. Впрочемъ; какъ они твердо были увѣрены въ волю Божіей; по для нихъ все было равно, шамъ ли, сямъ ли вѣнчаться, лишь бы были обвинчанными. Обрапились они къ разспросамъ, и свѣдали о какомъ-то Священникѣ, которому ничего не стоило раздавать желающимъ за деньги брачное благословеніе. По временамъ мѣспами встрѣчаются такіе добрые люди; такой же услужникъ былъ и за полмили отъ Толберга. Оеобальдъ съ Амалією немедленно шуда пустились, и должны были скорѣе убраться: Паспоръ Рейнциъ велѣлъ креспьянину, у котораго они остановились, выжишь ихъ изъ дому, предваривъ его, что за нихъ онъ можетъ подвер-

гнушья строгой отвѣшшвенности. Къ тому же восходила надъ ними и другая, совсѣмъ неожиданная штука.

Амалія не была споль хищра, чтобы все нужное успроишь втайнѣ, чтобы совершенно скрышь свое намѣреніе. О томъ она мало и думала; одно имѣла въ виду, скорѣе уйши. Бращъ ея, Баронъ Виршенъ, былъ одинъ изъ послѣдовашелей и друзей Гохмановыхъ; но онъ былъ человекъ умный и образованный, внимавшій всегда здравому разуму и испинѣ, и ничего не предпринимавшій, что не было съ оными согласно. Родителей его не было уже на свѣшъ; бращевъ онъ не имѣлъ, ни другой сеспры, кромѣ Амаліи. Ее любилъ нѣжно, и радовался, что въ ней родилась склонность къ Религіи; для того и опускалъ ее безпрепятшвенно къ Гохману; ничего инаго въ мысль ему не приходило, когда она въ Воскресенъе ввечеру не возвратилась домой; онъ весьма беспокоился, думалъ, не приключилось ли ей какого несчастія, сѣлъ на лошадь и ночью съ однимъ слугою поскакалъ въ Шварценау. Тамъ подробно разспросилъ обо всемъ, и узналъ, кшо былъ Шеобальдъ; какъ было все эшо дѣло, въ чемъ ссспяло намѣреніе набожныхъ любовниковъ: словомъ, ничто онъ него не было скрыто, кромѣ до-

роги, копорую они избрали. Баронъ ужаснулся, заперся въ уединенномъ мѣстѣ, и размышлялъ, что ему дѣлать. Въ семь уединеніи прошелъ весь гнѣвъ его; на другой день по утру онъ пошелъ къ Гохману и съ кротостию представилъ ему послѣдствія его собраній. Гохманъ сѣноваль о происшествіи; но впрочемъ думалъ, что и самія священныя установленія къ исправленію людей могутъ быть во зло употребляемы. Къ сожалѣнію это и правда. Барону сіе заградило уста.

Между тѣмъ вездѣ разосланы были гонцы за Феобальдомъ и Амалією. Одинъ изъ нихъ пустился въ Рулгеймъ спросить, не шамъ ли они. Старый Іоаннъ и Кольбъ узнали также ихъ похождение. Бѣдный спарикъ зарыдалъ, возвелъ заплаканные глаза къ небу, и сложивъ руки, говорилъ: Такъ, Господи мой! я мыслилъ право, что всякой изъ насъ въ прошомъ и съ вѣрностию долженъ пребывать въ своемъ званіи, а не хотѣть перемудрить Тебя. Ты предписалъ мнѣ мою участь, въ копорой я хочу жить и умереть. Посланному сказалъ онъ: Объяви отъ меня своему господину, что я шущъ совсѣмъ не виновенъ: мнѣ весьма жаль, что сестра его захошѣла быть моею невѣсткою; я вовсе не желаю имѣть ее въ моемъ домѣ. Скажи

ему такъ опъ меня. Я прошу его оставишь меня бѣднаго старика въ покоѣ; я ни въ чемъ тупъ не виноватъ. Посланный обѣщаль все сіе вѣрно исполнить, и уѣхаль. Старикъ принялся за хозяйство, говорилъ про себя то и другое, качаль головою; жена же его была какъ полумершвая.

Пришелъ къ нему между шѣмъ Кольбъ. Онъ хотѣль его утѣшишь, уговоришь и успокойшь, естли бы нашель его въ гнѣвѣ. Кольбу все происшествіе также не нравилось; онъ однакожь думаль шочно такъ, какъ Гохманъ, и вѣрилъ, что все идешь къ лучшему. Вошедши въ дверь, онъ не успѣль еще пожелашь старику добраго дня, сей послѣдній пригото-вилъ уже ему благодарность за привѣтствіе, хотѣль его встрѣтити дубиною въ голову. Кольбъ схватиль его за руку.

Поспой, сосѣдъ! говорилъ ему: что я тебѣ сдѣлаль? Я также виноватъ, какъ и самъ ты.

„Вы, непошребные молокососы, хотише бышь умнѣ самага Бога, живущаго на небесахъ: опъ того все такъ и идешь на семь свѣшъ. У добраго моего Дидриха голова вскружилась; онъ почишаешь себя умнѣ, лучше старика, опца своего; думаешь, что онъ лешаешь выше звѣздъ, у ногъ самага Господа

нашего, а между шѣмъ приспалъ къ дворянкѣ: какъ и чѣмъ мнѣ бѣдняку прокормить дворянку?“

Послушай, сосѣдь! умнѣе Бога мы не хотимъ бышь; но чшобы всю жизнь проспашь, проводишь какъ нибудь, какъ набѣжишь, — эшимъ мы не можемъ удорольснвованься: на мертвоиъ одрѣ проснушься, сосѣдушка! поздененько.

„Я соспарѣлся, до сѣдинъ дожилъ съ чеснiю, жизни не проспалъ. Какъ ты думаешь, Кольбѣ?“

Вы принимаете все въ плотискомъ смыслѣ; я говорю въ смыслѣ духовномъ. Намъ должно бышь иными, не шѣми, какъ мы по природѣ, ешпили хотимъ спаснися.

„Ха! ха! ха! Такъ для эшаго бѣдный креснiянннъ долженъ женишься на дворянкѣ. Гдѣ эшо написано?“

Въ шомъ и я швоего сына не одобряю, сосѣдь! Но все эшо шолько прешкновенiя начинающнхъ.

„Молчи! Когда начинающiе шакъ прешыкающся; шо чшо будешъ съ женщинами?“

Начинающiе пушь Хрисповъ, я думаю, могутъ еще не рѣдко прешыкашъся; но чѣмъ далѣе они на пуши семъ, шѣмъ болѣе просвѣщающся, и шѣмъ шверже всегда ходяшъ.

„Прешкновеніе въ женильбѣ есть большое прешкновеніе. Но дѣло сдѣлано! такъ тому и бытъ; перемѣнишь эшаго не чѣмъ; разумѣенся, естли сынъ мой двѣшвишпельно женился, и еще, когда, не смотря на то, брань его жены не пустишь ему нули въ лобъ.“

Послушай-ка, сосѣдь! присядь ты ко мнѣ: я пришелъ поговорить съ тобою порядкомъ. Дѣло сдѣлано: не перемѣнишь; самъ ты вишь знаешь. Ну, естли однакожь Амалия выбросишь изъ головы все дворянство, надѣнешь крестьянское платье, будешь крестьянкою, какъ всѣ другія; научишься работашь, привыкнешь къ хозяйству, будешь этакъ, какъ бы родилась въ нашемъ быту: что ты тогда прошивъ эшаго скажешь? Положимъ, что она и не можетъ исправлять всякой работы; но за то есть у ней что нибудь и свое; къ тому же она дѣвушка добрая, прямо Христіанка: что прошивъ эшаго?

„Все что ты неидешь. Конечно, естьли бы такъ эшо было; но все вишь брань ея...“

Ну, да естли и брань наконецъ помирися. Онъ человекъ благочесливый: съ нимъ можно поладишь. Знаешь ли что? Я пойду эшчасъ ошыскивать Дидриха, и, естли нужно, эшану уговаривать и Барона. Пешмо-

примь, не пойдешь ли дѣло на ладъ? Амалиею безъ всякаго сомнѣнія вы будете довольны; иначе бы Дидрихъ на ней не женился.

„Кольбъ! есцьли шы это устроишь, шо я навѣки тебѣ буду благодаренъ.“

Кольбъ пошчасъ опсправился въ Шварценау.

Гонецъ опяшь возврапился къ Барону; но его не было дома. Онъ провѣдалъ, что Оеобальдъ съ его сестрою были въ Толбергъ; помчался шуда, но опоздалъ: не болѣе, какъ за четвершь часа предъ нимъ, они опшуда уѣхали. Онъ пошелъ къ Пасцору, кошорый вкращѣ разсказаль ему все шо, что говорилъ съ молодымъ человѣкомъ. Баронъ не мѣшкаль, но взявъ провожапашаго, поскакаль въ шу деревню, гдѣ они хотѣли вѣнчаться. Пошелъ шамъ къ Священнику; сказали ему, что у него гости; ни чему не внимая, вломился онъ въ комнашу въ шу самую минушу, какъ Священникъ благословляль новобрачныхъ; входя въ дверь, онъ слышалъ: Аминь!

Всѣ шрое спояли, какъ пораженные. Амалия упала въ обморокъ; Оеобальдъ, какъ пресупникъ, ожидаль приговора.

Баронъ схвапиль Пасцора за грудь и сказалъ: „Поступаешь ли шы, какъ слуга Божій, или какъ слуга врага всего порядка?“

Я... я... Помилуйте! я не зналь ничего,

„Для чего же ты вѣнчаешь людей неизвѣстныхъ, можешь спашься бракомъ прежде уже сочешавшихся, или помолвленныхъ?“

Паспоръ не зналъ, что отвѣчать; швердиль шолько: помилуйше!

Баронъ спарался привести попомъ въ чувство сешпру свою. Феобальдъ споялъ, какъ вконанный; Баронъ шакже не говорилъ ему ни слова. Наконецъ она открыла глаза. „Сешпра!“ сказалъ онъ „я не прихожу дѣлать тебѣ упреки; эшо уже поздно: ешлы бы я поспѣлъ сюда ранѣе, спарался бы уговорить тебя. Теперь я хочу шолько знать швои намѣренія, что ты съ собою предполагаешь? Говори со мною откровенно; я все еще братъ швой.“ Услышавъ сіе имя, Амадія ободрилась, зарыдала горькими слезами и говорила: Не называй меня болѣе сешпрою; ты не братъ уже, а господинъ мой: вы видите, милосшивый Государь! —

„Молчи, сешпра! я всегда братъ швой, пока ты не злодѣйка. Не говори болѣе ни слова, называй меня брашомъ.“

Амадія, со слезами цѣлуя руки его, повшоряла: эшо небешная доброша; я повинуюсь. Вошь, брашець! посмотри на мое платье; оно скажешъ тебѣ все обо мнѣ; не сердись шолько. Сколько благородныхъ дѣвиць слага-

юпъ съ себя предъ Олшаремъ богатяья свои
одежды, и надѣваюпъ платье монашеское? Кшо
изъ насъ умѣе: оци, или я? — Не луч-
ше ли мнѣ сдѣлать щасливымъ чешинато
кресстьянскаго сына, нежели заключишься ме-
жду чешырехъ снѣвъ? Кшо лучше служишь
Богу: я ли, копорая, помоги мнѣ Господи!
въ попѣ лица буду снискивать хлѣбъ свой,
обрабашивать огородъ, кормишь окошину и
вращивать дѣшею ко славъ Божіей; или
монашенка, копорая поешъ сшихи, какъ
шпица въ кѣшкѣ?

„Ты не худо разсуждаешь; но еснъли
бы ты сдѣлала щасливымъ мужа изъ равна-
го состоянія; еснъли бы ты деревню много-
людную наполнила благодѣяніями?“

Братецъ! сравнивай меня только съ мо-
нашенкою; она шакже могла бы эшо сдѣлать,
но не дѣлаешь, и родные не осуждаютъ ее.
Еснъли бы она вышла за кресстьянскаго сына,
шо самъ и мужъ ее былъ бы можешъ бынъ
жершвою гнѣва опцовскаго, или бранцаго; но
какъ она избрала монашество, шо не браняшь,
а щадяшь ее: поступиай шакъ и ты, бра-
тецъ!

„Я эшо и исполню, Амалія! Говоришь
мнѣ болѣе нѣчего, какъ только: да благо-

слезишь себя Богъ, и да даруешь себя свя-
тѣй миръ свой!“

Да будешь, любезный братъ! и на себя
Его благословеніе! Теперь еще одно слово: Я
опказываюся навсегда за меня и за дѣшей
моихъ опъ дворянства и опъ всѣхъ преиму-
ществъ: еспли хочешь, но дай ми чшо
нибудъ въ приданое деньгами; наследство мое
я прошуила, буду учишься работашъ; но
покуда еще не могу и не умю, незаслу-
женнаго же хлѣба ѣсти не хочу. — Нѣтъ! Ама-
лія! сказала при семъ Обобальдъ: ни гроша
тебѣ не надобно; сохрани меня Богъ! Я хочу
только Амаліи и благословенія братскаго, бо-
лѣе ничего; я могу работашъ за двухъ.

У Барона слезы на глаза выпунили;
онъ взялъ обоихъ за руки и говорилъ: „Благо-
слови васъ Господь! Я положу 20 000 гуль-
деновъ въ Расдорфской сиротскій домъ, и вы
можете опшуда всякой годъ брать по 800
гульденовъ процѣнковъ; капиталь останет-
ся вашимъ дѣшамъ; но еспли Богъ не дастъ
вамъ дѣшей, но эти деньги въ послѣдствіи
возвращающа въ мой домъ: я велю написать
условіе и пришлю его вамъ.“

Оба плакали и цѣловали руки у Барона.
Амадія сказала: Любезный братецъ! мы ни-

когда не будемъ себѣ въ пѣгоспѣ своими посѣщеніями: я знаю благоприсойноспѣ.

„Не посѣщаетъ ли монашенка друзей своихъ?“

Такъ; но плашь! Я въ крестьянской одеждѣ не могу сидѣть за однимъ съ тобою сподомъ.

„Послушай, сеспра! Монашенка проходишь время испытанія; еспьли ты выдержишь пвое испытаніе, то я съ себя и съ пвоего мужа велю списать поршпреты въ крестьянскомъ одѣянїи и поставлю ихъ между поршпретами нашей фамили! Покуда не приходи ко мнѣ; я дамъ себѣ знать, когда будешь время.“

Такимъ образомъ они примирились и были довольны: оспавался Священникъ; онъ споялъ, какъ грѣшникъ предъ судомъ. Баронъ, обративъ къ нему, говорилъ: „Принеси перо, бумагу и чернильницу.“ Паспоръ со спрахомъ пошелъ и все сіе подалъ.

„Садись и пиши видъ вѣнчалый.“

Баронъ оспидаль его Феобальду и сказалъ: „Береги эту бумагу. Теперь, Г-нъ Паспоръ, продолжай: возьми цѣдой листъ бумаги, пиши!“

„Пиши же: въ Консистерію! какъ обыкновенно пишешь цещеся.“

Милосердый Государь!

„Ни слова; или шы нещасливъ!“

Умилосердишесь, Государь!

„Пиши: я, какъ недоспойный Паспырь.“

Боже всемогущій!

„До сихъ поръ не исполнялъ своей должности!“

Господи Иисусе! — Должности. Помилуй-ше! умилосердишесь!

„Молчи! — и признаю себя впредь недоспойнымъ!“

Недостойныиѣ —

„Носишь сіе званіе:“

Званіе —

„И пошому слагаю съ себя оное.“

Оное. — Но, Боже праведный! кто же дастъ мнѣ кусокъ хлѣба?

„Молчи! — Баронъ Виршенъ!“

Виршенъ —

„Берешь меня къ себѣ въ управители?“

Въ управители?

„И сверхъ содержанія даешь мнѣ 400 щадеровъ жалованья.“

„Я совсѣмъ съ нимъ условился!“

Условился —

„И поручаю себя благосклонной вашей памяши.“

Боже мой! Г-нъ Баронъ! какъ я щаспливъ!

„Спѹнай, собирайся, занечашай письмо, опдай мнѣ его; я опошлю куда слѣдуетъ. Ты не способенъ бытъ Паспоромъ; я довольнo тебя знаю: посмотрию, какъ ты будешь исполнять новую должность. Но я буду въ оба смотрѣть за тобою; помни: еспли при-мѣчу малѣйшую невѣрность, то не проси уже милосши. Мнѣ теперь надобенъ управи-тель; я даю тебѣ эшо мѣсто, но не спущу тебя съ глазъ, чшобы видѣть, будешь ли ты чесши исполнять свое дѣло. Въ прошив-номъ случаѣ ты погибшій человекъ: тогда уже не встанешь на ноги.“

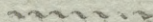
Съ Феобальдомъ Баронъ ничего не говорилъ. Сесипу свою спросилъ еще, какъ она оппра-вилась?

И съ моимъ Дидрихомъ пойду пѣшкомъ въ его хижину.

„Я хотѣлъ довести тебя.“

Благодарю тебя, бращецъ! Я съ сей поры буду употреблять ноги и руки на шо-къ чему Творецъ далъ мнѣ ихъ.

Баронъ сѣлъ на лошадь, пожалъ еще у каждаго руку, приказалъ Пасперу немедленно явиться къ новой своей должности, и доска-калъ.

КНИГА ТРЕТІЯ.

Между тѣмъ Кольбъ шель своєю доро-
тою, и наконецъ прибылъ въ Шварценау. Раз-
спросивъ шамъ, гдѣ находился замокъ Барона
Виршена, онъ пришелъ туда на другой день
въ самое то время, какъ Баронъ, возвращаясь
изъ своего путешествія, раздѣвался. Доло-
жили ему, что кто-то хочетъ его видѣть.
Онъ велѣлъ позвать; Кольбъ явился.

„Что угодно тебѣ, другъ мой?“

Мнѣ надобно поговорить кое о чемъ съ
Вашимъ Превосходительствомъ; не прогибъвай-
тесь на меня. Сосѣдъ мой Феобалдъ влюбил-
ся въ вашу сестрицу и ушелъ съ нею, какъ
Ваше Превосходительство, думаю, о томъ
уже изволили слышать; я пришелъ просить
у васъ ему прощенія. Всѣ говорятъ, что Ваше
Превосходительство богобоязливо; я осмѣли-
ваюсь просить васъ глядѣть сквозь пальцы
на это дурачество.

„Слушай, другъ! я все знаю. Ты назы-
ваешь это дурачествомъ; по чему?“

Пошому, что въ мѣрѣ шакъ уже это веден-
ся: должны быть и богатые, и бѣдные. Господь

создалъ и шѣхъ, и другихъ: для того всякой и долженъ бы былъ жениться на ровнѣ.

„Когда порядокъ нарушается, то это уже болѣе, нежели дурачество, — грѣхъ.“

Но, Ваше Превосходительство! Богъ милосердъ, прощаешь самыхъ великихъ грѣшниковъ: просише и вы!

„Хорошо, Богъ милосердъ; но опускаешь ли Онъ грѣхи безъ удвѣствленія? Вѣрно нѣтъ. Люди грѣхами причинили въ мѣрѣ много зла, неуспроисва; все это должно быть исправлено: для того-то и Иисусъ Христосъ долженъ былъ претерпѣть споль многія спраданія и смерть споль мучительную, прежде, нежели Онъ пріялъ царство надъ родомъ челоуѣческимъ, прежде, нежели воспоржествовалъ надъ зломъ и возстановилъ чрезъ своихъ вѣрныхъ обласпъ блага. Не смощря на все сіе, мы видимъ, что Богъ все еще даже и въ Своихъ грѣхи обрѣщаетъ; и ты усмошришь, другъ мой! что Онъ всегда наказуешь того, кого любишь.“

Я сему вѣрю; это и хорошо наказаніе для насъ весьма полезно.

„Такъ и я думаю, а для того и для сеешры своей и для Феобальда придумалъ доброе наказаніе.“

Умилосердитесь, Ваше Превосходительство! пощадите сихъ добрыхъ людей: вишь эшаго перемѣнить уже не можно. Богъ вѣрно и безъ васъ пошлетъ имъ кресты и наказаніе, какое для нихъ будетъ нужно и спасительно.

„И я болѣе ничего съ ними не сдѣлаю, кромѣ того, что можеть быть имъ во благо.“

Но я еще не знаю, можеть ли человекъ править вѣсами Божественнаго правосудія? Отець наказываетъ сына иногда слишкомъ строго, а иногда слишкомъ уже слабо.

„По швоему, совсѣмъ не должно наказывать?“

Я эшаго не говорю: отецъ конечно долженъ наказывать и воспитывать сына.

„Такимъ образомъ и я поступлю. Но мнѣ все кажеться: чѣмъ спроже, шѣмъ лучше.“

Я не могу ничего отвѣчать Вашему Превосходительству. Мнѣ кажеться: естли вы вообразите себѣ, что ваша сестрица скончалась, естли ее забудете; то ничего вишь не пошеряете. Оставьте ихъ бѣдняжекъ въ покоѣ. Богъ приршитъ ихъ, какъ дѣшей, милосердо, благоушробно приведетъ ихъ ко спасенію. Переспанемъ вынимають бревно изъ очей ихъ, Ваше Превосходительство! они совершенно предали себя Богу и вожденію Его. Онъ вѣрно ихъ не оставишь; безъ сомѣнія и за сіе дураче-

ство, или грѣхъ, возложши на нихъ изрядную пошущу. Намъ, людямъ, нѣшь нужды въ это мѣшанье, милостивый государь! Дворянство есть похвальное мѣрское учрежденіе; но предъ Богомъ мы все равны. Еслиди ваша сестрица привыкнеть къ хозяйству и въ семь новомъ своемъ бышу будеть исправна; то я увѣренъ, что Богъ надъ нею умилосердился. И еслиди она, взявъ крестъ свой, поидеть съ перифніемъ по синопамъ Спасителя нашего; то мзда ея шамъ, въ Царствіи небесномъ, будеть велика, ибо она по любви къ Богу и ко Спасителю многаго въ мѣрѣ опшверглась.

„Какъ себя зовущъ, принемъ?“

Меня зовущъ Кольбъ; я ремесленникъ.

„Я скажу тебѣ, Г-нъ Кольбъ! какъ я накажу свою сестру. Не правда ли, я бы могъ сдѣлать ее весьма щасливою; я могъ бы дать ей и мужу ея сколько, что имъ не надобно было бы ни о чемъ слишкомъ заботиться; сестръ моей это слѣдовало бы и по праву наслѣдства; но теперь я ничего уже не сдѣлаю: наслѣдственную часть ея положу въ вѣрное мѣсто; она будеть пользоваться только процѣнами; потомъ я оставлю ее на волю судьбы: пускай она привыкаетъ къ новому состоянію. Видишь, какъ хочу наказатъ ее?“

Такъ будешь не худо! Я и думалъ, что такъ это будешь. Награди васъ Богъ! На нашемъ мѣстѣ я бы точно такъ поступилъ.

„Кольбъ! я вижу, что ты чесный человекъ. У меня въ Шпокгаузенѣ выстроены новой домъ; заведи тамъ кожевенный заводъ; я дамъ тебѣ все, что должно по справедливости.“

Кольбъ радовался сему обороту съ Тео-бальдомъ и о себѣ условился потчасъ съ Барономъ. Сей послѣдній разсказалъ ему всю исторію бракосочетанія сестры своей. Кольбъ искренно благодарилъ Бога и возвратился домой.

Не за долго предъ симъ Дидрихъ Тео-бальдъ съ своею Амалією также пришелъ въ Рулгеймъ. Сердце его билось скорѣе и сильнѣе, когда онъ увидѣлъ вблизи родительской домъ. Онъ не зналъ, какъ опецъ его приметъ; но главное было устроено: онъ надѣялся получить прощеніе и опъ опца.

Лишь только они вошли на дворъ, спарый Іоаннь, шедши на гумно, встрѣтился съ ними, остановился и съ изумленіемъ глядѣлъ то на сына своего, то на новую свою невѣстку. Ни шагу впередъ! закричалъ, и рукою указывалъ имъ вораща. Прежде надо мнѣ знашь, что скажешь Его Превосходительства. Амалія, бросясь спарику на шею, отвѣчала:

Здравствуйше, любезный отецъ! будьте спокойны; мы съ брашомъ помирились: я всёмъ сердцемъ и душою дочь ваша; буду слушаться васъ, помогашъ вамъ въ работѣ, какъ и другія ваши дѣши; буду спарашся ушѣшашъ васъ. — Правда ли все эшо? спросилъ Іоаннь. Точно шакъ, опевѣлспвоваль Дидриихъ, эшо все правда, и Баронъ для насъ положилъ въ сиротскій домъ въ Расдорфѣ 20,000 гульденовъ, съ которыхъ мы всякой годъ будемъ получашъ по 800 гульденовъ процѣшшовъ. Услышавъ сіе, спарикъ развеселился; слезы ручьями полились изъ глазъ его: онъ обнялъ ихъ и все семейство радовалось. Дидрихъ прибралъ для жены и для себя особую комнату, не великолѣпно, но чисто и опрятно; спарался во всемъ дѣлать ей пріятное, смолрѣлъ ей въ глаза; всё другіе равнымъ образомъ обходились съ нею дружески.

Я часто слыхалъ, что неженатые люди, когда они рѣдко сходятся, другъ другу слушашъ назидательнымъ примѣромъ; но ешшли они всегда живутъ вмѣстѣ: шо не шолько ни мало не способствуюшъ одинъ другому въ нравственномъ преуспѣяніи, но даже взаимно въ шомъ себѣ препятствуюшъ, разиснувая и въ образѣ мыслей. Что для одного хорошо, шо самое другому прошивно, или по крайней мѣрѣ другой къ шому равнодушенъ, не счи-

шаешь того сообразнымъ съ своимъ душевнымъ соспояніемъ. Сіе примѣчаніе весьма справедливо, и всегда поши сбывается съ такими молодыми людьми, копорме по побужденію благочеснія, какъ Теообальдъ и Амалія, вспу-пающъ въ супружесво. Случающся и здѣсь исключенія, но очень рѣдко. Другіе предъ женишьюбою бывающъ ревностны въ Хриспіянствѣ; послѣ въ небрежности усыпающъ. Какая бы могла бышь причина такой перемѣны? Она скрывается, я думаю, въ душѣ челоувѣческой. Когда молодые люди разнаго пола другъ друга полюбящъ, и любовь начнешъ вкореняишь въ сердцахъ ихъ; тогда предспавляешся имъ все въ совершенствѣ: одинъ въ другомъ видишь все въ краскахъ самыхъ прелестныхъ. Сіе самое происходишь и съ шѣми, копорые мнимое усовершенствованіе себя или свяшосшь поспавляющъ единшвенною цѣлію жизни, ш. е. съ Піеписшами. Теообальдъ смотрѣлъ на Амалію, какъ на свяшую; она равнымъ образомъ его такимъ же воображала: все сіе происпекало опъ любви, копорая золошшь все, пустыню въ рай превращаешъ и малое начало добродѣтели считаешъ за высочайшую свяшосшь.

Простите мнѣ вы, добрыя, любезныя души, желающія искренно благоутодишь Богу,

служишь Ему и поклоняешься! вы подлинно благочестивые Пиешиспы! Я пишу и въ защищеніе ваше, и къ предохраненію васъ отъ споль многихъ подводныхъ камней, которыя несказанно вредяшь самой Религии и міру подаюшь соблазнъ, поводъ къ злорѣчію.

Между такими молодыми людьми что есть любовь, какъ не естеспвенное побужденіе, каждому полу свойственное, но которое скрывается подъ личиною духовной упонченной любви, и сквозь сіе покрывало прокрадывается; играетъ разныя роли, а оканчивается всегда исканіемъ удовольствовати свои плотскія желанія. Такое духовное сообщество обыкновенно имѣетъ цѣлю супружеску; и какъ скоро плѣсная похоть удовольствовати, то и розовый цвѣтъ, споль прелестно все украшавшій, немедленно вянетъ и исчезаетъ. Глаза видяшь вещи въ истинномъ ихъ образѣ: мужъ въ женѣ, а жена въ мужѣ видяшь обыкновенныхъ людей, а не Ангеловъ; въ плѣснѣйшемъ обхожденіи взаимно опкрываются многіе недоспашки, дополѣ совѣмъ неизвѣстныя и непримѣчаемыя; мысли о сверхестеспвнномъ достоинствѣ разсѣваются, и часпо досада и оторченіе заспунаюшь мѣсто сего высокаго мнѣнія.

Я не могу сказаць, чтобы сіе примѣчаніе относилось собственно къ Теобальду и Ама-

ліи, но со временемъ случалось между ими также то и другое, что и имъ порядочно открывало глаза.

Амалія въ новомъ своемъ соспоянніи сначала весело принялась за креспьянскую работу; но скоро увидѣла, что на самомъ дѣлѣ сія работа не такъ - то сладка, какъ издали кажется. Кшо съ малолѣтства не пріучилъ своихъ членовъ къ работѣ, пошъ никогда не будетъ къ ней способенъ. Однажды Амалія съ другими пошла въ поле вырыватьъ груши земляныя: эшо была ея первая работа. Опъ шяжелаго заступа руки ея скоро были всѣ въ пузыряхъ; но она перпѣливо сносила боль и даже насмѣшки своихъ подругъ, копала изо всей силы и мочи. Семья Феобальдова равнымъ образомъ скоро не нашла бы шущъ своего счета, ешъли бы 800 гульденовъ, кои Амалія каждой годъ высыпала въ казну семейственную, не возспановляли нѣкопорога къ ней уваженія: деньги сіи заставляли всѣхъ смощрѣшь сквозъ пальцы на то, что она не исправно выработывала хлѣбъ свой.

По прошествіи двухъ мѣсяцовъ первый воспоргъ любви совсѣмъ исчезъ; новобрачные осмощрѣлись и опомнились. Феобальдъ не находилъ еще въ Амаліи пороковъ, но много слабостей человѣческихъ; часто начиналъ

съ нею разговоры о духовныхъ предметахъ, но не встрѣчалъ уже въ опивѣшахъ ея, какъ прежде, ничего назидательнаго: она все еще была въ глазахъ его добрая, благочестивая Амалія; но блескъ свяшоспи, который прежде ослѣплялъ его, померкнулъ. Точно то же самое было и съ Амаліею: въ глазахъ ея такъ же Теообальдъ былъ добрый и честный крестьянинъ; но ничего особеннаго она въ немъ не видѣла. Сіе опкрытіе обоимъ имъ до такой степени было прискорбно, что всѣ вообще искреннія и назидательныя духовныя бесѣды имъ опрошивѣли: другъ съ другомъ наединѣ они къ тому принуждали себя, насилывали; но въ обществѣ съ иными благочестивыми людьми изъ устъ ихъ рѣдко лились прекрасныя рѣчи. Въ образѣ даже мыслей они не рѣдко другъ съ другомъ разнствовали, такъ что взаимно одинъ о другомъ сомнѣвались, находясь ли они на истинномъ пути. Не смотря на все сіе, они жили согласно; уже не Религія, но любовь супружеская ихъ соединяла. Теообальдъ со временемъ началъ видѣть и размышлять, сколь онъ былъ бы несчастливъ, если бы шуринъ его не простеръ къ нему щедрой руки помощи, и не обезпечилъ состоянія жены его. Она прилѣжно работала, но ни въ чемъ не было проку:

въ рукахъ ея все было не шакъ, не порядкомъ; иначе эшо и бышь не могло. Такимъ образомъ она не выработывала своего хлѣба, и даже, при всей своей скромности, не умѣла по крестьянски беречь деньгу про черной день, шакъ чшо безъ капишала конечно скоро пошла бы по міру. Молодой мужъ ужаснулся, помышляя объ опасности, кошорой самовольно подвергался. Однажды въ воскресный день послѣ обѣда, когда онъ съ женою въ своей комнатѣ читалъ назидательную книгу, сіе положеніе споль живо ему предспавилось, чшо онъ началъ плакать. Амалія, кошорая со всякимъ плачущимъ рыдала, не опспала опъ него до шѣхъ поръ, пока онъ не опкрылъ ей своего сердца. Признаніе его было для нея громовымъ ударомъ: сія самая мысль давно уже шакже шерзала и ея душу. Она часпо въ пишинѣ сравнивала погдашнее бѣдное жипье свое съ прежнимъ; размышленія сіи всегда оканчивались шайною, глубокою груспію, кошорую она опгоняла, но кошорая каждый разъ вновь къ ней возвращалась. Тупъ они свободно излили другъ предъ другомъ сердца свои; но какъ любовь ихъ была неограниченна; шо не дошли еще до раскаянія, а шолько взаимно совѣшповались, какъ бы лучше расположишь свое жипье на будущее время. Они

оба предвидѣли, что въ домѣ опцовскомъ не возможно имъ долго оспаваться, и что гораздо лучше было бы имъ жить особымъ хозяйствомъ. Феобальду наконецъ пришла мысль, кошорая была основаніемъ всего будущаго ихъ благосостоянія. Онъ вспомнилъ, что не далеко отъ Рулгейма большой господскій дворъ отдавался въ арендное содержаніе съ публичнаго шорга. Онъ лежалъ на пріятной долинкѣ; къ нему принадлежали прекрасныя луга, садъ, плодоносное поле и довольное количество лѣса съ другими угодьями. Феобальдъ рѣшился взять съ найма сію землю съ бывшимъ на ней заведеніемъ. Онъ, какъ крестьянинъ, зналъ свое дѣло, былъ скоръ въ намѣреніяхъ, рѣшишель въ исполненіи; думалъ, что получая по 800 гульденовъ въ годъ, онъ можеть взять съ найма сію землю, содержащъ ее въ порядкѣ, жить хорошо и со временемъ сдѣлаться зажиточнымъ; жена же его умѣла бы только содержащъ дѣвокъ въ порядкѣ и смотрѣть за ними: посредствомъ сего и она исполняла бы свою обязанность безъ дальняго шруда. Все сіе такъ понравилось Амаліи, что она съ того времени не имѣла покоя. Оба они размышляли о семъ предпріятіи, и въ первый разъ вмѣстѣ молили Бога на колѣнахъ о благословеніи ихъ намѣренія. Спранно, что сіи на-

божные супруги въ первый разъ еще только вмѣстѣ молились; но это точно такъ всегда бываетъ. Богъ наказуешь холодностію, лѣвностію, зашмѣніемъ шѣхъ, копорые Богу угодную впрочемъ склонность къ супружеству смѣшивающъ съ освященіемъ и съ духовнымъ усовершенствованіемъ. То и другое благо, но по и другое благо и свято въ своемъ родѣ. Прежде всего они открыли мысль свою родителямъ; сошли къ нимъ въ комнату. Іоаннъ сидѣлъ за печью и читалъ проповѣди; мать была за рукодѣльемъ. Дидрихъ и Амалія съ жаромъ предспавляли свое намѣреніе. Іоаннъ улыбался, положилъ очки въ книгу, покачалъ головою, и говорилъ: Дѣши! ваша мысль мнѣ нравишя. Я вижу, вамъ здѣсь не ужисься; идите съ Богомъ! да благословить васъ Господь! Я по возможности снабжу васъ, чѣмъ могу, на обзаведеніе; но знаете ли вы, что вамъ надобно предспавить залогъ? — Конечно! отвѣчалъ Дидрихъ; но развѣ не лзя упопрѣбить вмѣсто залога билета на 20,000 гульденовъ? — И по дѣло, сказалъ Іоаннъ. Но Амалія предложила другой способъ: хопѣла писашъ къ брашу и просить у него совѣша. Тотчасъ сіе и исполнила, и на другой день по ушру опсправила нарочнаго съ письмомъ своимъ. Посланный скоро возвратился съ оп-

вѣномъ, что Баронъ писалъ къ Князю и просилъ его уступитъ Феобальду сіе имѣніе за сходную цѣну въ наслѣдственный откупъ безъ торгу.

Сіе одолженіе чрезвычайно обрадовало молодыхъ супруговъ; они не сумнѣвались въ добромъ успѣхѣ, и причины къ тому не имѣли: ибо чрезъ двѣ недѣли получили они бумагу, въ копорой было сказано, что дворъ Брейтенаускій Феобальду и наслѣдникамъ его отдается въ управленіе съ плашежемъ умѣренной цѣны и безъ залога. Радость, копорую они, и всякой, кто желалъ имъ добра, при семъ чувствовали, не можетъ быть описана. Въ слѣдующую осень они шуда переселились; старшій Іоаннъ снабдилъ ихъ сѣмянами и посудой, а Баронъ прислалъ скопника и двадцать хорошихъ скотинъ для начала.

Феобальдъ съ женою такимъ образомъ нашелъ себѣ доброе мѣсто, гдѣ жилъ спокойно и въ удовольствіи. Обращимся мы къ настоящей своей цѣли. Феобальдъ и Амалія продолжали ходитъ въ Шварценау и посѣщали, сколько могли чаще, собранія Гохмановы. По тамошнему обыкновенію онъ сажалъ ее за собою на лошадь, и такъ они всегда путешествовали. Въ сосѣдственномъ городѣ Берленбургѣ въ то время жили

различные необыкновенные люди; между всѣми ими особенно отличался одинъ Шпразбургскій Магистеръ, весьма ученый человекъ, именемъ Иоаннъ Генрихъ Гаугъ, изгнанный изъ опечесства по нестерпимости тамошнихъ Богослововъ за нѣкоторыя мнѣнія. Онъ былъ весьма свѣдуещъ въ восточныхъ языкахъ; всякому, кто читалъ переводъ его Библии, извѣстно обширное его ученіе. Графъ Казимиръ полюбилъ его, и пригласилъ его поселиться у него въ замкѣ. Это не удивительно: Гаугъ имѣлъ плѣнительную наружность, нравъ кропкій и любезный, былъ искренно набоженъ и въ жизни беззазоренъ. По правиламъ своимъ, которыя изъяснены въ его примѣчаніяхъ на Библию, онъ былъ ученіемъ и жиціемъ строгій Мистикъ; вѣровалъ также возстановленію всѣхъ вещей и скорому явленію тысящелѣпняго Царствія Христова на землѣ, но въ смыслѣ не плотскомъ, чувственномъ, но въ высокомъ, сообразно сему высокому предмету.

Гохманъ изъ Шварценау посѣдилъ сего великаго мужа, и узрѣвъ достоинства и всѣ его познанія, исполнился почтенія къ нему до такой степени, что предугадывалъ, ожидалъ отъ него чего-то великаго. Всѣ послѣдователи Гауга и всѣ Піемисты съ начала сего столѣтія также воображали, что тысящелѣпнее

Царствіе уже предспоипшь ; и пошому всякой, кшо былъ сихъ же мыслей и мнѣнія, припомъ съ опличными дарованіями, обращаль на себя общее вниманіе. Они думали, что и Гаугъ, ешлы не будешъ самъ великимъ преобразителемъ Религіи, шо по крайней мѣрѣ предпечю сего времени. Самъ Гохманъ былъ почишаемъ предшешвенникомъ Хриспа ; и какъ никшо не доволенъ былъ однимъ Кліею, шо и многіе могли воспользоваться сею чеспію. Впрочемъ, сколь сильно Гаугъ ни былъ удосповѣренъ въ испинѣ своего мнѣнія о всѣхъ сихъ предметахъ, никогда онъ не имѣлъ мысли выспавляшь сагаго себя за нѣчто великое : онъ шакъ мало вообще занимался собственно собою, шакъ рѣдко показывался, что жилъ почти, какъ пущыникъ. Намѣреніе его было совсѣмъ иное, какъ шо мы увидимъ въ послѣдствіи.

Моженъ бышь я до сихъ поръ навлекъ уже на себя подозрѣніе, которое бы заранѣе мнѣ опклонить надлежало ; моженъ бышь обо мнѣ шо же будешъ сказано, что было сказано объ Арнольдѣ, по поводу его испоріи о церкви и ересяхъ ; моженъ спашься скажущъ, что я защищаю ерешиковъ, а пошому и повѣсть моя подозрительна : чипашель ! я долженъ сдѣлать здѣсь важное примѣчаніе. Безъ со-

мнѣнія, Писемниковъ слишкомъ много уже порицающъ. Вы счисляете гениемъ человека, котораго умъ блуждаетъ въ царствѣ мечпаний, который богатъ въ вымыслахъ, искусенъ въ описаніяхъ, пишетъ сладкіе романы: такого вы не поносите. Напрошивъ того, естели умъ, чпущій Религію, одѣваетъ испины ея пріятнымъ покровомъ; вы вооружаетесь, изгоняете сего человека изъ общества людскаго: справедливо ли это? И по дѣломъ, говорите вы: такіе романическіе рыцари Религіи опшодятъ народъ опъ пущи праваго и зло причиняющъ! — Но сколь мало зла они причиняющъ въ сравненіи съ вашими ядовитыми любовными романами! Сіи ведутъ ювошей и невинныхъ дѣвъ по скользящей дорогѣ мнимой чувствительности и порока; лиѣ всегда почти имѣющъ въ предметѣ швердую рѣшимость къ жизни добродѣтельной. Вы найдете, что Писемникъ въ обществѣ живетъ почти всегда безпорочно. Я знаю лучше самихъ васъ, опшколъ происходящъ всѣ сіи хулы и порицанія. — Опъ зависти. Чувство шайное, котораго вы, не смопря на все ваше вольнодумство, не можете подавить въ себѣ, гремитъ, какъ шруба, во всѣхъ изгибахъ вашего сердца: люди сіи лучше меня. Вы сами не смѣете, не можете и не

хопште идши по споамъ ихъ ; такъ жалаеште по крайней мѣрѣ выславивъ ихъ подозрительными. Другіе не доходятъ даже и до селъ : совсѣмъ не беруть на себя шруда испытанія , всякаго Піемиспа оглашають просто лицемѣромъ : ибо изъ двадцати одинъ такой. Богъ свидѣтель , что я правду говорю , думая , что обѣ сїи стороны пресшупають границы. Примѣчайте людей сего рода вы , знающіе сердце человѣческое ! воздайте честь Богу , изслѣдуйте : сіе достойнѣе вашихъ шрудовъ , нежели собираніе пшницъ , или бабочекъ , хотя впрочемъ и познаніе Творца изъ природы весьма похвально.

Я не знаю жизни прїятнѣе шой , какую въ то время мечпаніе доставляло. Пославимъ себя на мѣсто оныхъ послѣдователей Гохмановыхъ и многихъ другихъ. Они мыслили и несомнѣнно вѣрили , что между шѣмъ , какъ надъ всѣмъ міромъ восходили бѣдствія и предшоялъ ему великій судъ , они шолько одни въ безопасности , одни имѣють опшверзшыя враша во градъ свободы и покоя. Какъ вы думаете : человѣкъ , опъ всего сердца сему вѣрующій , не есть ли щасливъ ? не завидна ли его учаспъ ? Съ охошою онъ прїемлеть на себя всякой шрудъ , сноситъ шягоши съ радосшію , крошокъ , снисходительнѣ

къ ближнему, осыпаетъ его любовію; добрый гражданинъ, превосходный человекъ: и все сіе потому, что онъ знаетъ, что всѣ сіи качества нужны для достиженія цѣли его. Сей образъ мыслей естли не заслуживаетъ подкрѣпленія, то по крайней мѣрѣ достоинъ терпимости. Безъ сомнѣнія, между таковыми людьми бывають злоупотребленія, копорья должно обуздывать; но и злоупотребленія сіи едва ли не безопаснѣе ученія, споль почтеными выкладками утверждающаго, что чистая естественная Религія естъ единая истинная. Поздравляю я васъ, о-вы, лжеименные умы! съ симъ приобрѣщеніемъ. Когда вы взойдете на самый верхъ совершенства; тогда еще новый свѣтъ вамъ возсіяетъ. Но я самъ себя обгоняю.

Скоро послѣ Гауга пришелъ въ Берленбургъ Тухшфельдъ, изгнанный Люшеранскій Паспоръ, также равнодушный къ символамъ своей Церкви. Онъ имѣлъ даръ громомъ устъ своихъ приводить въ препещь. Наконецъ пришли туда же Диппель, Марсей и другіе имъ подобные. Спеченіе сіе споль сильно умножило испуцленія Шварценаузскаго брашства, что второе явленіе Христова казалось уже имъ близкимъ, у дверей предстоящимъ; начали приговоряться въ путь въ Обѣшванную зе-

млю. Между шѣмъ Гохманъ умеръ; случай сей остановилъ общее движеніе; собраніе лишилось пушеводителя; всѣ покуда ограничивались вшайнѣ Миспическимъ хожденіемъ въ присушствіи Божіемъ: и сіе вообще было самое лучшее и полезнѣйшее ихъ упражненіе.

Всѣ сіи ученые люди жили въ Берленбургѣ и часто сходились у Графа для совѣщаній. Тушъ Гаугъ предложилъ имъ великій планъ свой издашь новый переводъ Библии съ различными Миспическими примѣчаніями. Труду сему онъ обязывался посвятивъ всю жизнь свою. Всѣ признали сіе святымъ дѣломъ, всѣ описывали достоинство шаковаго изданія Библии, разсуждая, что всѣ дошолѣ извѣстные примѣчанія сославлены были книжниками — шакъ они называли ученыхъ — и не для сердца человѣческаго писаны. Предстоялъ вопросъ: кшо предприметь напечатать сіе изданіе? Изъ нихъ никшо не имѣлъ къ тому способовъ, а Графъ, какъ человекъ благоразумный, старающійся о шасціи своего семейства и о благополучіи своихъ подданныхъ, видѣлъ, что, упошребивъ на сіе свои доходы, онъ можетъ потерпѣть знатный ущербъ; но какъ и оставивъ предиріаніе, по видимому столь благошворное? Наконецъ они рѣшились печатаніе сего перевода предославить Берленбург-

ской приходской церкви, думая, что естльи сіе изданіе принесеть пользу, она по крайней мѣрѣ доспанется въ хорошія руки; въ случаѣ же неудачи, церковь снесетъ сей убытокъ удобнѣе, нежели человекъ частный. Предспоятели церкви приняли сіе предложеніе, и Гаугъ принялся за дѣло. Онъ и сотрудники его имѣли по всей Европѣ большое знакомство, и въ помѣ числѣ особенно въ Англіи и Даніи были въ перепискѣ съ весьма учеными людьми. Гаугъ увѣдомилъ всѣхъ ихъ о своемъ намѣреніи, и всѣ они съ радостію обѣщали ему въ помѣ содѣйствовать. Онъ началъ переводъ, и по мѣрѣ успѣха, разсылалъ списанья переведенныя къ своимъ знакомымъ для разсмотрѣнія; испрашивалъ ихъ о томъ мнѣніи и объясненія; самъ читалъ писанія извѣстнѣйшихъ Миссиковъ о шѣхъ же предметахъ, и попомѣ переписывалъ все на число. Такимъ образомъ онъ шрудился болѣе двадцати лѣтъ съ неушомимымъ рвеніемъ, и наконецъ вышла шакъ называемая Берленбургская Библия, въ восьми Часняхъ, въ лиспѣ, кошорая по справедливости можеть занять главное мѣсто во всякой Библиотекѣ.

Гаугъ имѣлъ брата, именемъ Іоанна Іакова, содержателя шипографіи. Онъ призывалъ

его въ Берленбургъ , гдѣ онъ также завелъ типографію. Здѣсь печатались разныя сочиненія , къ изданію которыхъ не приступилъ бы ни одинъ книгопродавецъ , и во всѣ спорны разсѣвались въ народѣ. Я упомяну при семъ объ одномъ изданіи , которое въ юности моей , когда я отъ всей души преданъ былъ Филадельфскому обществу , упояло меня радостію и удовольствіемъ , и не я одинъ , но и многіе , собравшись по воскреснымъ днямъ и читая сію самую книгу , восхищались до прешьяго неба. Она состоитъ , сколько помню , изъ 20 Часей и называется Geistliche fama , Духовная молва ; слѣдующій случай былъ поводомъ къ сему сочиненію. При Исенбургъ - Бидингскомъ Дворѣ былъ Лейб - Медикомъ Докторъ Карль , человекъ съ большою ученостію и съ дарованіями ; онъ учился въ Галле и съ покойнымъ Франкомъ , Христіаномъ Фридрихомъ Рихшеромъ и другими подобными находился въ коронной связи. Онъ обратилъ вниманіе на движеніе Гохмановыхъ послѣдователей и Берленбургскаго общества , познакомился съ ними , и вступилъ въ ихъ сообщество. Онъ имѣлъ много друзей въ Америкѣ , въ Азіи , въ Ост - Индіи , въ Обѣшванной землѣ , при Султанскомъ Дворѣ , по всей Европѣ ; всѣмъ сообщилъ , и всѣ приняли его

образъ мыслей. Онъ при семъ случаѣ хотѣлъ предпринять что нибудь полезное, и началъ издавать духовно - полипико - періодическое сочиненіе, которое въ царствіи Вошіемъ долженствовало бытъ по же, что Гамбургскій полипическій журналъ естъ въ Имперіи. Оно наполнялось разными любопытными извѣстіями изъ странъ Воспочныхъ, Западныхъ, Южныхъ и Сѣверныхъ; — явленіями духовъ; предгаданіями, предвѣщаніями, дивными повѣсціями, вообще такими предметами, чпеніе коихъ очаровываетъ. Сіе - то сочиненіе называлось *Духовная молва*. На семъ-то поприщѣ герой мой Самуилъ Юсафатъ Феобальдъ провелъ опроческія и юношескія лѣта. Дидрихъ Феобальдъ и жена его Амалія, урожденная Виршенъ, жили пріятно и спокойно на Бреушенауской мызѣ; все у нихъ шло по желанію. Амалія привыкла къ своему сосноянію, которое сама избрала: не оставалось уже въ ней ни шѣни наружности дворянской; она распорядилась въ кухнѣ и во всемъ хозяйствѣ своемъ, какъ совершенная крестьянка и съ мужемъ служила искренно Богу, только по своему. На другой годъ послѣ брака родила она упомянушаго сына, который въ крещеніи получилъ споль необыкновенное Еврейское имя. Родители положили воспитать сего мла-

денца въ испинномъ Христіянствѣ, и сдѣлашь изъ него добраго человѣка; послѣдовали примѣру Анны, матери Самуиловой, и посвящали также Богу и своего Самуила еще въ колыбели. Едва минуло ему шесть лѣтъ, онъ былъ отданъ въ Берленбургское училище и ввѣренъ шамошнимъ друзьямъ и знакомымъ.

О воспитаніи его можно легко составить понятіе. Нѣкоторыя черты его однакожь, нѣкоторыя случаи можно почестъ столь отличными, единственными, что не бесполезно будетъ посмотришь при семъ на опроческую жизнь его внимательнѣе. Тухшфельдъ, шомъ самый изгнанный проповѣдникъ, о кошоромъ я выше упомянулъ, принялъ на себя образованіе нашего опрока и поселилъ его у себя въ домѣ. Онъ имѣлъ жену, дѣтей и между прочимъ одного сына, о кошоромъ я въ свое время также скажу слово, другое. Феобальдъ избралъ къ сему Тухшфельда, потому, что онъ по великой строгости правилъ и жизни прослылъ почти святымъ.

Физическое воспитаніе Самуила состояло въ томъ, что приучали его мало спать. Въ девять часовъ вечера онъ долженъ былъ ложиться въ постель; въ чепыре часа упраспавашь; въ семь часовъ завшракалъ, шомъ до обѣда не могъ съѣсть ни крошки.

Обѣдъ бывалъ самой презвой; пилъ онъ только свѣжую воду; до вечера попомъ ему опять ничего не давали; кусокъ хлѣба съ масломъ и кружка воды соспавляли весь его ужинъ. Нравственное воспитаніе, какъ по легко можно себѣ представишь, было весьма строгаго; обхожденіе, знакомство съ другими дѣшми было совсѣмъ ему воспрещено. Всякое слово его было взвѣчиваемо; за всякую ошибку, смотря по важности ея, болѣе или менѣе былъ онъ сѣченъ. Тухшфельдъ самъ былъ его наставникомъ: училъ его Латинскому, Греческому и Еврейскому языкамъ; увѣщевалъ его, какъ онъ беземѣнно долженъ спояшь на спражѣ у своего сердца и ходишь съ непрестающею молитвою въ присущствіи Божіемъ. Нельзя описать терпѣнія и кротости, съ коими сей мальчикъ велъ себя въ столь необыкновенной школѣ; собственная воля его всякую минушу была преломляема; онъ наконецъ не имѣлъ своей воли, хотѣлъ только того, чего другіе хотѣли. Бога, Искупителя, Религію онъ зналъ шакъ, какъ бы жилъ уже на небесахъ; всѣ поступки его доказывали Ангельскую невинность и незлобіе. Опъ природы былъ онъ спроенъ, и какъ всѣ его спрашши непрестанно были укрощаемы и обуздываемы; шо на лицѣ его не было никакой силь-

ной, опличительной черпы: на немъ написаны были только крошечная невинность и какая-то рѣдкая пріятность.

Родители, иногда посѣщая его, были въ восхищеніи отъ сына, и думали, что Богъ сошлется на него великимъ орудіемъ въ своемъ Царствіи. Часто они желали взять его къ себѣ домой на нѣсколько недѣль, чтобы имъ повеселились; но Тухшфельдъ никакъ на это не соглашался, говоря: Самуилъ мой еще не въ силахъ смотрѣть равнодушно на расплѣніе міра; пусть дѣло Божіе утвердилось въ душѣ его, время еще не ушло. Оеобальдъ и жена его вѣровали сему благовѣстію, и попому опвергались радости обнять сына подъ роднымъ его кровомъ.

Однажды Тухшфельдъ съ женою были приглашены къ Графу обѣдать. Самуила поручилъ онъ своему сыну, который не былъ такъ спрогъ въ своихъ правилахъ, какъ передъ опцомъ показывался, и который и шуть занялся своимъ дѣломъ, а Самуила оставилъ одного. Бѣдный мальчикъ вышелъ подышать чистымъ воздухомъ. Возлѣ Тухшфельда жилъ чиновникъ, именемъ Гросъ, у котораго была прекрасная дочь однихъ лѣтъ съ Самуиломъ. Гросъ принадлежалъ также къ числу возбужденныхъ, и также тогда обѣдалъ у Графа.

Лиза его на дворѣ играла, рѣзала яблоко на мѣлкіе куски, и подчивала имъ свою куклу, сидѣвшую за столомъ. Самуиль ходилъ взадъ и впередъ вдоль забора, и ясными черными глазами глядѣлъ сквозь рѣшетку. Лиза примѣшила его, приняла видъ суровой, грозила ему пальцомъ. Добрый мальчикъ былъ очень прусливъ, что было слѣдствіемъ его воспитанія. Дѣти не приучаются ни къ какой опасности; всего пугаются, препенушъ опъ пущой шѣни. Самуиль, не говоря ни слова, опошелъ опъ забора и споялъ издали; Лизѣ это уже не понравилось: она прилешѣла къ забору, подала ему еквозъ рѣшетку кусокъ яблока, и сказала: вошь тебѣ, кушай!

Самуиль почувствовалъ грызеніе совѣсти: онъ вышелъ изъ дому безъ позволенія, вопреки строгому запрещенію своего наставника; видѣлся и говорилъ съ постороннимъ ребенкомъ; сердце его волновалось. Между шѣмъ Лиза повшорила ему: вошь яблоко! возьми; оно чисто, неколдовано.

„Каково бы оно ни было, но не для меня. Опъ яблока не я первый погибну.“

Ахъ ты дурачокъ! Маминька часпо очищаетъ для папиньки яблока, и онъ ихъ кушаетъ; папинька говоритъ, что Богъ со-

творилъ яблока для того, чшобы люди ихъ ѣли и Его за то благодарили.

„Чшобы ѣли ихъ во время обѣда; но между обѣдомъ и ужиномъ не должно ничего ѣсть.

Брось свою проповѣдь; кушай.

„Я не смѣю; — но есъли эшаго никто не узнаесть, я охотно съѣмъ швое яблоко.“

Лиза смопрѣла во всѣ окна, Самуиль также; и какъ они никого не видали, шо онъ рѣшился проглотить кусокъ яблока. Оно показалоь ему слаще меда. Каждой день мы сами бываемъ свидѣшелями, и обыкновенно никогда довольно не примѣчаемъ, чшо стоимъ только ступишь одинъ шагъ впередъ, возвратишья часъ опъ, часу шруднѣе. Грѣхъ споль вкусень, споль сладокъ въ устахъ, чшо стоишь однажды опвѣдашь его; послѣдствія и въ мысль не приходишь: мы пьемъ ядь изъ полной чаши. Обращите на сие вниманіе ваше, юноши и дѣвицы! бѣгите, какъ только вы усмошрите сей волшебный образъ!

Чшо случилось? Самуиль спупилъ первый шагъ; показалоь ему, чшо онъ въ жизни еще ничего подобнаго сему яблоку не опвѣдывалъ. Любопытная похоть, какъ шучно вскармленный, но скованный звѣрь, шущъ въ немъ воспрянула. Дай мнѣ еще кусочикъ,

Лиза!“ сказалъ онъ. Переиди ко мнѣ, опвѣчала она ему съ радостію. „Не лъзя“ говорили Самуиль, а между тѣмъ искалъ мѣста, гдѣ бы передѣзшь черезъ заборъ. Недалеко отъ дома лежалъ пенъ; онъ вспрыгнувъ, перескочилъ и въ минушу спалъ предъ Лизой, какъ листъ предъ травой. Это было первое преступленіе въ его жизни; никогда онъ еще ни съ кѣмъ чужимъ не обращался, не игралъ, не товаривалъ; никогда не чувствовалъ свободы, плавалъ въ щасіи, прыгалъ отъ радости.

Естьли кому сіе покажется невѣроятнымъ, що я прошу только не пишашъ пошчасъ крипики на мою книгу. Такогого могу я увѣришь, что онъ не видалъ еще хорошо въ глаза напуры; а пока онъ ее осмотришь съ ногъ до головы, до шѣхъ моръ я спокойно остаюсь при своемъ мнѣніи. Однажды я хотѣлъ опвыкнушь отъ табаку, и нѣскольکو недѣль крѣпился; но никогда не забуду удовольствія, кошорымъ я восхищенъ былъ, понюхавъ опять табаку. Предсавъ же себѣ воплощенное, такъ сказашъ, незлобіе, неимѣющее ни малѣйшаго понятія объ удовольствіяхъ, но чувствительное; предсавъ его въ шакомъ обществѣ, въ какомъ Самуиль находился шунъ съ Лизою. Она взаимно рада была Самуилу, и хоща шакже была строго вос-

пишана, но не шакъ, какъ онъ. У нихъ радость изъ глазъ выливалась; все, что между ними происходило, было невинно: они другъ друга ласкали, смѣялись, играли, болтали сколько могли. Если бы набожный Тухшфельдъ подъ собственнымъ своимъ надзоромъ позволялъ пишомцу своему забавляясь съ другими дѣшми добраго поведенія, если бы сія забава была ежедневно ему доспавляема; то послѣдній посупокъ не былъ бы первый шагъ его ко грѣху, и не имѣлъ бы шѣхъ важныхъ послѣдствій, какимъ онъ долженъ былъ неизбѣжно подвергнуться, ибо похоть нашла въ немъ домъ помешанный и украшенный. — Между шѣмъ симъ добрымъ дѣшмъ казалось, что часы проходили скорѣе минушь, и Тухшфельдъ возвратился домой гораздо прежде, нежели Самуиль о томъ подумалъ. Сынъ его давно привыкъ обманывать отца: старый Тухшфельдъ нашелъ его дома. Онъ пошчасъ спросилъ: гдѣ Самуиль? Ошвѣчали ему, что онъ сей часъ былъ въ горницѣ; спали искашь, и нашли его съ Лизою. Тухшфельдъ не считалъ сего большимъ преспуцленіемъ; онъ не довольно зналъ человѣческое сердце, чтобы предвидѣшь всѣ послѣдствія сего поступка, которыя при такомъ воспитаніи необходимо

должны были послѣдовать. Ешьли бы онъ могъ сіе предчувствовать; но далъ бы ему совсѣмъ иное воспитаніе. Почему онъ и ограничился усерднымъ ему изъясненіемъ, что онъ учинилъ сугубый грѣхъ: первое, что попустилъ противъ его повелѣнія; второе, что провелъ время безъ пользы. Самуиль призналъ и чувствовалъ и то и другое; но споль мало о томъ съшовалъ, что чувствовалъ безпрестанную поску по Лизѣ, и съ того времени душа его была занята единственно ею.

Наставникъ его примѣшилъ въ немъ перемену, находилъ его часпо печальнымъ, унылымъ, невнимательнымъ, небрежнымъ въ ученіи, а иногда и упрямымъ. Все сіе огорчало добраго Тухшфельда; онъ спарался найти источникъ сей перемены, чтобы въ самомъ началѣ искоренить зло, но никакъ не могъ опкрыть его: ибо Самуиль, при всемъ за нимъ наблюденіи, былъ довольно хитръ, чтобы хранишь шайну; надежда уйти украдкою и поиграть съ Лизою одна еще поддерживала духъ его и услаждала его горесть. Ешьли бы онъ опкрылъ настоящую причину своей перемены, то долженъ бы былъ опасаться, и не безъ основанія, что сія пріяшняя надежда его въ ничто обратится. Между тѣмъ Тухшфельдъ со дня на день болѣе

оторчался: онъ видѣлъ, что мальчикъ совѣтъ не шомъ былъ, и что всѣ его старанія и пруды тщетны. Наконецъ онъ рѣшился, при первомъ свиданіи, посовѣтоваться съ своими пріятелями, что и исполнилъ; но не могъ и вообразить, чтобы нѣсколько часовъ того дня, когда онъ обѣдалъ у Графа, а не что иное уничтожило всѣ пруды его, попому пріятелямъ своимъ и не упоминалъ онъ о семъ происшествіи. Естественнаго никто изъ сихъ благообразныхъ людей и не проникнулъ настоящей причины, которая, бывъ основана на событіи, никому сама по себѣ не могла открыться. Общее заключеніе ихъ состояло въ томъ, что причина всей оной переменны была единственно общее расплѣніе напурь человеческой, а слѣдственно и къ уврачеванію не можеть быть употреблено никакое другое лѣкарство, какъ только неослабное упражненіе въ насилуваніи воли и въ умерщвленіи плотскихъ похотей, чтеніе духовныхъ книгъ и непрестанная молитва. Тухшфельдъ положилъ впредь еще бдительно наблюдать за воспитаніемъ Самуила. Но все сіе ни мало бы не помогло, есльди бы юноша не нашель другаго рода пищи для чувствъ своихъ, пищи, которую самъ насавникъ его съ согласія всѣхъ друзей своихъ ему позволилъ. Са-

Муиль возѣмѣлъ охоту чипанъ *Духовную* *молву*; особенно ему нравились находящіяся въ оной повѣсти, шакъ, что онъ, сидя по цѣлому дню за симъ чтеніемъ, забывалъ и голодь и пищу. Тухшфельдъ сему радовался, поощрялъ его даже къ сему занятию, и между своими книгами самъ искалъ для него сочиненій шакого рода, какъ-то: Рейцерову *Исторію Возрожденныхъ*, Вуніаново *Путешествіе Христіянина въ блаженную вѣчность*, *Жизніе Св. Ошцевъ Готфрида, Арнольда и проч.* Таковыми повѣстями Самуиль наполнялъ свою душу; само по себѣ разумѣется, что образъ Лизинъ пребывалъ тамъ же напечатлѣннымъ: но то и другое порядочно въ его душѣ помѣщалось. Въ образѣ Лизы онъ представлялъ себѣ самыхъ свяшыхъ женъ. Читая *жизніе* какихъ-либо *Свяшыхъ супруговъ*, онъ спавиль на ихъ мѣсто себя и Лизу. Переселялся ли онъ съ Авраамомъ, или съ Пафнушіемъ въ самую ужасную пустыню: скрывался тамъ въ воображеніи въ глубокую пещеру; но и Лиза не далеко отъ него тамъ же была во власяницѣ: онъ ее, она его посѣщали въ семъ уединеніи.

Юноши и дѣвицы! когда вы лукаво при семъ усмѣхаетесь и другъ на друга поглядывая, думаете, что это сапир на васъ; по

да обыметь васъ ужасъ священный, подобно какъ ужасается новый разбойникъ, идущій въ первый разъ грабить церковь. Нѣтъ въ душѣ моей ни помышленія о сафирѣ; я рассказываю истинную исторію неиспорченнаго сердца. Самуиль подлинно не думалъ о шѣлесной любви къ Лизѣ, хотя у многихъ дѣшей и въ сіи уже лѣша показываюся слѣды плотскихъ вождельній: онъ чувствовалъ единую дружбу, или, лучше сказать, удовольствіе пустычника въ объятіяхъ добраго друга.

При всѣхъ высокихъ мысляхъ, копорыми при чтеніи такихъ книгъ Самуиль исполнялся, при всемъ сильномъ спремленіи уподобился величайшимъ святымъ, онъ имѣлъ неописанное желаніе раздѣлить свою радость съ Лизою. Мнѣ бы только прочесть ей сіи повѣсти! — безпрестанно швердилъ онъ въ умѣ и въ сердцѣ. Онъ приученъ былъ всякой день въ уединеніи при раза молишься на колѣнахъ. Прежде это было какъ урокъ для него; но съ шѣхъ поръ, какъ Лиза одна царствовала въ его сердцѣ, часто забывалъ онъ молитву: тогда же молился еще съ большею горячностію, не имѣвъ никакого инаго споль пламеннаго желанія, какъ сдѣлаться святымъ. Зная же, что сіе не можеть совершиться безъ содѣйствія Божіяго, и что сей

спешени надлежитъ достигати непресшанною молишвою, чаще и долѣе спояль на колѣнахъ, въ молишвахъ своихъ воспоминавая всегда и о Лизѣ.

Однажды онъ изъ своей комнашы увидѣль опяшь на дворѣ Лизу; она играла. Искушенію сему не могъ онъ сопротивляясь: схватилъ Жипіе Св. Опцевъ Арнольдово, прокрался на дворъ, сѣлъ возлѣ ограды на камень, подозвалъ къ себѣ Лизу, и чипаль ей жипіе Свяшой Евгеніи. Она внимала сему чпенію съ шакимъ воспоргомъ, что опъ радости и смѣялась, и плакала, особенно слушая, какія Самуиль при семъ дѣлалъ примѣчанія. Добрыя дѣши не воображали себѣ, что ихъ подслушиваютъ: Тухшфельдъ спояль за Самуиломъ, а Лизина мать, которая по данному ей Тухшфельдомъ знаку подкралась, за дочерью своею. Оба восхищались ихъ разговоромъ, какъ они желали бышь свяшыми, какъ хошѣли вмѣстѣ молишья, и швердо рѣшались со временемъ въ дикой лѣсъ удалиться опъ міра, сдѣлашья пусшынниками и проч. Снарики непримѣшно опошли опъ нихъ, и Тухшфельдъ шопчасъ перемѣнилъ планъ воспитанія: онъ думаль, что дѣши сіи быспро возрашуть въ мудросши и въ благодати, ешнли часшо будуть другъ съ другомъ ви-

дѣшья и вмѣстѣ учитья; пошелъ немедленно къ сосѣду, и предложилъ ему мысль свою, на которую сей не только согласился, но еще радовался. Условились, чшобы Лиза всякой день на одинъ часъ приходила въ домъ къ Тухшфельду, и чшобы онъ имѣлъ надъ ними неослабное наблюдение.

Сколь хорошо былъ обдуманъ сей планъ, столь же онъ былъ бесполезенъ въ исполненіи. Лиза приходила, но въ присутствіи Тухшфельда была робка и спыдлива; онъ съ своей стороны былъ слишкомъ угрюмъ для того, чшобы играть съ дѣшьями. Самуиль едва смѣлъ поглядывать на свою Лизу, и не сморя на то, что оба радовались сему случаю видѣшья, оба равно чувствовали пятгоспъ принужденности. Самуила заставляли прочесъ чшо нибудь Лизѣ; онъ исполнялъ сіе, но съ такимъ спрахомъ, безъ малѣйшаго удовольствія, пакъ, чшо ничего не понималъ, а Лиза, слушая его, дремала. Какъ скоро Тухшфельдъ увидѣлъ, чшо планъ его идетъ безъ успѣха, мало помалу вновь разлучилъ дѣшей, вмѣсто того, чшобы позволить имъ выходить и видѣшья свободно. Они бы шгда чшшали, играли, другъ другу шго и другое рассказывали, а онъ бы за ними подъ рукою надсматривалъ. Эшо не сдѣлано, и по

тому все было ищещно. Когда Лиза перешла ходить къ Тухшфельду, Самуиль вновь былъ задумчивъ и возымѣлъ опвращеніе опъ чшенія, не имѣя, кому сообщать свои мысли. Наконецъ онъ впалъ въ прежнее уныніе.

Между тѣмъ онъ подросталъ; скоро ему исполнилось десятъ лѣтъ; разумъ его созрѣвалъ быспро; онъ чувствовалъ въ себѣ нѣчто, чего назвать не умѣлъ. Тухшфельдъ приписывалъ сіе искушенію похопи плоти и вліанію лукаваго духа на пагубу мальчика. Часно о томъ съ нимъ бесѣдовалъ, возбуждалъ его къ молишвѣ, ко бдѣнію, къ умѣренности въ пищѣ и пиши, живо описывалъ ему славу будущаго вѣка, и убѣждалъ его чинать жизнь Г-жи Гийонъ. Самуиль повиновался его совѣшамъ, особенно въ разсужденіи сего послѣдняго сочиненія, дополъ ему неизвѣснаго. Но какъ все, что онъ ни чиналъ, сильно дѣйствовало на его сердце, то и шупъ то же случилось. Примѣръ Г-жи Гийонъ восхищилъ его до такой спешени, что рѣшился ииши по спошамъ ея; воспріялъ шоржешвенно обѣтъ жишъ единшвенно для Бога, и опвергнушья даже и Лизы, которая для него была всего дороже на свѣшѣ. Сей вошоргъ продолжался около чешверши года,

когда нѣкоторое новое приключеніе разрушило весь его замокъ воздушный.

Тухшфельдъ имѣлъ доброе сердце, благую волю. Если бы суждено ему было нести весь родъ человѣческой на плечахъ своихъ въ царствіе небесное, онъ бы не отказался; но онъ вообще не видѣлъ далѣе своего носа; и выборъ средствъ къ достиженію цѣли не всегда былъ у него самый лучший. Прекрасный планъ, по которому покойный Августинъ Германъ Франкъ основалъ Гальскій сиротскій домъ, грезился ему во снѣ и на яву. Рвеніе къ распространенію Царствія небеснаго наконецъ заставило его предпріяшь что-либо подобное; и добрый, честный Тухшфельдъ искренно думалъ, что для сего нужно только слѣпое упованіе на Бога. Если бы онъ зналъ свойство истинной Христіанской вѣры и испыталъ бы самаго себя; то увидѣлъ бы, что онъ имѣлъ нѣкоторый наружный образъ вѣры, а не прямую, существенную вѣру. И о сей-то камень претыкающагося многіе, впрочемъ добродѣтельные люди.

Хриспось и Апостолы Его благовѣствуютъ силу вѣры; все заключается въ сихъ словахъ: *ничто же не возможно вѣрующему*. Мф. XVII, 20, и слова сіи суть вѣчная истина, истина даже въ смыслѣ буквальному. Надобно только

изъяснишь сіе въ точности, еспьли не хотимъ попастъ на обманчивую спезю. Положимъ, что Богъ даруетъ какому-либо Христіанину свойство шворить великія чудеса ешесшвенныя: не должна ли премудрость Божешвенная участвовашъ въ семъ выборѣ, дабы чинъ природы не былъ нарушенъ, успавы смощрѣнія Божіяго не были бы преграждаемы? Но сія Божешвенная премудрость свойственна единому Богу; слѣдшвенно Богъ, еспьли Онъ благоволишь посредшвомъ чловѣка шворить чудеса, въ шопь самый часъ долженъ проницашъ его душу Божешвеннымъ лучемъ, во свѣтѣ котораго оный чудотворецъ могъ бы познавашъ въ себѣ силу къ совершенію чуда и вмѣстѣ чувствовашъ глубокое упованіе на Бога, что сіе дѣло обратишь во славу Его. Богъ не употребляетъ такихъ чрезвычайныхъ способовъ до шого времени, пока онъ, по обыкновенному печенію природы, можешъ достигнуть своей цѣли. Желая же Апостоловъ и мужей Апостольскихъ духомъ своимъ приутошовить къ чудодѣянію, Хришосъ далъ имъ манія, дабы они послѣдовали шому Божешвенному лучу свѣша въ ихъ душахъ, вѣрили бы оному, вѣрили бы, что они, исполняя заповѣданное, могушь преставлять и горы. Мѣ. XVII, 20.

Подобнымъ образомъ и великіе герои вѣры совершаютъ дѣла свои дивныя, копорыя хотя и не суть чудеса, но превосходящъ обыкновенныя силы человѣческія, какъ на примѣръ покойный Франкъ и проч. Въ предначертаніи Провидѣнія написано было, чтобы въ Галле былъ домъ сиротскій. На всѣхъ Его добро и зло было взвѣшено; первое превозмогло; сіе заведеніе должно было принести болѣе пользы, нежели вреда; и сіе есть знаменіе Божественнаго Промысла и благословенія на начинанія смертныхъ. Никто однакожъ, ниже самый свяшый человѣкъ, не можетъ предвидѣть, произведетъ ли самое благошворное, самое щасливое намѣреніе дѣйствительно добрыя послѣдствія. Оно сего дни можетъ приносить плодъ благословенія, а завтра плодъ проклятія. Единъ Богъ, Который предзритъ будущее во всѣхъ безконечныхъ его опшѣнкахъ, можетъ опредѣлить сіе.

Естьли же человѣкъ предприметъ благошворное по видимому дѣлу, и оно не удастся; тогда Богъ и слово Его обвиняется. Говорятъ: Богъ обѣщаль, что вѣрующій можетъ преславлять даже и горы. Но таковыя безмѣрно заблуждаютъ и даже грѣхъ швораютъ. Вникнемъ подробнѣе, какимъ образомъ Богъ посредствомъ своихъ Героевъ вѣры совер-

шаешъ свою волю? Онъ избираешъ шаковыхъ
 исполиновъ, да послужиашъ они примѣромъ,
 да покажущъ, что можешъ дѣлать человѣкъ
 съ совершеннымъ упованіемъ на Бога, и да
 ушвердишся шѣмъ паче истина Религи.
 Еспьли бы мы всѣ были шакіе герои вѣры; то
 было бы намъ чѣмъ заняшся и не выду-
 мывая своевольныхъ плановъ, какъ Тухш-
 фельдъ. Помомъ Богъ учреждаешъ наружный
 ходъ вещей въ мірѣ шакимъ образомъ, что
 вѣрующій видить пустошу, недоспашокъ въ
 шомъ самомъ, къ чему онъ чувствуетъ въ се-
 бѣ спремленіе; и горящая любовь его къ Богу
 и къ ближнимъ побуждаешъ его молишся,
 да просшрешъ Господь помощь свыше. Шакимъ
 или подобнымъ образомъ и Франкъ позналъ
 необходимосшь сиронскаго дома. Богъ разны-
 ми обстоятельсшвами внѣшними подалъ ему
 пришомъ опдаленную надежду узрѣшь испол-
 неніе сего предпріяшя. Франкъ имѣлъ по всей
 Германіи многихъ богатыхъ друзей, и сіе
 было для него призываніемъ. Единсшвенная
 истинная заслуга шакого человѣка состоишъ
 въ шомъ, что онъ не спрашишся и не ща-
 дишъ никакихъ шрудовъ; жерпвуетъ всѣмъ
 своимъ; въ высочайшей степени любишъ Бога
 и ближнихъ, на Бога во всемъ упоаетъ, даже
 среди неудачъ, среди мрака. Сего ради и Богъ

избираетъ его своимъ орудіемъ и благословляетъ его предпріятіе.

Но кто возмнѣтъ, что то или другое было бы хорошо и полезно, и не имѣя къ тому опъ Промысла вниманія, ни шайнаго побужденія, начинаетъ самопроизвольное дѣло во мнимомъ шолько упованіи на Бога; шаковаго безъ сомнѣнія ожидаетъ жребій, постигшій и Тухшфельда: онъ осраетъ въ посрамленіи. Сей добрый человекъ предпріялъ основашъ на счетъ Берленбургской церковной кассы сиротскій домъ, и предначерпалъ шому спранный планъ. Дабы предпріятіе свое покорить еще болѣе Провидѣнію, онъ хотѣлъ завести рудокопню въ мѣстѣ, которое къ шому подавало надежду. Сія рудокопня должна была составить источникъ дохода на содержаніе предполагаемаго сиротскаго дома. Не имѣвъ однако же никакого способа для начатія рудокопныхъ работъ, онъ письменно издалъ планъ свой во всенародное извѣстіе, и приглашалъ охотниковъ. Скоро нашлось ихъ довольное число; — между ними находился и Теобальдъ, отецъ Самуила, который далъ Тухшфельду тысячу шалеровъ. Съ начала все шло изрядно; купленъ рудникъ, почтившійся наилучшимъ; построено все нужное для переплавки серебра; всякой думалъ, что Тухшфельдъ испол-

нишь свое предпріятіе щасливѣе Франка. Чшо же случилось? Рудокопня опшпояла на при мили опъ Берленбурга; надобно было шамъ кому нибудь смотрѣшь за заведеніемъ. Тухшфельдъ назначилъ къ шому своего сына, кошорого при всемъ щцательномъ воспитаніи зналъ менѣе всѣхъ: Мисшическое, спрогое воспитаніе сдѣлало его лицемѣромъ; какъ же всѣ спраспи его находились въ плѣну, а со-всѣмъ не были укрощены, шю нуженъ былъ шолько случай бышь на волѣ, чшобы уподо-бшсья дикому, необузданному звѣрю. Сло-вомъ, молодой Тухшфельдъ шакъ хорошо до-моспроишельствоваль, чшо въ коропкое время опецъ его! и всѣ учаспники не шолько по-перяли капиталъ свой, но даже зашли въ долги, кошорыхъ рудокопня со всѣмъ ея за-веденіемъ не могла очиснишь. Умникъ управи-пель бѣжалъ, и вспунилъ въ службу солда-шомъ. Заимодавцы взяли за долги рудникъ; учаспники лишились денегъ, а Тухшфельдъ чеспи, любви и уваженія. Довѣріе къ Берлен-бургскимъ Піеншнамъ опъ шого самага по-шряслось.

Все сіе происходило шогда, какъ Самуиль жилъ у Тухшфельда. Вскорѣ послѣ знаком-спва его съ Лизою молодой Тухшфельдъ опсправился на рудокопный заводъ, и въ одно

почти время съ описаннымъ мною приключе-
 ніемъ, когда Самуиль, чипая жизнь Г-жи
 Гийонъ, даль обѣщъ посвящитъ себя на слу-
 жение Богу, старый Тухтфельдъ въ первый
 разъ открыль глаза и увидѣль, какъ сынъ
 его управляль возложеннымъ на него дѣломъ.
 Сіе новое открытіе безмѣрно огорчидо доб-
 раго старика; онъ считаль сына своего на-
 божнымъ, добронравнымъ, честнымъ юношею;
 думаль, что предпріятіе его основашъ си-
 ропскій домъ происходило опъ Бога; бога-
 тую рудокопню почисаль даромъ Божиимъ,
 несомнѣннымъ знакомъ небеснаго благослове-
 нія; словомъ: онъ думаль, думаль — и страш-
 но ошибся; самъ поскакаль на заводъ. Во время
 его отсутствія Самуиль оставался безъ над-
 зора, никто не смотрѣль за нимъ. Съ начала
 онъ ходиль только къ Лизѣ; но симъ не
 ограничился; началъ посѣщашъ и другіе со-
 сѣдственныя дома, хозяева копорыхъ вмѣняли
 себѣ въ удовольствіе испортитъ нравъ мальчи-
 ка, чпобы чрезъ шо Пиешистамъ сыгратъ шуш-
 ку; старались удовольстворитъ, пѣшитъ всѣ его
 склонности и желанія. Онъ вдругъ узналь споль-
 ко нелѣпостей, услышалъ сполько срамныхъ,
 двусмысленныхъ словъ, сдѣлался пакъ своево-
 лецъ и необузданъ, что скоро въ безчинствѣ
 превзошелъ всѣхъ равныхъ ему дѣшми. Каза-

дось, что все доброе погасло въ немъ до послѣдней искры; домъ Тухшфельдовъ казался ему пемницею: онъ бѣгалъ его, какъ язвы. Вскорѣ онъ былъ по всему городу въ прищучу; прослылъ извергомъ, сапаною, покуда наконецъ сія молва дошла до ушей отца его. Сеобальдъ положилъ также въ рудокопный заводъ часъ кацшала, и о худомъ управленіи онаго слышалъ еще прежде самаго Тухшфельда; къ шому же вспрѣшилось ему шо и другое, что навлекло его подозрѣніе на достопоченныхъ мужей, которыхъ онъ дошолѣ почипалъ свашпыми. Въ шакихъ случаяхъ обыкновенно мы переходимъ изъ одной крайности въ другую: шого и шого считаеиъ за Ангеловъ; когда же въ нихъ не находимъ искоиой непорочности и совершенства, шогда все, что они ни дѣлаюшъ, все безъ изьятія въ глазахъ нашихъ естъ обманъ и лицемѣріе. Всю сію недовѣрчивость еще умножали безпреспанныя посѣщенія: какъ онъ жилъ близко отъ Берленбурга и Шварценау, шо всякой день, всякой часъ пріѣзжалъ къ нему кто нибудь изъ Піешишцовъ, или мѣшалъ ему въ работѣ, или даромъ ѣлъ его хлѣбъ и пилъ его пиво. Все сіе наконецъ сдѣлалось ему несноснымъ, шакъ что началъ отъ нихъ удаляться. Между шѣмъ онъ держался еще ихъ вѣры и мнѣній, и чипалъ все, что ни было печашано въ цѣ

вой шипографіи. Но шупь онъ услышалъ о безчинстввахъ своего Самуила, и обѣ опсущсввіи Тухшфельда; въ ту минушу полешѣлъ за своимъ сыномъ, чшобы взять его въ домъ къ себѣ; пріѣхаль въ Берленбургъ; шамъ съ ужасомъ встрѣшилъ слухъ, чшо сынъ его пропаль безъ вѣсши, и чшо по приказанію начальства вездѣ его ищупъ. Сія вѣспъ сшибла съ ногъ спарика; вся сила вѣры и упованія его на Бога исчезла; онъ бѣгаль, мешался, не зная съ чего начашъ и чѣмъ кончипъ: все было безъ пользы. Самуила нигдѣ не находили; онъ ушелъ и елѣдъ проспылъ. Опець обѣщаль большія деньги; посылаль искапъ его по лѣсамъ и полямъ, въ прудахъ и колодцахъ: все было щщешно. Возвращилъ домой, и женѣ своей самъ принесъ гореспное извѣстіе. Жена, услышавъ его, лишилась чувствъ. Наконецъ они ободрились, и упѣшали другъ друга, какъ могли и умѣли. Дидрихъ имѣлъ еще одну дочь и одного сына, шакъ, чшо всѣхъ дѣшей у нихъ было шрое.

Чшшашели полюбопыщсшвуютъ зная, куда дѣвалъ Самуиль. Я разрѣшу эшу загадку. Хотя мальчику сему было шолько десяти лѣтъ, но онъ началъ уже чувствшвовать въ душѣ своей совершенную перемѣну; чщешніе книгъ возвело его на высокую шщешенъ мечшашія; въ часы сего чщешенія предшшавля-

лись глазамъ его всѣ святыя и ихъ приключенія, о которыхъ онъ читалъ повѣсти. Иногда онъ желалъ скрыться въ дальнѣйшія пустыни, и жить какъ отшельникъ; иногда всѣ сіи обѣщанія вдругъ исчезали, и онъ снова рѣзвился, буянилъ, билъ окна; ничего не стоило ему проломить комунибудь голову, изодрасть на комъ-либо платье. Однажды въ припадкѣ такого своевольства онъ съ другими мальчиками, по лугу игравшими, увидѣлъ бѣшеную собаку, которая прямо на нихъ бросилась, прежде нежели они могли спастись. Нѣкоторыхъ она перекусила; одинъ изъ нихъ въ бѣшенствѣ умеръ; Самуиль тамъ же находился, и чрезвычайно испугался; потомъ часто ходилъ мимо оконъ того дома, гдѣ спрдадь бѣдный, укушенный мальчикъ.

Сіе приключеніе произвело такое въ немъ впечатлѣніе, что онъ всю ночь провелъ въ слезахъ, споялъ на колѣнахъ и, простершись, лежалъ на землѣ. Вся жизнь его живо ему представлялась; всѣ грѣхи юности спояли предъ нимъ, какъ черныя фуріи, готовыя пожрать его. Наславленія Тухифельдовы казались ему шутъ словомъ Божиимъ, которое онъ пресупилъ, и за которое по справедливости подвергался осужденію. Наконецъ на разсвѣтѣ тихій лучъ надежды проникъ въ глубину его сердца: онъ почувствовалъ неодо-

лимое побужденіе у д а л и ш ь с я о п ь л ю д е й ,
скрышья въ какой нибудь дикой лѣсѣ, и упражняшья единственнo въ модипшѣ. О плашья, пищѣ, пишии, о холодѣ, о дикихъ звѣряхъ онъ совсѣмъ и не думалъ. При семъ сердечномъ умиленіи скорбь его преспада; вмѣсто скорби и спраха онъ ощутилъ въ сердцѣ споль глубокое спокойствіе, что даже лице его прояснилось, такъ что по ушпру всѣ домашніе его спрашивали: что съ нимъ случилось? о п ь ч е г о о н ь с а к ь п е р е м ь н и л с я ? О н ь ничего почти не говорилъ имъ въ ошвѣшѣ, и особенно спарался скрышѣ о п ь н и х ь с в о е предпріятіе, зная, что ему въ помъ помѣщаюшѣ. Между шѣмъ онъ уложилъ свое бѣлье и плашье, выкрался изъ дому, шапался въ окрестности, непримѣнно ошходилъ далѣе, и наконецъ ускользнулъ.

Онъ не помышлялъ ни о дорогѣ, ни о помъ, куда ишши; все равно для него было, лишь бы шолько скорѣе зайши въ дремучую дебрь, о п ь л ю д е й у д а л и ш ь с я . Между Графствомъ Берленбургскимъ и Герцогствомъ Вестфальскимъ находяшяся высокія лѣсисшыя горы, гдѣ иногда по цѣлымъ днямъ не встрѣчаешя ни одна живая душа. Туда Самуиль направилъ спопы свои, и шель съ такою скоросцію, что къ вечеру пробѣжалъ по крайней мѣрѣ двѣ мили, хотя пусшился въ дорогу

только по полудни. Наконецъ онъ взошелъ на верхъ горы, покрытой лѣсомъ. Заходящее солнце свѣсило въ глаза ему; кругомъ онъ не видѣлъ ничего, кромѣ горъ и лѣса: пушъ опозвался въ немъ голодъ; ушопишь жажду ему было чѣмъ: вездѣ прошекали источники свѣжей воды; но на ужинъ онъ не взялъ съ собою ни кусочка. Приближающаяся ночь наводила на него ужасъ: ему предешавлялись волки, бѣшенныя собаки, привидѣнныя, призраки. Ахъ! какъ онъ хопѣлъ возвратишься въ домъ къ Тухшфельду! но это было уже не возможно. Онъ взялъ съ собою Библию и нѣсколь-ко другихъ книгъ; раскрылъ одну, началъ чишашъ: ни что не ушѣшало его, желудокъ безпрестанно преребовалъ пищи. Онъ мысленно пробѣгалъ всѣ житія священныхъ пуспынниковъ, и въ воспоминаніи о ихъ спраданияхъ спарался найши опраду. Но какое жалкое ушѣшеніе пишашься кореньями и шравами! Онъ сорвалъ распишніе, положилъ его въ ропъ, и опъ горечи шопчасъ его выплюнулъ. Сорвалъ другое, шрешіе; ничего не могъ проглопишь; началъ плакашь. Между шѣмъ смерклось. Пришло ему на мысль, какъ сапана легко можешъ явишься ему и ввешъ его въ жестокое ишущеніе. Онъ не могъ противушояшь сей мысли, началъ громко вопишь, и опъ всего сердца молишь Бога о помилованіи.

Ходя взадь и впередъ, онъ увидѣлъ на скашѣ горы дымъ. Какъ бѣдный Самуиль сему обрадовался! Какъ спрѣла побѣжалъ, заключа по дыму, что шамъ жгли уголья. Чрезъ нѣсколько минушь онъ прилешѣлъ къ работникамъ. Хозяинъ былъ человекъ пожилыхъ лѣтъ, родомъ изъ Графства Лейзенбургскаго, и жилъ за милю отъ Брейшенауской мызы, гдѣ былъ домъ отца Самуилова. Онъ изумился, увидѣвъ мальчика одного въ лѣсу; по одеждѣ заключалъ, что онъ не нищій, но и въ голову ему не пришло, что онъ имѣеть щаспие принимашъ святаго Анахореша. Какъ только Самуиль увидѣлъ живаго человека, спрахъ его прошелъ, и желаніе бышь пущыннымомъ снова въ немъ воспрянуло. Онъ даже думалъ, что грусть, которою онъ мучился, происходила отъ Бога, была опышомъ, искушеніемъ, будешъ ли онъ поспояненъ въ замѣреніи. Онъ самъ спыдился своей слабости, и пвердо положилъ никогда ничего не бояшь. Но чтобы угольщикъ не опвелъ его къ отцу, онъ рѣшилъ не сказывашъ, кто онъ. Въ сихъ мысляхъ онъ подошелъ къ нему, принялъ на себя важный видъ, какъ онъ предспавлялъ себѣ пущынныхомъ, и началъ: Богъ въ помощь! добрый человекъ!

„Спасибо, малой! Откуда ты? что скажешь добраго?“

Я изъ міру иду на небо ; я пуспынникъ.

Угольщикъ засмѣялся , приспально поглядѣлъ на него и говорилъ : „Такъ ты выбрала не шу дорогу : здѣсь во всемъ пакая бѣдностъ , и деревья все шакъ низки ! не дождешся , покуда они выросшуть шакъ , чшо бы по нимъ взлѣзшь тебѣ на небо.“

Ахъ ! ты , голова ! Я совсѣмъ не шо думаю : я хочу бышь пуспынникомъ , жишь здѣсь въ лѣсу и служишь Богу.

„Ха ! ха ! ха ! Теперь тебѣ понимаю . Ошкуда же ты ?“

Я изъ Гессенскаго Княжества ; родилели мои бѣдные люди.

„Ей ! ей ! вдругъ дважды солгала : ты не изъ Гессенской земли , я эшо слышу по выговору , и не ошь бѣдныхъ родилелей , я эшо вижу по плашью.“

Самуиль покраснѣлъ , проболтался . Я скажу тебѣ правду , продолжалъ онъ : я изъ Берленбурга ; онецъ мой поршной и называется Гассе , Угольщикъ повѣрилъ : эшо было вѣрояшно.

„Какъ же тебѣ пришло въ голову убѣжашь ошь ошца и сдѣлашся пуспынникомъ ?“

Я читала въ книгахъ , чшо были люди , кешорые жили въ пуспыняхъ и сдѣлались свяшыми ; я хочу послѣдовашь ихъ примѣру и бышь шакже свяшымъ.

„Славно! добраго щасія! Но что ты
ѣшь будешь?“

Я буду молишься Богу; Онъ меня прои-
шаетъ.

Угольщикъ былъ шупливаго нрава; онъ
слыхалъ и чиналъ кое-что о такихъ людяхъ,
и хотѣлъ сыграть шушку надъ мальчикомъ;
бросилъ шопоръ, вошелъ въ свою хижину,
взялъ кусокъ хлѣба и началъ ѣсть. Самуиль
споялъ издали и сморгѣлъ; голодь снѣдалъ
его, но онъ не хотѣлъ попросить. Наконецъ
угольщикъ сказалъ ему: что же ты не мо-
лишься, чтобъ Богъ послалъ и тебѣ кусокъ?
Самуиль ошъ спыда спрячался за кускъ и
на колѣнахъ началъ молишься. Между тѣмъ
угольщикъ пригошовилъ порядочный кусокъ
хлѣба съ масломъ, и не подалеку ошъ хжи-
ны положивъ его на камень, скрылся. Окон-
чивъ молишву, Самуиль возвратился, увидѣлъ
на камнѣ кусокъ хлѣба, не обинуясь взялъ
его и скушалъ. Угольщикъ по видимому уди-
вился, откуда онъ досшалъ себѣ пищу. Да,
да! сказалъ онъ: шеперь я знаю: прилешѣла
большая, бѣлая пища и что-то положила
на камень; не на камнѣ ли ты нашель ку-
сокъ хлѣба?

Да! онъ шупь лежалъ: шочно ли пи-
ща прилешала?

„Ну, конечно! Вотъ видишь: когда ты станешь молишься и будешь благочестивымъ пусшынникомъ; то недосмапка въ пищѣ не поперпишь. Но гдѣ ты спать будешь?“

Позволь мнѣ переночевать у тебя въ хижинѣ; завтра я себѣ выстрою особую хижину.

„Пожалуй, спи со мною.“

Самуиль спокойно проспалъ всю ночь; но угольщикъ размышлялъ, въ какомъ страхѣ и скорби должны находиться родители о своемъ сынѣ; и думалъ, какъ бы ему это устроить. Самому ему не лзя было отойти отъ работы; уголье начинало только горѣть; жена его приходила къ нему только по воскреснымъ днямъ, и на цѣлую недѣлю приносила ему пищу; не находилъ онъ другаго способа, кромѣ терпѣнія, пока онъ получитъ случай дать знать о Самуилѣ отцу его. На другой день по утру, когда Самуиль проснулся, угольщикъ говорилъ ему: Самуиль! Богъ внушилъ мнѣ мысль, чпобы ты ппался со мною, чѣмъ Онъ пошлетъ, до тѣхъ поръ, пока я здѣсь жечь буду уголье; но еспьли ты хочешь быть пусшынникомъ, то не можешь жить въ одной хижинѣ со мною, а надобно тебѣ выстроить особую. Мальчику это было по сердцу. Онъ началъ паскаться въшиви, соспроиль себѣ, какъ могъ, хижину, и въ ней по-

Часть I.

ВЕРХОТУРСКАЯ
ИМЕНИ
А. И. МУХОМАНОВА
ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА
К. 18.

селился. Тупъ онъ воображалъ себѣ, что онъ подлинно пусшынникъ, прыгалъ онъ радости, всякой день молился въ назначенные часы и читалъ книги. Между шѣмъ угольщикъ продолжалъ съ нимъ свои шушки: иногда пугалъ его ночью, и послѣ увѣрялъ, что это было искушеніе; иногда говорилъ къ нему, спрятавшись, и заспавлялъ его думая, что съ нимъ бесѣдуетъ Ангель. Не смотря на все сіе, Самуиль чрезъ нѣсколько дней началъ расклевашься; жизнь пусшынническая переспала ему нравиться; довольно явно изъяснялъ онъ свое сожалѣніе; но угольщикъ упрекалъ его симъ сѣшваніемъ, и поощрялъ его пребывать вѣрнымъ въ своемъ намѣреніи. Ни что не помогало: Самуиль скрылся, шайкомъ уложилъ скорбь своей, и какъ угольщикъ пошелъ за водою, онъ ускользнулъ по той же, какъ думалъ, дорогѣ, по которой пришелъ. Онъ надѣялся легко выйти на нее изъ лѣсу; но ошибся: сбился съ пуши, пять часовъ ходилъ во всѣ стороны, и наконецъ пришелъ въ уединенный крестьянскій домъ, который былъ поспоялымъ дворомъ и споялъ на большой дорогѣ изъ Касселя въ Вестфалію. Сія го-спинница слыветъ пристанищемъ разбойниковъ, и принадлежить къ Графству Берленбургскому. Самуиль, пришедши шуда и до крайности уславъ, былъ голоденъ и печаленъ.

Тутъ уже не былоу него на умѣ умерщвленія плоти. Онъ вошелъ въ избу, рыдалъ и рассказывалъ хозяину и хозяйкѣ, что онъ сынъ Дидриха Феобальда, живущаго на Брейшенауской мызѣ; что онъ жилъ въ Берленбургѣ у Тухшфельда, и опошелъ отъ него съ шѣмъ, чтобы сдѣлаться пуспынникомъ; но шеперь раздумалъ, и хотѣлъ возвратиться назадъ въ Берленбургъ, но сбился съ пуши. Послѣ сей повѣсти онъ просилъ убѣдительно дать ему чего нибудь поѣсть, и показашъ дорогу въ Берленбургъ. Хозяинъ и хозяйка уже слышали, что мальчикъ ушелъ; они дали ему ужинашъ, и какъ уже было поздно, то ушѣшили его обѣщаніемъ, что на другой день опсправяшъ его домой съ вожагимъ. Въ вечеру опвели они Самуилу чуланъ и кровать, гдѣ онъ заснулъ пріятно и спокойно. Въ сіе самое время въ шой споронѣ много шуму дѣлала шайка разбойниковъ, копорою начальшповала одна женщина изъ Графшва Лейзенбургскаго. Она называлась Шнусъ; мужъ ея дѣлалъ гвозди. Въ сосѣдствѣ всѣ считали ее честною и доброю женщиною, и какъ она во всемъ была скоро и проворна, то и дали ей названіе Шнусъ, или по шамощнему нарѣчію — ловкая. Всякой разъ, когда мужъ надѣлаешъ гвоздей, она, уложивъ ихъ

въ мѣшокъ, отпралялась, подъ видомъ того, чтобы продать ихъ въ Гессенскомъ или Випгеншпейнскомъ Княжествѣ; вмѣсто того обыкновенно она приходила въ одну госпидницу, называвшуюся Лейменъ Шпрутъ, гдѣ, сверхъ многихъ иныхъ мѣстъ, имѣла присанище. Здѣсь она переодѣвалась въ богатое рыцарское платье; сообщники ея къ ней собиравались; она садилась на лошадь, вмѣстѣ съ ними развѣзжала, грабила, убивала и всячески злодѣйствовала. Когда же время было ей возвратиться домой; она опять снимала съ себя мужское платье, брала свой узелъ, и какъ честная женщина приходила обратно къ мужу. Добрый мужъ всегда радовался, когда она приносила ему мѣшокъ денегъ за проданный товаръ; но она никогда не давала ему болѣе того, чего сполчили гвозди, дабы не навлечь на себя подозрѣнiя. Все сiе довольно долго продолжалось; одно имя Барона Шнаусъ, подъ которымъ она была извѣстна, приводило каждаго въ ужасъ. Наконецъ она по какому-то спрашному смертоубійству схвачена и приведена въ Лейзенбургъ. Мужу никогда ничто подобное въ голову не приходило. Онъ жилъ въ деревнѣ за три версты отъ Лейзенбурга. Слухъ пронесся, что Баронъ Шнаусъ пойманъ. Изъ любопытства пошелъ и онъ съ сосѣдами посмотреть на чудо; при-

шелъ, и вмѣсто Барона Шнауца увидѣлъ женщину. Бѣдный, жалкой человѣкъ спалъ у городскихъ воровъ, чшобы лучше поглядѣшь на Барона, когда проведуть его; глядѣлъ въ оба, и вдругъ увидѣлъ — жену свою! Обезпамятѣлъ, упалъ въ обморокъ, и опнесенъ безъ чувствъ домой. Жена его скоро за шѣмъ была казнена.

Въ шонъ самый вечеръ, когда Самуиль ночевалъ въ Лейменѣ Шпрутѣ, Шнаусъ или Баронъ Шнаусъ развѣзжала шамъ же въ окрестностяхъ. Въ одиннадцать часовъ ночью она съ десятиью своими сообщниками приспала въ шой же госпинницѣ, и какъ все было тихо, шо одинъ за другимъ они украдкою вошли въ избу. Хозяинъ и хозяйка были давно съ ними въ дружбѣ; начался пиръ и де-лежъ. Какъ же все сіе происходило въ горницѣ подлѣ чулана, гдѣ Самуиль спалъ; шо бѣдный малой проснулся, и опъ крику и шуму не могъ уже заснуть ни на волосъ; долго ворочался въ постели, наконецъ вспалъ, одѣлся и вышелъ въ избу. Онъ не зналъ и не думалъ ничего худаго; но смѣлосшь его едва ему не споила жизни. Какъ скоро онъ показался, всѣ разбойники на него успавили очи, хозяинъ вскочилъ, шукнулъ его назадъ и велѣлъ ему не шевелишься въ чуланѣ. Шнауца, въ вышней степени кровожадная и подозри-

пельная, пошчасъ обрекла его на смерть. Хозяинъ спалъ ее уговаривать, рассказывалъ ей, кто такой сей мальчикъ; другіе также просили пощадить его. Нѣтъ! вскричала жестокая Шнусъ: онъ можеть опкрышь насъ, и долженъ умереть. При сихъ словахъ она вынула свой кинжалъ, и не смотря на всѣ прозбы, ворвалась въ чуланъ; но Ангелъ Хранишель вывелъ уже бѣднаго опрока изъ сего вершепа разбойниковъ. Самуиль пошчасъ догадался, что онъ не въ добрыхъ рукахъ; холодный пошъ пронялъ его по всему шѣлу; онъ въ мигъ обулся, и въ ту же минушу услышалъ страшный голось Шнауза; выскочилъ въ другія двери на дворъ, и въ заднія ворота пробрался на вольный воздухъ; страхъ далъ крылья ногамъ его: онъ не мерелѣзъ, перелетѣлъ черезъ заборъ и побѣжалъ въ кустарники. Шнаусъ со всею своею шайкою была въ большой превогѣ: они опасались, чпобы мальчикъ не ушелъ у нихъ изъ рукъ и не опкрылъ бы ихъ скопища. Прежде они искали его по всему дому, и не нашедши, еще до разсвѣта обшарили весь лѣсъ и всѣ горы, и на вѣрно бы сыскали его, естли бы милосердіе Божіе не спасло его дивнымъ образомъ. Какъ скоро онъ зашелъ въ кустарники, дышалъ шамъ свободнѣе, но не оспановился, и украдкою пробирался далѣе сквозь кусты, на

думая о томъ, куда попадешь. Совсѣмъ уже онъ шупь не думаль о привидѣнiяхъ; и здѣсь весьма кешаши можно повшорить слова Давидовы, которыя безъ сомнѣнiя онъ изрекъ, зная всѣ тайны души челоуѣческой: Да впаду въ руцѣ Господни, въ руцѣ же челоуѣчи да не впаду. 11, Царст. XXIV, 14. — Черезъ четверть часа Самуиль попалъ на тропинку, которую онъ, не смотря на темноту ночи, при одномъ свѣтѣ звѣздъ примѣшилъ; не долго гадалъ онъ, что ему дѣлать, прыгнулъ въ кустарникъ, и слабоспъ шакъ его одолѣла, что онъ болѣе не могъ спунить ни шагу; заползъ за густой кустъ и прилегъ на сухое листвье. Едва онъ успѣлъ расположиться такимъ образомъ, какъ шага за два услышалъ людей, которыя тихо между собою разговаривали и все ближе къ нему подходили. Бѣдный мальчикъ пренепалъ отъ страха, и скоро разобралъ, о чемъ они говорили. Одинъ ворчалъ, что нечего было бояться, жопя впрочемъ совѣсть у нихъ не шакъ - то чиспа; что сполло шолько сказать, что мы куйцы: мальчикъ не могъ бы имѣть никакого подозрѣнiя. Далѣе я ни на шагъ, заключилъ онъ: какая охоша искашь его споль далеко? онъ не могъ забѣжать до сего мѣста. — Я назадъ иду. — И я шакже, опшѣчалъ другой. Оба немного пошбяли, и возвратились.

Послѣ такого спраха бѣдный Самуиль скоро заснулъ; на разсвѣтѣ проснулся, вспалъ, и сквозь кустарники пробирался далѣе, держался однакожь пропинки, по кошорой чрезъ полчаса вышелъ на чистое поле. Неподалеку увидѣлъ онъ земледѣльцовъ, кошорые показались ему Ангелами; онъ собралъ послѣднія силы, и наконецъ прибѣжавъ къ нимъ, горько зарыдалъ и сѣлъ на землю. Сии добрые люди удивились, обступили его, сожальли объ немъ, и спрашивали: откуда онъ? Онъ разсказалъ имъ все свое похождение, какъ и для чего ушелъ изъ Берленбурга, гдѣ былъ, и въ какомъ спрахѣ провелъ послѣднюю ночь. Изъ сосраданія они взяли его въ деревню, накормили, напоили, и хошѣли съ жошашымъ опправитъ въ Берленбургъ, кошорый былъ отъ нихъ шолько за шри мили; дали пакже знашь начальству, что въ гостинницѣ Леймень Шшрупъ опяшь показали разбойники. Самуиль, проспавъ все ушро, послѣ обѣда съ проводникомъ опправился въ городъ.

Конецъ первой Части.

Послѣ тако
 скоро заснулъ; на
 и сквозь кустари
 жался однакожь
 подчасъ вышелъ
 ку увидѣлъ онъ
 казались ему Ан
 ния силы, и на
 горько зарыдалъ
 люди удивились
 объ немъ, и спр
 рассказалъ имъ
 для чего ушелъ
 и въ какомъ спр
 Изъ состраданія
 накормили, напо
 онсправилъ въ Б
 ошъ вихъ шольк
 знашь начальств
 мень Шпрупъ с
 Самуиль, проспа
 проводникомъ он

Коне

